

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 16 АПРЕЛЬ 1988

АГОНИЯ ОГНЯ

ЧТО ПОЧЕМ?

АКТЕР
МЕНЯЕТ
ПРОФЕССИЮ

ПОЙМАННАЯ СТИХИЯ

ЛУЧШЕ ВИДИМ

87

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 16 (3169)

16 — 23 АПРЕЛЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

Главный редактор
В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,

В. В. ГЛОТОВ

(ответственный секретарь),

Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель главного редактора),

К. А. ЕЛЮТИН,

Н. А. ЗЛОБИН,

В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель главного редактора),

Ю. В. НИКУЛИН,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

А. Б. СТУКОВ,

С. Н. ФЕДОРОВ,

Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,

В. Б. ЧЕРНОВ,

В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Да будет свет! Операцию по трансплантации тканей для восстановления зрения ведет хирург-офтальмолог, кандидат медицинских наук Венера Галимова. (См. в номере материал «Чужой саженец».)

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 212-21-88; Между-
народный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69;
Искусства — 212-15-39; Морали и писем —
212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных
приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 28.03.88. Подписано к печати 12.04.88. А 00327. Формат 70 x 108 $\frac{1}{4}$. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 780 000 экз. Заказ № 2125.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ОБРАЗЫ ЛЕНИНА

**МНОГООБРАЗЕН БЫЛ ЛЕНИН,
КАК МНОГООБРАЗНЫ БЫЛИ
ЕГО ИМЕНА.
ПУСТЬ ДРУГИЕ РАССКАЗЫВАЮТ
О РАЗНОСТОРОННОСТИ
ЕГО ХАРАКТЕРА
И КИПУЧЕЙ
ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.
МЫ НА ЭТОТ РАЗ ЗАЙМЕМСЯ
МНОГООБРАЗИЕМ
ЕГО ВНЕШНИХ ПРОЯВЛЕНИЙ,
КОИ ВСЕ БЫЛИ
ОТРАЖЕНИЕМ ВЕЛИКОЙ ЛИЧНОСТИ
ВОЖДЯ МИЛЛИОННЫХ МАСС.**

Н. Осинский

Н. ОСИНСКИЙ

56 лет прошло со дня рождения незабываемого и небывалого человека, который по обычаю отсталой страны, где он родился, носил целых три имени «Владимир Ильич Ульянов». Эти три имени, пахнущие просторами приволжских степей и дымом сибирских деревень, он сократил в одно — грозное и холодное для врага, могучее, как северная река, — Ленин, а рабочий класс России сократил их в одно — теплое, простое и милое — Ильич.

Многообразен был Ленин, как многообразны были его имена. Пусть другие рассказывают о разносторонности его умственного характера и кипучей его деятельности. Мы на этот раз займемся многообразием его внешних проявлений, кои все были отражением великой личности вождя миллионных масс.

Был Ленин совсем обычной внешности, скорее даже некрасив собой. Был мал ростом, скуласт, с вкраплением монгольских черт в его лицо — черт, которые так часто проходят по лицам «русских» людей, племени, быть может, наиболее смешанного из всех, какие существуют на свете. Цветом волос был рус, с рыжеватым оттенком, и волосы росли негладко, казались жесткими в бороде и усах. Линией рта и очертанием носа был тверд, почти суров. Был зорек и внимателен небольшими живыми глазами. Был крепок телом, силен и упруг в движениях.

Однажды, во время спора с «левыми коммунистами» в начале 1918 года, было заседание, где Ленин усиленно старался наставить на путь истинный шедших напролом молодых большевиков. Мне рассказывали (я сам при этом не присутствовал), как Ленин, не добившись толку, явно рассвирепел. Он не говорил ни слова, а только мерял комнату шагами. «Он ходил буквально, как тигр в клетке. Не хватало только хвоста, чтобы бить себя по бокам». Тигр ходит мягко и упруго, но со стальной твердостью. Так тогда шагал Ленин.

И такую разновидность внешнего проявления Ленина можно найти в некоторых его снимках. Он стоит или сидит, с головой, немного выдвинутой вперед, с глазами, ставшими неподвижными, с бровями, лишь немного нахмуренными, с ноздрями, застывшими в суровые дуги, со ртом, где зубы крепко сжаты или где они четко видны, так как рот открыт для жестких слов. Это — Ленин для врагов, это настоящий ЛЕНИН — грозный, суровый и могучий, вождь бес-

численных ратей, низвергающих власть «железной пяты».

А вот и другая разновидность, которую можно также найти на фотографических снимках. Суровое, чуть угрюмое лицо — на голове, поставленной прямо и твердо. Блестит и бросается в глаза белый, гладкий лоб. Губы сомкнуты. Усы и борода плотно лежат кругом рта. Скулы хорошо прорисовываются. Глаза же смотрят далеко и спокойно. Это Ильич думает о чем-то. Не только фотограф здесь удачно поймал случайное выражение лица: оно постоянно повторялось у Ленина. Когда он задумывался (иногда подходя к окну и устремляя взор в небо), то делался спокойно угрюмым. Точно он заглядывал очень далеко вперед, видел перед собой долгий путь, полный страданий и трудностей. Но смотрел на него спокойно — все можно преодолеть, и победа в борьбе неминуема. Когда такое выражение приходило на лицо Ленина, он становился определенно красив какой-то мужественной красотой; на лице его светился ясный, стройный, во всем пропорциональный, огромный ум.

А вот совсем иной вариант, иная разновидность. Подняв одну бровь и высовывая голову из тела, посаженного круглым «мешком», Ильич одним веселым, блестящим глазком смотрит на собеседника, а другим слегка прищурился. При этом он обязательно улыбался, — слегка или в полной мере. Щеки у него закругляются, и все лицо делается круглым, тогда как в первых двух случаях оно получает клинообразный вид. Это выражение, также часто ухваченное парой фотографий, отлично знакомо всем, кому много приходилось видеть Ильича. Наилучшее для него обозначение — Ильич лукавит. Лукавит, то есть хитрит в смысле «тактического». Ибо «стратегическая» хитрость у Ленина была гораздо глубже и не проступала на поверхность. Если нужно было, он ее прикрывал другим выражением лица (тоже особая разновидность) — выражением «деревянным», глухим, не откликающимся вовсе на неуместные вопросы.

Когда Ильич лукавил, у него соответственно менялся голос. Голос добродушно круглился, понижаясь в разговоре один на один почти до шепота. Ильич начинал со смаком пришепetyвать и ударять в нос, руками он делал круглые, убеждающие жесты, или опускал руки в колени, подымая плечи. Таким голосом он задавал каверзные вопросы зарпортованному докладчику в Совнар-

коме. Таким голосом преподносил округленно-ядовитую формулу самоуверенному буржуазному умнику. Таким голосом он успокаивал товарища, искренне, горячо, но без толку волновавшегося и упорно не желавшего вылезать из каких-нибудь политических трех сосен, в которых заплутался.

И есть еще одна разновидность — добродушно-веселый Ильич. Таким можно найти его, например, на снимках, где рядом сидят дети. Но можно было видеть его таким и в других случаях. Он был таким для товарищей в хорошие веселые дни, когда революции улыбалась удача, или в тех случаях, когда по важному вопросу не надо было спорить, а надо было только хорошо сформулировать задание, осознанное товарищами в борьбе, или тогда, когда можно было отложить в сторону заботы и чем-нибудь повеселиться.

Ильич тогда совсем закруглялся. Пиджачок или тужурка его принимали кургузый вид оттого, что носитель их распускал твердые мускулы и сразу становился полнее. Кепка слезала на затылок или, наоборот, опускалась козырьком на улыбающееся лицо. Пальто иногда оказывалось наброшенным на плечи, как шинель. Вообще, когда на сцену появлялся «добродушный Ильич», тогда обнаруживалось вовне, что он был в бытовом смысле простым и неприятным, но живым и веселым, рабочим человеком. Работа его была суровая и тяжкая, в политическом дыму и огне, не хуже, чем у литейщика или вальцовщика на металлургическом заводе. Но когда он выходил со своего «завода», то мог идти с картузом, сдвинутым на затылок, и с пальто, наброшенным на плечи, как веселый рабочий, пошавший в субботу. Только был он рабочим передовым, революционным, культурным и сознательным, и шабашил без сотки в кармане.

Много было и других разновидностей, всех не перечтешь. Некоторые разновидности имели динамический, движущийся характер. Я описал однажды в очерке «Ленин. Рисунок пером», каков был Ильич в движении большого доклада, вскрывавшего очередное «звено, за которое надо ухватиться». В ходе такого выступления выражения и жесты сменялись, но в то же время сливались в одном разворачивающемся единстве. Разворачивалась — мысль, воля огромного захвата, великой простоты, глубокой трезвости, бесстрашной революционности и законченной конкретности. Внешнее

Имя автора этой статьи — партийный псевдоним Валериана Валериановича Оболенского, одного из первостроителей Советского государства. О его деятельности и трагической судьбе мы рассказали в «Огоньке» № 24—27 г. В. В. Оболенский был профессиональным революционером, после победы большевиков в Октябре занимал посты первого управляющего Госбанком РСФСР, первого председателя ВСНХ, заместителя наркомзема, управляющего ЦСУ... Экономист, литератор, разносторонне развитый, энергичный человек — таким был В. В. Оболенский (Н. Осинский). Он работал много лет под руководством В. И. Ленина, сохранились его воспоминания об Ильиче — горячие, непосредственные. Прекрасно сравнение Ленина — вождя революции с рабочим: «Работа его была суровая и тяжкая, в политическом дыму и огне, не хуже, чем у литейщика или вальцовщика на металлургическом заводе... Только он был рабочим передовым, революционным, культурным и сознательным...» Статья «Образы Ленина» была напечатана в 56-й день рождения Владимира Ильича в газете «Правда». С тех пор она не переиздавалась. Сегодня снова звучит любящий голос публициста-большевика.

проявление этого развертывания было просто, но прекрасно. Не нашлось и, вероятно, не найдется художника, который мог бы дать отражение этой динамики. Мало успели схватить ее наши кинооператоры. Год или два назад в Москве шла лента «Его призыв». В середине ленты на пару минут появляется на экране Ильич, произносящий речь, — этот кусок позаимствован из старого киноснимка. До того динамичен этот говорящий Ильич, до такой степени он вдруг поднимает в впечатлении и темп показываемого, что, лишь только он возник на экране, — зал разразился аплодисментами. И не только потому, что увидели любимого человека, а оттого, что увидели в его движении движущую стихию революции, увидели ее через муть плохого снимка времен гражданской войны, через сыпавшиеся по экрану полосы, пятна и точки.

С посмертными портретами Ленина у художников явно ничего не выходит. На этих портретах появляется перед нами то солидный премьер-министр, то нормальный русский интеллигент, то русский «мужичок», одетый в мягкую рубашку и пиджак. Ленин не был ни тем, ни другим, ни третьим. Нарисовать Ленина может только художник, способный дать какой-то «динамический портрет» или дать серию портретов-разновидностей, ухватывающих типичные сменя в ленинской внешности. И остался Ильич запечатленным только в фотографиях и в паре кинолент, которые в совокупности отразили его неплохо, но все же отразили неполно, не с полной яркостью.

Ночью проходишь по Красной площади. День отшумел. Немного людей идет и едет по широкому простору. Слабо светят огни в последнем жилище Ильича. Он лежит там один в обществе трех красных солдат, которые, сменяясь, бодрствуют над ним непрерывно.

Проходишь и думаешь, сколько людей лежит на этой площади и в разных концах Советской страны, людей, которые вместе с ним боролись и пали в разные сроки — и до его смерти, и после. Пали на широких полях, в далеких степях, умерли в стенах заводов, в темных избушках, в тесных комнатухах, в светлых палатах больниц, под теплым небом юга, не сможем вдохнуть в них израсходованную силу. Становится понятно, откуда возникла — на основе психологии и мелкой, и мизерной по сравнению с психологией нашей спайки — фантазия поэта о ночном смотре павших бойцов умершим вождем. Жаль погибших товарищей — без них скучнее и темнее стало на свете; крепка была связь между нами, и смерть только больше закрепила эту связь, ибо и умерли они ради нее. Жаль погибшего вождя — скучнее и темнее стало без него на свете. И так крепка была с ним связь: не хочется позволить смерти ее разорвать.

Жив для нас наш милый Ильич, жив в нашей памяти и в нашей воле, живы погибшие наши милые товарищи. Но не вызовут их рабочие-поэты на ночной смотр к Мавзолею Ленина. Есть у нас смотры дневные, и умы наши смотрят в день, а не в ночь. На смотр мы выводим армию, которая не распадается подобно «великой армии» Наполеона, но которая живет и растет. Умер Ленин, но спайка нашего класса осталась, но любовь и ненависть у нас все те же, но живем мы огромным борющимся целым.

В нем части — самые драгоценные, самые мощные — должны умирать для того, чтобы росло могучее целое. Для этого он жил, для этого умер. И, умерев, живет вместе с нами, будет жить всегда.

**КИПЯТ СТРАСТИ ВОКРУГ КООПЕРАЦИИ!
ЕЙ ВМЕНЯЮТ В ВИНУ НЕЕСТЕСТВЕННО БОЛЬШИЕ ДОХОДЫ
ОТ ВЗВИНЧИВАНИЯ ЦЕН, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЕШЕВОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ,
ДАЖЕ ОБМАН ПОТРЕБИТЕЛЕЙ.
ЕСТЬ И ДРУГАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ:
ДА, ДОХОДЫ КООПЕРАТИВОВ ВЫСОКИ,
И ЭТО ПРЕКРАСНО. ИЗВЕСТНЫ ФАКТЫ,
КОГДА КООПЕРАТИВ «ОЖИВЛЯЛ» НЕРЕНТАБЕЛЬНОЕ,
ЗАПУЩЕННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ.
В НОВЫЙ КЛОНДАЙК ВРЫВАЮТСЯ ДЮЖИЕ МОЛОДЦЫ,
СТРЕМЯСЬ ЗАХВАТИТЬ НЕНАСЫТНЫЙ РЫНОК!**

ИСК ИЖ

**Павел БУНИЧ,
член-корреспондент
Академии наук СССР**

А что же работники государственных предприятий? Они чувствуют себя обделенными. Их былой оптимизм, встретившись с конкуренцией, ослаб... И это сейчас, когда кооперация зародыше! То ли еще будет! Не исключено, что кооперативное поветрие захватит широкие слои населения. Вот кое-кто и думает: не лучше ли вовремя осадить эту буйную силушку?

Сейчас доходы кооператоров, как правило, сильно превышают доходы работников госпредприятий. Это в первую очередь объясняется известными преимуществами кооперации, которые в недалеком будущем, я думаю, получит и государственный сектор.

Откуда завидные заработки кооператоров? От денежной выручки. Из нее вычитаются стоимость сырья, энергии, цена патента (лицензии), арендная плата, амортизация. Остаток члены кооператива делят: часть составляет прибыль, часть идет на оплату труда. И никаких нормативов. Никаких иных фондов и резервов не устанавливается. Пусть стоимость патента и арендная плата постоянны, зато все остальное зависит от самих членов кооператива. Чем лучше товары, чем выше их качество и больше количество, тем весомее выручка. Чем совершеннее технически и технологически производство, тем меньше расходуется сырья. Этого достичь пока нелегко, в дальнейшем же можно надеяться на прогресс. И тогда еще более возрастут общие фонды оплаты труда: меньше понадобится работников, выше станет заработок каждого. Сама собой появится возможность набрать наиболее квалифицированных людей, мастеров своего дела, привлечь изобретателей и дизайнеров. Неизбежно возникнут изобретательские фирмы — тоже, разумеется, кооперативные.

О прибыли не забудут! Без нее нет ни технического развития, ни расширения производства, а стало быть, нет и новых рынков. От прибыли — заработки в будущем. Закон известен: чтобы не терять почву под ногами, надо бежать! Если какой-то кооператив не бежит, а бегут другие, то он не выдерживает конкуренции, отстает, теряет прибыль, проедает себя. «Самоедство», банкротство — никто от них не застрахован.

В кооперативах наилучшие результаты достигаются не кавалерийской атакой. Чтобы найти, нужно, быть может, иногда что-то и потерять. Случаются потери невосполнимые, непредусмотренные. Их необходимо смягчать.

Как? Во-первых, не торопиться тратить зарплату в благоприятные, «урожайные» годы, а часть доходов откладывать в страховой фонд; или выдавать заработанные полностью, но предупредив работников; что в «неурожайные» периоды они сами выправят экономическую аритмию. Второй способ — компенсировать низкую оплату с помощью кредитов — банковских или фирменных.

А как с формированием фондов оплаты труда на государственном предприятии? Сейчас фонд зарплаты воспроизводит прошлогодний. Риски снижения нет. Нет перепадов, нет и подстраховок. Все очень просто. Но такая простота хуже воровства и означает одно: стимулы умолкают.

Так что, думаю, рано или поздно оплата труда и на государственных предприятиях станет подвижной, отражающей стоимостные результаты производства. И тогда она будет стимулировать инициативу работников, творческую энергию и эффективность труда. Предприятия государственного сектора получат добротную систему, способную сосуществовать с кооперативами, конкурировать с ними.

Кооперативная мысль изобретательна, находчива и отзывчива на удовлетворение спроса. Любого! Кооперативы могут все. Они стали восстанавливать шины, ремонтировать автомобили и квартиры, строить дачи, открывать кафе, шить куртки. Для этого они ищут помещения, станки, сырье.

Кооперативы заполняют старые бреши в экономике страны. Появились кооперативы по закреплению наружных дверей квартир, чтобы их не могли выломать воры... Возникли кооперативные организации по борьбе с насекомыми... Кооператоры учат детей рисовать. Они организуют репетиторство. И они же со взрослыми проводят занятия по гимнастике, а старикам помогают в быту. Есть спрос на пирожки? Пожалуйста! На лаваш? К вашим услугам!..

Не шесть предложений. Кооператоры, как ручейки, бегущие к реке, находят путь к людям — сами и даже при явно противоположных течениях, в том числе и подводных.

Раздаются менторские голоса: мало в кооперативах пота и мускульных усилий. Да, не всегда много. А разве полезный труд обязательно должен быть самым тяжелым? Человечество издавна и все более перекладывает физические усилия на плечи техники, выигрывает за счет интеллектуальной деятельности. Не зря наука наконец-то сподобилась называться непосредственной производительной силой. А мерить эффективность экономики количеством рук, лопат и тачек — это каменный век.

Главное преимущество человека — идеи, изобретения. А платить за идеи, конструктивные предложения надо, как за умноженный простой труд, а не

как за поделенный. Когда госсектор включит в экономический севооборот шестидесятилетнюю залежь предпримчивости, атрофированную по причине наказуемости инициативы, — тогда не будет кричащим нынешнее преимущество кооперации и общие заработки подравниваются на высшем витке.

Производительность труда в кооперации в большинстве случаев выше, чем в госсекторе. Если бы работники государственных предприятий старались, как кооператоры, а не считали бы деньги в чужих карманах, то, вполне возможно, у них тоже завелись бы немалые суммы... Так и должно быть при внедрении подлинного хозрасчета.

Закон о кооперации в СССР (когда он будет принят и войдет в силу) и Закон СССР о государственном предприятии (объединении) предоставляют трудовым коллективам, занятым одной и той же деятельностью в кооперации и государственном секторе, неодинаковые права. Я, разумеется, не сравниваю ВАЗ с артелью из нескольких человек — речь о сопоставлении предприятий в легкой промышленности, общественном питании, бытовом обслуживании населения. В этих сферах кооперация имеет больше свободы — именно в перемене своего профиля и цен.

Госзаказы размещаются в кооперации на добровольной основе, то есть они всегда выгодны. И не только кооператорам, но и государству. Кооперация не вносит в бюджет плату за фонды: самофинансирование! Госпредприятия тоже на самофинансировании, но вносят. Так что мне представляется, что после перехода на самофинансирование надо бы отменить плату за фонды и на госпредприятиях.

Кооператоры вскоре смогут сами выбирать себе банк, который будет их обслуживать. Более того, они смогут создавать собственные банки. Намечено образование кооперативных страховых учреждений, которые будут вводить новые, выгодные виды страхования. А вот государственные предприятия даже сейчас не страхуются от коммерческого риска, от нестабильности валютных курсов и т. п. Все кооперативы могут вовлекать в оборот средства своих членов; и предприятия могут, но опять же в «штучном» порядке, согласно специальным постановлениям. Кооперативы вольны привлекать к работе даже пенсионеров — без уменьшения пенсий, а госпредприятиям дозволено так поступать только с некоторыми категориями трудящихся, для остальных же существует предел общей суммы пенсий и заработка. Кооперативы свободны при найме совместителей, могут платить более половины ставки. А госсектор до сих пор зажат в тиски ограничений...

Предприятия кооперативной собственности не несут многих тягот, в том числе им не надо выделять рабочих и технику для оказания помощи сель-

ОЮОЗНИКИ, ОНКУРЕНТЫ

скому хозяйству или базам. Кооперация не отягощена разбухшей отчетностью: она даёт местным органам только сведения об объемах работы, расходах, доходах. И ничего больше. Не менее важно и то, что вышестоящие кооперативные инстанции образуются только при добровольном согласии на то первичных звеньев, и они служат рядовым членам. Все это даёт экономию на накладных, управленческих расходах.

Но следует знать о том, что большинство из фактов, благоприятствующих сегодня кооперативам, должны, видимо, сработать и в госсекторе по мере реализации буквы и, главное, духа Закона СССР о государственном предприятии. Это коснется и перевеса кооперативных заработков над государственными.

Ожившая экономика не изменит природы государственной собственности, а устранил бюрократические наросты, которые ей не только не отвечают, а наоборот — противоречат. От таких же опухолей предстоит освободиться и самим кооперативам, в частности, колхозам и потребительской кооперации.

Проект Закона о кооперации «оплодотворен» Законом о государственном предприятии. Но пошел дальше. Теперь нужна обратная связь. Следует «обогащать» Закон о госпредприятиях радикальными положениями из проекта Закона о кооперации. Иначе предприятия госсектора окажутся недостаточно конкурентоспособными.

Любопытное наблюдение: бюрократические рогаки приносят кооперативам немалый доход. Это не парадокс. Чем больше запретов на кооперацию, чем она меньше развита, тем значительнее монопольный эффект. Ставку на монополию делают все, кто уже прорвался к месту под солнцем. И тут самые первые бойкие кооператоры торгуют не только собственной продукцией, но и расчетными счетами, посредническими функциями в отношении неформальных кооператоров. Прибыль извлекается из всего, что «плохо лежит».

Закон о кооперации в СССР ликвидирует главный вопрос: быть или не быть кооперативной деятельности? Быть! Запреты снимаются. Требуется только акт регистрации устава в исполнительном комитете районного, городского (или районного в городе) Совета народных депутатов. Зачем это нужно? Для проверки соответствия новорожденно-го кооператива действующему законодательству по номенклатуре производства, технике безопасности, производственной гигиене и санитарии, пожарной безопасности, охране природных ресурсов и окружающей среды и т. д., а также для учета его как плательщика налогов и для включения в государственную статистику.

Более того, Советы народных депутатов и другие государственные органы

обязуются помогать гражданам, изъявившим желание создать кооперативы. Помочь должны информацией о видах продукции, работ, услуг, на которые в данном регионе и в данное время ощущается повышенный спрос.

Говорят, чем больше кооперативов, тем острее дефицит; мол, кооператоры скупают кофе, скоро его совсем нельзя будет достать... То же самое слышим о тканях, нитках, застежках «молния»... А что если такой бурный рост спроса на государственные товары вызовет естественный рост их предложения? Или свершится фантастическое: возникнет такое изобилие услуг, которое снизит цены на них до уровня, когда наживаться на покупке товаров у государства кооператоры не смогут? И это не все. Сегодняшнюю нехватку сырья и материалов можно преодолеть и кооперативным способом. Увидят кооператоры дефицит, почувствуют хорошую прибыль и сами заработают.

Имеются пока и такие «преимущества» кооперации, которые постепенно ликвидируются. До сих пор кооперативы не платят рентных платежей. Государственные предприятия также их не платят, но! У них «лишнюю» прибыль забирает государство. А в кооперативах она остается. Поэтому кооператив по сдаче жилья отдыхающим на берегу Черного моря получает сверхдоходы не за счет своей работы, а от «бога». Прибыли извлекают и обладатели плодородных приусадебных участков. Так вот, предусмотрено ввести рентные платежи за природные ресурсы, что устранил явную несправедливость. Но это не касается доходов, обусловленных новыми капитальными вложениями в лучшие и средние по расположению территории, участки земли, места добычи полезных ископаемых. В условиях самофинансирования все это делают трудовые коллективы, значит, за ними должны сохраняться и данные доходы. Так и намечается.

Помимо ренты, кооперативные предприятия будут уплачивать налоги. Иначе они снова окажутся в привилегированном положении по сравнению с госсектором, где вводятся регуляторы. Кооперативы платят налоги в меньшем размере, чем отчисления госсектора.

А плата, взимаемая с кооперации за арендуемые у государственных предприятий основные фонды, обычно ориентируется на величину амортизационных отчислений. Это снижает ее величину, которая должна также возмещать и плату за фонды, перечисляемые в бюджет самим арендодателем, и часть прибыли арендатора. Иначе сдача фондов в аренду не даст владельцу никаких выгод.

Оптовые цены на госсырье, приобретаемое кооперацией для выпуска товаров народного потребления или оказания бытовых услуг населению, предусмотрено повышать особыми коэффици-

ентами. Либо доводить до розничных или — до договорных. Конечно, когда оптовые цены ниже розничных не только в соответствии с удешевляющим влиянием опта, но главным образом вследствие отсутствия налога с оборота, такая льгота должна компенсироваться. Но если вернуть оптовым и розничным ценам их исконный смысл, то приобретение товаров по оптовым ценам перестанет считаться подарком.

Неправильно и «перегружать» кооперативный корабль, ставить его в худшие условия по сравнению с госсектором! Государственные предприятия худо-бедно обслуживаются органами Госснаба, а кооперативы покупают оборудование, инструменты, материалы у госпредприятий. У них же вымалывают сверхплановую продукцию, а также сами ведут добычу местного сырья, сбор и переработку вторичных ресурсов. Будущее для всех предприятий — оптовая торговля средствами производства. Но кооператорам нужно и настоящее. Считаю, часть их материально-технического обеспечения целесообразно возложить на Госснаб.

Личные доходы членов кооперативов предусмотрено облагать прогрессивным налогом. В госсекторе налог на заработок, превышающий 100 рублей в месяц, постоянно составляет тринадцать процентов. Метод прогрессивного налогообложения вполне обоснован и заслуживает распространения в госсекторе. Но увлекаться крутой прогрессией опасно, она может убить интерес к работе.

Нуждается в защите кооперативная изобретательская мысль, создающая новые товары, предоставляющая новые услуги. А неоплаченные «заимствования» нововведений кооперативов другими кооперативами или предприятиями госсектора надо считать противозаконными — это «браконьерством». И следует взыскивать с уклоняющихся от покупки патентов превосходящие суммы штрафов, передавая их стороне, потерпевшей ущерб.

Совокупность мер, ставящих кооперацию и госсектор в равные стартовые условия, обеспечит конкуренцию между ними. Влияние на соперничество могут оказать и союзы потребителей, отстаивающие свои интересы в формировании ассортимента товаров, их качестве, ценах, возмещении ущерба.

В этом соревновании победит тот, кто трудится больше, лучше, изобретательнее, экономичнее. Кто в срок выполняет свои обязательства перед поставщиками и потребителями. А продает дешевле. Да, и дешевле! Мнение, что кооперация всегда торгует дороже, ничем не обосновано. Предприятия, завышающие цены, теряют рынок и терпят банкротство. В лучшем случае у них замедляется оборот и падают доходы. Особенно важно вовремя снизить цены на остатки быстро выходящих из моды товаров, на скоропортя-

щуюся продовольственную продукцию, крупногабаритные изделия, занимающие складские и торговые помещения. Поэтому уже сейчас есть кооперативы, снижающие цены. Например, обувной кооператив «Алина» в Армении продает женские тапочки дешевле, чем в государственных магазинах.

Изделия, производство которых требует высокого технического уровня и крупных размеров «капитала», станут специализацией государственных предприятий. Они обладают мощными техническими и финансовыми ресурсами, способны снизить издержки и цены за счет массового выпуска. Деятельность кооперации постепенно сосредоточится на производстве, требующем значительного ручного труда, выпуске мелкосерийных товаров, изготовлении неповторимой продукции. Поэтому она уместна в бытовом обслуживании населения, производстве нестандартной мебели, строительстве и ремонте дач, художественных промыслах, мелких формах торговли, общественного питания, гостинично-пансионатных, транспортно-эксплуатационных, консультационных, проектных, конструкторских, правовых, медицинских и иных услуг.

Эффективна и в сфере приближения производства к сырью — в переработке овощей и фруктов, доставке их небольшим партиям прямо с полей на прилавки магазинов. Кооперация создает благоприятные условия для постановки производственных и несложных научных экспериментов, выпуска нестандартного оборудования, специализированной оснастки, эксплуатации объединенного фонда домов, коттеджей, дач, гаражей, совместной реализации и покупки продукции.

Эти разграничительные линии между гос- и коопсекторами не абсолютны, а, как сказано выше, носят характер тяготения. Они не исключают их взаимного экономического соревнования на «общих полях». Кто бы ни оказался побежденным в этой борьбе, он сыграет роль возмутителя спокойствия, катализатора поисков и решений.

Риску предположить, что когда каждый сектор найдет свое место в хозяйственном строю общества, когда между ними сложится оптимальное разделение труда, тогда заработки работников госпредприятий не только подтянутся до заработков кооператоров, но, возможно, возникнет проблема, противоположная современной. Быть деловым человеком, самому себе начальством — это интересно, заманчиво, однако везет далеко не всем. Маленькой кооперативной лодке «стихийно» опаснее, чем крупному государственному кораблю. Естественный отбор может привести к некоторому среднему перевесу оплаты госсектора. Не исключено, что данный прогноз (как и большинство прогнозов вообще) ожидает судьба кооператоров-неудачников. Слишком много неизвестных...

Многие из нас любят вспоминать о прилавках, которые-де ломились от продуктов питания, о зернистой икре, «которую ложкой можно было есть». Да, было какое-то изобилие, особенно по сравнению с войной. Но для всех ли и какой ценой? Мне вспоминается наш сосед, вернувшийся из мест не столь отдаленных в 1955 году. Арестован он был, как и многие, за неосторожно сказанное слово, и срок ему «был назначен» 10 лет, но амнистия сократила до пяти. Было ему в момент возвращения сорок лет, а выглядел он глубоким изможденным стариком с потухшими глазами. Он жил как бы по инерции, без интереса. Сколько таких изломанных судеб передали свою разочарованность, неверие следующему поколению! Это и предопределило период застоя и спад общественной активности. Конечно, не только это. Были могущественные силы, основное назначение которых — не допустить, не разрешить, затормозить.

Ностальгия по прошлому, мол, раньше все было лучше, вообще свойственна человеку. Но чувство это опасное. Не оглядываясь ежеминутно на прошлое надо и не тосковать по нему, а внимательно изучать и критически переосмысливать его, чтобы не повторять старых ошибок в настоящем и будущем. Человек, которому известна история его Родины, приукрашенная и сбрызнутая сладким сиропчиком, мало чем отличается от Ивана не помнящего родства, потому что родство это предстает ему в искаженном виде.

А. П. Чехов писал о том, что он всю жизнь по капле выдавливал из себя раба. Великий наш соотечественник не боялся признаться в этом. Так неужели нам не хватает гражданского мужества трезво и честно смотреть на себя, на своих современников и на свою историю.

Э. С. КАПРА
Новороссийск

Моему автомобилю пошел седьмой год. В прошлом году его износ по оценке Госстраха составлял 51 процент при пробеге 50 тысяч километров. А вот в нынешнем году при пробеге 63 тысячи километров износ составил... 25 процентов! Соответственно этому изменился и мой взнос по страхованию. Таким нехитрым приемом Госстрах вдвое увеличил свои доходы по данному виду страхования. Случаев, когда от автомобиля ничего не осталось и приходится Госстраху выплачивать всю сумму страховки, ничтожно мало. При этом никто не посмотрел, что я страхую — грудку металлолома или отлично сохранившийся автомобиль. Все определяется по нормативам, которые «вдруг» меняются вдвое, хотя страхую я не «норма-

тивный», а свой, конкретный автомобиль.

Между тем качество «услуг», оказываемых Госстрахом... Об этом уже столько писали, что повторяться не стоит. Выплаченная за ремонт сумма, как правило, куда меньше фактических затрат, а за потерю товарного вида, то есть реальной стоимости машины Госстрах вообще не платит. Вся же огромная и хорошо оплачиваемая армия агентов Госстраха занята лишь сбором наших взносов — своих доходов. Когда же наступает страхового случая, все хлопоты достаются самим страхователям. Зачем, скажите, такие «агенты»?

Вообще в последнее время многие ведомства научились решать свои финансовые проблемы за счет населения. В условиях монополии на товары и услуги это делается легко и просто. Где тот механизм или государственный орган, который оградит нас от подобного произвола? Может быть, это призван делать Госкомцен? Что-то не чувствуется.

Вот еще пример. В этом году моему сыну исполнилось 14 лет, и он пошел в 8-й класс. По сравнению с прошлым годом он вырос на один размер: с 44-го до 46-го. Теперь за школьную формушку сорочку я плачу уже не 5 рублей 20 копеек, а 11 рублей 80 копеек. Материал, качество, фасон и количество пуговиц остались неизменными. Увеличился, конечно, расход материала, но не вдвое же!

Что же нас ждет в будущем? Если все мы, работники самых разных предприятий и ведомств, вступим в соревнование, кто у кого больше вытянет из кармана, кто будет в выигрыше?

Б. Е. КАЦ
Кишинев

Есть в нашей науке проблема, которая требует внимания общественности. Речь идет о «закрытости» многих тем, показателей. Попробуйте найти данные о распространении туберкулеза, некоторых других заболеваний. Случится ли что-нибудь плохое для государства, если мы «откроем» эти данные, тем более что большинство стран их ни когда и не скрывало? Думаю, что нет. Тем более теперь, когда обнаружены более важные медицинские и социальные показатели (ранняя детская смертность, средняя продолжительность жизни и пр.).

Кому выгодны диссертации, укрытые под бронью «ДСП» (речь, естественно, не идет о работах, содержащих истинные государственные тайны)? Только слабым диссертантам или их покровителям, ибо уведят их из-под широкого обсуждения, позволяют не работать над публикациями и внедрением. Хорошие, нужные работы также страда-

ют от шифра «ДСП» (для служебного пользования), поскольку не внедряются в жизнь.

Б. М. ПУХЛИК,
доктор медицинских наук
Винница

Как долго мы ждали этого дня! Пятьдесят лет жили надеждой, неся стоически свой крест, переживая насмешки и кошмары подозрений, и верили, что с нашей фамилии история когда-нибудь смоем это страшное клеймо — «враг народа».

Я — Бухарин Евгений Николаевич. Но не сын, а простой однофамилец знаменитого революционера. Мой отец — колхозный конюх — погиб в декабре 42-го под Сталинградом. Мать — колхозница, ныне пенсионерка, проживает в селе. Сестра моя — воспитатель детсада, брат — ветврач, жена — учитель-историк. Не в силах вам рассказать, какое впечатление произвела на нас публикация в «Огоньке» о Николае Ивановиче Бухарине и Анне Михайловне Лариной. А потом и реабилитация, материалы которой опубликованы были во всех газетах.

И теперь мы счастливы. Счастливы тем, что слышим объективную оценку культу Сталина — этого Мефистофеля XX века, и добрые слова о славном революционере и публицисте Н. И. Бухарине, интеллигенте в высшем понимании этого слова. Когда правда говорит в полный голос, она не может не волновать, и на нее не могут не откликнуться наши сердца и истомившиеся по ней души. Правда очищает нашу жизнь.

Е. Н. БУХАРИН, инженер-электрик
сельскохозяйственного
производства
п. Александров Гай
Саратовской области

Кто о чем думает, а я о дыме. Посмотрел телепередачу о хождении по мукам Павла Лихачева, который борется за чистый воздух Павлодара, и вспомнил документальный фильм о ленинградской антидымной установке. Она вступила в действие в 1955 году и была первой ласточкой в этом деле. С экрана обещали, что такие установки начнут вскоре работать повсеместно. Обещанного, говорят, три года ждут. Но прошло уже не три, а тридцать три года. Уже давно и кибернетика из науки мракобесов перешла в разряд повседневной и необходимой всем, и космос штурмуем более двух с половиной десятилетий. И многое другое успели за прошедшие годы построить, освоить, наладить... Вот только дым не уловим!

Такое впечатление складывается, что наши проектировщики, задумывая новые гиганты, об экологии если и думают, то в последнюю очередь. Когда же начнут действовать установки, которые навсегда избавят нас от задымленности? А может

быть, их нет?! Тогда на этом надо сосредоточить усилия ученых и инженеров, это должно стать творческой задачей номер один, ведь дымящие производства сказываются на потере озонового слоя планеты.

Не продымитъ бы нам жизнь на Земле.

Ю. П. ЖУРАВЛЕВ
Волгоград

Удивил и разочаровал предпоследний абзац сообщения о дополнительном изучении материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов: «Протест в отношении Г. Г. Ягоды, проходившего по этому делу, Прокуратурой СССР не приносился».

По-человечески понятно стремление отделить недавнего палача от жертв. А по сути — это очередная несправедливость, произвол, чинимый уже на «возвышенном» уровне. Из приведенного мною абзаца как бы следует, что один лишь Ягода выполнял задания иностранных разведок. Получается также, что грубые нарушения социалистической законности к этому лицу признаются позволительными... Мне так кажется. А вам? Может быть, общественность повлияет на расследование, проводимое столь необходимой комиссией? Ее решения и действия Прокуратуры СССР в таком непростом деле, как восстановление и утверждение справедливости, должны быть безупречны.

Г. ЕФРЕМОВ,
литератор
Д. Дуденя
Литовской ССР

Трудовой коллектив Ленинградского государственного ордена Трудового Красного Знамени театра музыкальной комедии взывает о помощи. Страшно сознавать, что театр, выдержавший 900 блокадных дней в годы Великой Отечественной войны, вдохновлявший своим творчеством воинов и жителей города, театр, где родились многие советские музыкальные комедии и оперетты, сегодня гибнет из-за халатности и беспечности вышестоящих городских организаций. Около 20 лет идут разговоры, составляются проекты капитального ремонта здания театра, являющегося частью неповторимого архитектурного ансамбля — площади Искусств. Наконец, в июле 1987 года нас вынудили покинуть здание театра, не предоставив взамен ничего, видимо, забыв, что театральная жизнь состоит не только из показа вечерних спектаклей, но и выпуска новых постановок, ежедневных репетиций хора, оркестра, балета, солистов, работы административно-хозяйственных, поделочных и пошивочных цехов, которым необходимы соответствующие помещения.

За прошедшие восемь месяцев с момента закрытия стационарного помещения коллектив театра выступал на 5 площадках города. Некоторые из них вообще не приспособлены для нашего репертуара. Ежедневные вынужденные перевозки декораций, костюмов, музыкальных инструментов приводят к их быстрому износу.

График работы театра оказался на деле формальным, непродуманным, идущим во вред коллективу, а предлагаемое в перспективе помещение ДК имени Кирова так же, как и здание нашего театра, находится в аварийном состоянии и требует капитального ремонта.

За восемь месяцев с момента закрытия здания театра строительные организации города так и не приступили к работам по его ремонту, поставив лишь несколько секций бетонного забора. Театр, выживший в годы блокады, умирает под аккомпанемент равнодушия и пустых обещаний.

А. АРАПАТЯН, артист труппы,
Н. ГОРЯЧЕВА, заслуженный работник культуры,
А. ПЕТРЕНКО, дирижер,
и еще 109 подписей.

Не так давно мне удалось ознакомиться с докладной запиской «О недостатках развития в городе кооперативных форм деятельности» (копию посылаю в редакцию), адресованной президиуму исполкома Киевского городского Совета народных депутатов. Ее подписал (за № 007-415) 16 декабря прошлого года заместитель председателя Киевского горисполкома В. Савчук. В документе речь идет об организации и работе кооперативов, перечисляются положительные моменты, но больше говорится о негативных явлениях. В том числе (цитирую): «Настораживает и тот факт, что среди председателей кооперативов более 30 процентов составляют лица в возрасте до 30 лет, каждый из них имеет трудовой стаж работы не более 10 лет, много лиц еврейской национальности и не имеющих специального образования, мало пенсионеров и членов КПСС». И далее: «Указанные недостатки и просчеты являются следствием слабой организаторской работы райисполкомов и хозяйственных руководителей по обеспечению выполнения постановлений партии и правительства о развитии кооперативов, отсутствия в городе подразделения, координирующего данные вопросы».

Лично мне неизвестны постановления на партийном и правительственном уровне, которые бы запрещали или ограничивали участие молодежи и представителей разных национальностей в организации кооперативов и их работе. Тут мы имеем дело с местной инициативой. А ведь сочинил вышеуказанный документ не неформал из «Памяти», а заместитель председателя исполкома и разослал по инстанциям города. Вдвойне обидно, когда подобные предубеждения исповедует высокое должностное лицо.

Г. Я. ШКЛЯРЕВСКИЙ,
кинорежиссер Укркинохроники,
член Союза
кинематографистов СССР
Киев

Наш адрес:
101456,
ГСП, Москва,
Бумажный
проезд, 14

«Я — поэт. Этим и интересен», — писал Маяковский. Самое прямое отношение эта формула имеет к поэту, безусловно, далекому от Маяковского, — к Владимиру Соколову. Во-первых, он, несомненно, настоящий поэт.

Во-вторых, в самом деле именно этим интересен. Стихи Владимира Соколова могут быть спокойнее или пронзительнее, лучше или хуже, но одно неизменно: это всегда удача или неудача поэта, потому что мироощущение Соколова по преимуществу поэтическое (а в силу этого и современное, и гражданское).

Что такое поэтическое мироощущение? Наверно, прежде всего такое отношение к миру, когда более всего важны те тонкости, подробности, казалось бы, мелочи, которые рационалистическое сознание отбрасывает, в расчет не принимает. Действительно, какое имеет значение сочетание звуков, мимолетное настроение, «странные сближения» предметов и времен? Для поэта — решающее. И, как показывает жизнь, поэтический способ познания мира оказывается ничуть не хуже любого другого, более того, пророчества — как известно, вотчина поэтов (вспомним хотя бы предсказанный В. Хлебниковым год крушения Российской империи). Когда читаешь В. Соколова, невольно вспоминаешь, что поэзия — не только один из жанров литературы наряду с прозой и критикой, но еще и сестра музыки. И правда, здесь все — в звуке. Очень важно не потерять умения правильно читать стихи — «не глазами, а ушами», обязательно произнося их «про себя» и желательно наедине с собой. Стихи Соколова для этого прекрасно приспособлены. А иначе — в метро или автобусе, пробегаая глазами короткие строчки, — можно упустить то нерациональное и никакими «пересказываниями» не передаваемое содержание, которое в них заключено. Одному из самых тонких наших лириков — Владимиру Соколову 18 апреля исполнится шестьдесят. Как хорошо, что в его юбилей можно и хочется говорить неюбилейные слова!

РАЗНЫЕ ГОДЫ

Владимир СОКОЛОВ

Уволенная статуя,
Омытая дождями,
Давай помянем старое
С закрытыми глазами.

С пристанционной улицы,
Проникнув на задворки,
Давай припомним давние
Ручьев скороговорки.

Давай помянем мальчика,
Наивного на диво,
И голубую девочку,
Что все не приходила.

А он, храня молчание
В твоей тени забытой,
У зала ожидания
Стоял дождем умытый.

Давай помянем мальчика
И девочку припомним
Там, где цвела мать-мачеха
Почти по всей платформе.

За что «спасибо», статуя,
И за какое детство?
Давай помянем старое,
Ведь никуда не деться.

От человеческой одури
Уйдя в свое начало,
Поразмышляй на отдыхе,
Кого ты замещала.

Где тридцать лет, не менее,
Ты тень бросала длинно —
Как вздохи облегчения
Береза и рябина.

...Там паровоз на роздыхе
Вблизи густых сиреней
И туча галок в воздухе,
Как туча подозрений...

Весной счищали с крыши снег,
И поскользнулся человек.

Снег падал с криком. И упал.
Когда к нему я подбежал,
Он причитал все тише, тише...

С тех пор, когда я здесь иду —
В любые дни, в любом году, —
Снег начинает падать с крыши.

Последнюю ласку,
посмертную маску
Уже от лица отнимают.
Какую расскажут волшебную
сказку —
Не ведают, не понимают.

Лицо в ожиданье,
как в первом свиданье,
Лицо в напряжении слуха.
И снится, и снится все то,
что явится
К нам может при помощи духа.

Так веянье смерти проходит
над нами,
Вполне увлеченными снами.
Так горькие руки сжимаются
в муке,

Тая обреченное пламя.
1982

«Мне надо побыть одному»:
Сказал. Постоял. Оглянулся
На женщину. Вышел во тьму
И больше домой не вернулся.

Но это же было со мной!
Где женщина эта? Не знаю.
Но если о том вспоминаю —
Она у меня за спиной.

Ты вправе думать,
посетив больницу,
Где я — все о себе да о себе,
Что воронье за окнами клубится,
Что льдист и хладен путь
через столицу,
Что все равно мне, каково тебе.

Ты принесла мне сахар и обновки,
Хотела рассказать, как день
прошел,
Как ты упала возле остановки,
Как холодно одной, как путь
тяжел,

Когда летят толпою птицы эти...
А я — все о себе да о себе.
Не о тебе, единственной на свете,
На ледяной изменчивой тропе.

Ты вправе думать, исхудав щеками,
Все обо мне в дороге, обо мне —
Что сердце у меня, наверно,
камень,

Что я, как эти окна, — в стороне,
Ты вправе думать...

Но, когда ушла ты,
Когда безлюдным стал приемный зал,
Я в многолюдном гомоне палаты
Шептал в подушку все,
что не сказал...

Ты — о больной руке,
о трудной доле,
А я — все о себе да о строке,
Которая не стоит малой боли
В твоей душе и в маленькой руке...

На улице пустой воронья дрема.
Ворочается снег по городьбе.
Одна утеша, что ты плачешь дома,
А я не дома плачу о тебе.
Ты вправе думать...

Ты в нежнейшем праве...
Но я в одном сегодня без вины,
Что думаю в подушку — не о славе,
А о любви, в которой мы равны.

Это осень, со всей очевидностью
Вдоль дороги лежащих луж
И печали моей незавидностью,
И какого-то страха к тому ж.

А чего мне печалиться,
собственно!
Но когда замерзают стихи,
Поневоле колотишься об стену
Всякой нежиги и чепухи...

Есть по воздуху путь
незаслеженный.
Есть дорога в степи, где одна
Над землею, еще не заснеженной,
Ледяная восходит луна.

Поззия, одна не знаешь ты,
В чем цель твоя конечная...
Иначе
Ты проявила б все свои черты
Давным-давно. И ни одной
не пряча.

Тебя упорно учит: ты не та! —
Большой знаток:
идешь не в ногу с веком!
А ты молчишь — задумалась
спроста:
Что происходит с этим человеком?

НАКАЗАТЬ

НЕ

ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ВОЗМОЖНЫМ

Виктор ПРОНИН

ВОЗВРАЩАЯСЬ
К НАПЕЧАТАННОМУ

Недавно в Свердловском районном народном суде Москвы мне пришлось держать ответ в качестве клеветника. Героиня очерка «Оговор», опубликованного два с половиной года назад в «Огоньке», Тамара Михайловна Луговая сочла себя обесчещенной и подала в суд на редакцию журнала и на автора очерка. После двухлетних раздумий и колебаний ее муж, Петр Васильевич Луговой, тоже оскорбился, ведь в очерке он был назван вором, запустившим руку в государственный карман.

Возникает вопрос: почему лишь сейчас состоялся этот суд? Дело в том, что около двух лет понадобилось, чтобы затребовать уголовное дело Валентины Николаевны Богатыревой — никак краснодарские юристы не решались с ним расстаться.

Наши читатели помнят этот очерк — редакция до сих пор получает письма с просьбой рассказать, чем закончились события в Геленджике, как дальше сложилась судьба адвоката Валентины Николаевны Богатыревой, ее дочери Инны, какие выводы сделали краснодарские юристы из всего происшедшего...

Вкратце суть событий, описанных в очерке, сводилась к следующему.

Домой к Валентине Николаевне пришла Т. М. Луговая, ее бывшая клиентка, и предложила взятку — пятьсот рублей — за то, чтобы адвокат похлопотала перед высоким прокурорским начальством о судьбе ее мужа, которому грозило тюремное заключение за расхищение государственных средств. Не привыкшая к подобным визитам, В. Н. Богатырева вызвала милицию. Шуструю клиентку — Тамару Михайловну Луговую — задержали, составили акт, деньги изъяли, а саму препроводили в соответствующее помещение для выяснения подробностей. В результате против Т. М. Луговой было возбуждено уголовное дело, однако через некоторое время вдруг оказалось, что дело возбуждено уже против Валентины Николаевны Богатыревой — она обвинялась в заведомо ложном доносе.

Более полудюжины служителей правосудия, сменяя друг друга, собирали доказательства преступной деятельности В. Н. Богатыревой, дело распухло на глазах, появлялись протоколы допросов, обысков, с каждым следователем появлялись все новые пострадавшие, которых якобы пыталась обмануть когда-то Валентина Николаевна, запрашивая с них за свою работу больше положенного. Документов набралось много, однако доказательств вины В. Н. Богатыревой среди них не было.

Далее события развивались с головокружительной быстротой: дочь Валентины Николаевны была исключена из школы, садовый домик изъят, в квартире обыск, хотя непонятно, что можно искать в доме человека, обвиняющегося в ложном доносе; саму Богатыреву поместили под стражу, чтобы не сбежала. Да чтоб наказать крепче и обидеть больше, назвали ее в бумагах

Валентином Николаевичем Богатыревым и определили вычитать половину пенсии как со злостного неплательщика алиментов. А алименты — Тамаре Михайловне Луговой.

Состоялся суд. Почти месяц выяснялись мельчайшие подробности дела, разбирались подсчеты и расчеты «потерпевших». Суд признал полную невиновность В. Н. Богатыревой по всем пунктам обвинения. Председатель Ленинского районного суда Новороссийска Людмила Евгеньевна Фонарева, которая четверть века проработала на правовом поприще и, надо полагать, насмотрелась всякого, охарактеризовала это уголовное дело как самый беспардонный оговор.

Надо сразу сказать, что оговаривать Валентину Николаевну было за что и было кому. Об этом в деле есть многочисленные свидетельства. По жалобам, составленным ею для людей, обратившихся за помощью, в Геленджик наезжали комиссии из Краснодара, из самых высоких правовых ведомств. Кое-кто из уважаемых жителей Геленджика после этого лишился своего поста, получил выговор. Насолила, в общем. Валентине Николаевне намекнули, что из Геленджика ей лучше уехать. Она не вняла. Ей помощь предложили в перемене места жительства. Опять не вняла. Тогда и возникло это уголовное дело.

Как помнят наши читатели, оправдательный приговор не вступил в законную силу, поскольку его опротестовал местный прокурор, а его поддержал прокурор края Борис Иванович Рыбников. Дескать, плохо поработала председатель суда Людмила Евгеньевна Фонарева: не вникла, оплошала, проявила близорукость. Формально приговор был отменен по той причине, что суд не допросил некоего Васю Андреева, известного в городе наркомана и насильника, — в это время Вася отбывал очередное заключение. Правда, в деле были его письменные показания, а как создавались эти показания, в очерке было подробно описано. Но, коль Васю не допросили, месяц работы суда, его выводы, допросы десятков свидетелей и потерпевших — все было поставлено под сомнение.

Начавшаяся в стране перестройка, оздоровление общества, критика деятельности правоохранительных органов, прозвучавшая с самых высоких трибун, возросшая активность людей, гласность в самых различных сферах деятельности дают право нашим читателям не просто поинтересоваться судьбой героини очерка, а попросту потребовать ясного и четкого ответа от

редакции, от правоохранительных органов края, республики: чем же закончилось дело?

В редакцию пришли официальные письма. Не сразу, правда, но через несколько месяцев пришли. После неоднократных письменных и устных напоминаний прислал свой ответ и прокурор края Борис Иванович Рыбников. Даже Вася Андреев откликнулся из мест заключения, оказывается, его тоже оговорили — в разговоре с автором краснодарские юристы назвали его заключенным, склонным к побегам, а он, оказывается, вовсе и не склонен...

Вот письмо начальника отдела юстиции Краснодарского крайисполкома Андрея Васильевича Шинкарева:

«Факты, касающиеся нарушений, допущенных при исполнении судебного решения о взыскании с Богатыревой В. Н. в пользу Луговой Т. М. долга, в основном подтвердились. 20 июля 1983 года состоялось решение Приморского районного суда Новороссийска о взыскании с Богатыревой В. Н. в пользу Луговой Т. М. 1000 рублей долга и 60 рублей госпошлины в доход государства. (Андрей Васильевич, о каком долге идет речь? Откуда взялась сумма в тысячу рублей и на каких основаниях В. Н. Богатырева должна ее выплачивать?) После вступления решения в законную силу выписаны исполнительные листы, где фамилия, имя и отчество должницы указаны правильно. Искривлены эти сведения в сопроводительном письме, где указано, что в Геленджикский городской народный суд направляются исполнительные листы на Богатырева Валентина Николаевича о взыскании алиментов. (Алиментов или долга?) Этот документ подписал бывший председатель Приморского райнарсуда Кутузов Г. К. Судебный исполнитель Геленджикского горнарсуда Денисенко И. К. незаконно предложила удерживать по 50 процентов, допустив при этом грубое нарушение п. 108 Инструкции о порядке исполнения судебных решений. Вместе с тем и судебный исполнитель Ленинского райнарсуда Краснодара Созонов А. В. в сопроводительном письме от 28 ноября 1983 года также неправильно указал бухгалтерии центра по начислению пенсии удерживать с Богатыревой в счет возмещения долга и госпошлины 50 процентов, а народный судья этого района Маркин Н. В., проявив грубую невнимательность и безответственность, подписал это письмо.

Статья и материалы проверки рассмотрены на заседании коллегии отдела юстиции крайисполкома, а в Геленджикском, Приморском и Ленинском на-

родных судах допущенные грубые нарушения обсуждены в коллективах на оперативных совещаниях.

За грубые нарушения упомянутые лица заслуживают строгого наказания, но в связи с истечением предусмотренного законом срока привлечь их к дисциплинарной ответственности не представляется возможным...

Хоть и не все факты подтвердил Андрей Васильевич Шинкарев, но весьма существенные, характеризующие качественный уровень работы краснодарских юристов подтвердил. И — главное — вещи названы своими именами: грубые нарушения названы грубыми нарушениями, деньги из пенсии удерживались незаконно, со стороны судебных работников проявлены грубая невнимательность и безответственность.

Прислал в редакцию ответ и первый секретарь Геленджикского горкома партии В. Марков. На семи страницах и в абсолютных величинах, и в процентах подробно приводятся данные о том, сколько дочь В. Н. Богатыревой Инна пропустила уроков по различным предметам в шестом классе, в седьмом, в восьмом, как она училась в начальных классах, когда пошла в первый класс.

Напомним: в очерке шла речь о том, что Инну исключили из десятого класса за несколько месяцев до выпускных экзаменов после того, как против ее матери было возбуждено уголовное дело.

Но есть в письме и вывод:

«Перевод ученицы десятого класса Богатыревой И. Э. из дневной школы в вечернюю был осуществлен с... грубым нарушением закона РСФСР о народном образовании. За эти и другие недостатки в работе заведующий Геленджикским горно т. Будай А. П. освобожден от занимаемой должности».

В очерке приводился факт о том, что некий К. М. Конаканиди наехал грузовиком на легковушку, в результате четыре человека погибли. Он был осужден на двенадцать лет. Однако эти печальные события не помешали ему, уже будучи в заключении, получить трехкомнатную квартиру в Геленджике и, вернувшись вскорости из мест заключения, отпраздновать новоселье. Многие читатели, возмущенные этим фактом, пишут о том, как на их предприятиях снимают с очередей на квартиру за нарушения производственной дисциплины, за прогулы. А здесь...

Вот как отвечает на эти недоумения первый секретарь горкома партии В. Марков:

«При решении вопроса о предоставлении квартиры К. М. Конаканиди

бывшим начальником СУ треста «Сургутнефтепромстрой» членом КПСС Ударцевым В. Н. допущен формализм и беспринципность».

Деликатно, не правда ли?

Читатели, очевидно, помнят эпизод из очерка «Оговор», в котором рассказывалось о том, как изымался садовый дом у Валентины Николаевны Богатыревой — сорванные замки, выброшенные вещи, передача участка секретарю начальника милиции Е. Н. Макарюк, хотя формально дача была передана на имя ее мужа.

Вот строки из ответа горкома партии:

«При исключении Богатыревой В. Н. из садоводческого товарищества и перезакреплении в дальнейшем ее земельного участка допущен ряд нарушений. В июле 1982 года при проведении заседания профкома Геленджикского мехлеспхоза (председатель — член КПСС Губанов А. Ф.), на котором утверждено решение общего собрания товарищества об исключении из него Богатыревой В. Н., отсутствовал представитель администрации. Кроме того, на заседании присутствовало менее половины членов профкома, два человека были фиктивно вписаны в протокол председателем профкома мехлеспхоза Губановым А. Ф. **ДАННОЕ РЕШЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЫ НЕ ИМЕЕТ**».

По результатам проверки Прокуратурой РСФСР, имеющимся в деле по обвинению автора в клевете, все происшедшее названо четко и ясно — подлог. Причем подчеркивается, что дача не только изъята была незаконно, она незаконно была и вручена, незаконно Макарюк стал членом садового товарищества, а позже продал эту дачу тоже незаконно, поскольку покупатель был принят в товарищество в результате подлога.

Ответ заместителя председателя краевого суда Вячеслава Васильевича Соболева приводить не будем: весь он посвящен обоснованию правильности отмены оправдательного приговора. «Рассмотрение дела без допроса в судебном заседании лиц, подтверждающих на предвзятом следствии вину В. Н. Богатыревой, обоснованно расценено как существенное нарушение уголовно-процессуального закона», — пишет Вячеслав Васильевич, имея в виду все того же Васю Андреева, томившегося в то время в заключении.

Председатель Краснодарского крайисполкома В. Н. Щербак сообщил: «Проверкой материалов очерка «Оговор» установлено, что серьезные нару-

шения законов и волокита при расследовании и судебном рассмотрении дела Богатыревой В. Н. имели место. Хотя по заключению Прокуратуры РСФСР Богатырева В. Н. привлечена к уголовной ответственности обоснованно».

Ответ первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС И. К. Полозкова: «Действительно, в работе краевой прокуратуры, суда, милиции много еще серьезных недостатков. Как показало обсуждение на бюро крайкома КПСС вопроса о состоянии социалистической законности в крае, вынесенного в связи с публикацией данного очерка, органы прокуратуры и суда нередко допускают нарушения в рассмотрении уголовных и гражданских дел, некоторые прокуроры, следователи и судьи проявляют безответственность в исполнении своих служебных обязанностей. Серьезные нарушения закона и волокита были допущены и при расследовании и судебном рассмотрении дела бывшего адвоката Геленджикской юридической консультации Богатыревой В. Н. Хотя по заключению Прокуратуры РСФСР она привлечена к уголовной ответственности обоснованно».

Как видим, этот ответ, как и предыдущий, завершают одни и те же слова: «Хотя по заключению... привлечена... обоснованно».

Допустим. Но состоявшийся суд снял с В. Н. Богатыревой все обвинения. Тоже обоснованно. Краевой суд отменил это решение, найдя для того свои обоснования.

Прокурор Краснодарского края Борис Иванович Рыбников прислал ответ с посылным на двадцати страницах. Опубликовать все письмо мы не можем, но точку зрения Бориса Ивановича приведем: «Ни один из тезисов о якобы имевшем место произволе со стороны прокурорско-следственных работников края, грубейших нарушениях законности при расследовании настоящего уголовного дела не подтвердился. Автор очерка проявлены необъективность и недобросовестность». Но с вами не согласился первый секретарь крайкома партии И. К. Полозков, председатель крайисполкома В. Н. Щербак, да вы и сами, похоже, согласны с собой не полностью. Хотя и утверждаете, что не подтвердился ни один из «тезисов», на восемнадцатой странице все-таки признаете: «Следователь Логвиненко П. П., производя обыск в квартире Богатыревой, не зафиксировал в протоколе точное наименование изымаемых предметов и вещей». А зачем их было изымать? На каком основании и для какой

надобности изымалась, например, пишущая машинка? И потом как понимать: «не зафиксировал»?

Вам не кажется, что вы подтвердили один из наиболее вопиющих фактов произвола?

Еще вопрос, Борис Иванович... На странице девятнадцатой своего письма в редакцию вы называете В. Н. Богатыреву «мошеницей». Насколько известно, только суд может назвать человека виновным или невиновным, разве нет? А суд отменил все обвинения... Не хорошо... (См. ст.ст. 130 и 131 УК РСФСР.)

Итак, порадовать наших читателей счастливыми переменами в судьбе Валентины Николаевны Богатыревой мы не можем. Этих перемен нет, несмотря на то, что во многих официальных письмах, полученных редакцией, дается достаточно жесткая оценка работы краснодарских юристов. Грубые нарушения закона, беспринципность, безответственность — эти слова мелькают едва ли не в каждом ответе. Кому-то объявлен выговор, кого-то пожурили. Некоторых наказывать нет никакой возможности, однако, как бы там ни было, письма производят впечатление отписок — никаких действий за ними не последовало, на судьбе нашей героини они никак не отразились.

Жизнь идет своим чередом. Наша страна, общество очищаются от недостатков, канцеляризма, от тех застойных явлений, за которыми всегда пряталось пренебрежительное отношение к человеку. Судья, который вынес определение о розыске В. Н. Богатыревой, сегодня тоже оказался в бывших: за взятки получил весьма серьезный срок. Не удалось Борису Ивановичу Рыбникову избавиться от недостатков и в своем ведомстве — в краевой газете, в центральной прессе ему до сих пор высказываются упреки в упущениях, в том числе и за «факты увода нарушителей партийной и государственной дисциплины от ответственности».

В своем письме в редакцию Борис Иванович Рыбников упрекает автора в том, что тот «имел целью показать архикомичность судопроизводства». Похоже, этой же цели служит письмо самого Бориса Ивановича, письмо, на первой странице которого утверждает, что не подтвердился «ни один из тезисов о якобы имевшем место произволе», а на последней странице эти нарушения перечисляются. Кстати, и прокурор РСФСР в своем письме на имя заместителя Генерального проку-

рора называет около дюжины серьезных нарушений закона в расследовании этого дела.

Но держится краевой прокурор твердо. Не потому ли воспрянули духом и «обесчещенные» автором очерка граждане Геленджика — Макарюк, Носова, Карачевцев, Карачевцева... Подали в суд, просят восстановить их поруганную честь.

И Петр Васильевич Луговой вспомнил о достоинстве. В бытность свою начальником станции Анапа он получал деньги по подложным ведомостям, расписываясь за несуществующих рабочих, за тех, кто уже уволен, и даже за тех, кто никогда не работал на его станции. В уголовном деле Лугового есть любопытные подробности — и за трешку расписывался он, и за сотни рублей. Как положено, получил наказание, отбыл его и вот, надо же, подал в суд, требуя наказать автора и журнал. Правда, сам в суд не поехал, жену послал — Тамару Михайловну, полагая, что ей сподручнее защищать поруганную мужнину честь.

Итак, суд по обвинению автора очерка в клевете состоялся. Некоторые его моменты действительно выглядели «архикомично», особенно когда Тамара Михайловна рассказывала, как ее супруг, похищая тысячи рублей, все до копейки тратил на благоустройство станции Анапа, украсив ее картинами, — большим поклонником настенной живописи оказался Петр Васильевич.

А что касается иска, то супругам Луговым в нем было отказано, поскольку суду (на нем председательствовала Ирина Анисимовна Троицкая) не удалось найти в очерке сведений, не соответствующих действительности. О чем автор и торопится сообщить своим читателям. В этом есть свой смысл — в редакцию пришло несколько писем, в которых рассказывается, что весьма официальные юридические лица в Краснодарском крае в своих выступлениях сообщали, что очерк опровергнут, автор уволен, а по некоторым данным, даже отбывает положенный за клевету срок. Слухи, как водится, оказались преувеличенными. Автор уведомляет, что он на свободе. Дело же, о котором писал журнал, продолжается — по письму прокурора с июня 1987 года В. Н. Богатыревой запрещено выплачивать пенсию, а ее жалобы в многочисленные инстанции благополучно скапливаются на столе Бориса Ивановича Рыбникова. Для «надзора за соблюдением соцзаконности»... Борисом Ивановичем Рыбниковым.

ДНЕВНИК РЕПОРТЕРА

ДЖОВАННА И «ДОМУС»

— *Архитекторы древности были в числе первых послов доброй воли, и дело их рук, как мне кажется, до сих пор благотворно сказывается на отношениях между Россией и Италией, — так считает президент издательского концерна «Домус» Джованна Мадзокки, прибывшая в Москву для подписания соглашения об издании на русском языке журнала «Домус» («Дом»), освещающего проблемы архитектуры, градостроительства, дизайна...*

— В свой первый приезд в Москву, а было это лет двадцать назад, — вспоминает синьора Д. Мадзокки, — я больше всего хотела увидеть Успенский собор, который воздвиг на территории Кремля пятьсот лет назад мой соотечественник Аристотель Фьораванти. А увидев его, была восхищена тем, с каким глубоким проникновением в культуру древнерусской архитектуры создавалось это величественное сооружение. Жаль, что мы редко используем благотворные возможности творческих общений, хотя перестройка в СССР дает основание надеяться на расширение контактов во многих областях общественной жизни.

Джованна Мадзокки не первый год возглавляет издательский концерн и многого уже успела добиться. Ее главное детище — журнал «Домус» — распространяется в 65 странах мира тиражом в сто тысяч экземпляров.

С весны нынешнего года «Домус» станет выходить и на русском языке.

— Почти треть его объема составят материалы об отечественной архитектуре, — рассказывает редактор русского издания Вячеслав Агаджанов. — В журнале будут регулярно публиковаться аналитические обзоры проектов и построек, теоретические эссе ведущих архитекторов и дизайнеров мира на самые различные темы. Кроме того, подписчики «Домуса» смогут регулярно знакомиться с наиболее значительными явлениями западной и советской культуры и искусства.

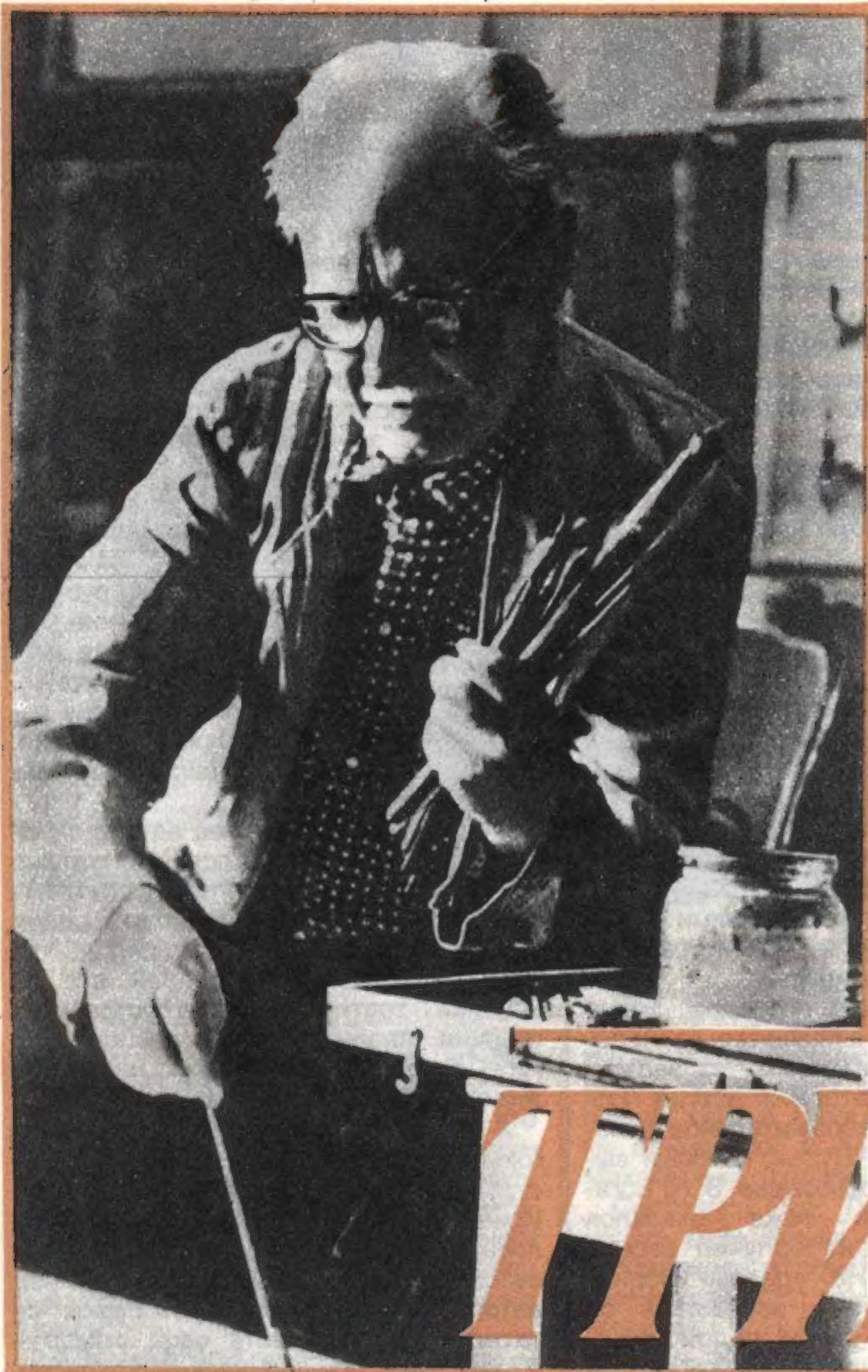
...Беседуя с В. Агаджановым, листаю только что поступивший из Милана сигнальный номер «Домуса». Форматом он чуть меньше «Огонька», содержит около трехсот страниц, вобравших в себя свыше пяти-сот слайдов, рисунков, схем, карт и фотомaketов.

— Русский «Домус» будет печататься в Милане, — поясняет В. Агаджанов. — Его первоначальный тираж составит пока пять тысяч экземпляров. В дальнейшем мы надеемся, что тираж увеличится, ибо не сомневаемся, что он заинтересует не только тех, кто избрал своей профессией в жизни архитектуру, дизайн, прикладное искусство.

Небезынтересна и такая деталь. Постоянные подписчики «Домуса» с помощью журнала смогут изучать итальянский язык, курс которого по самой современной методике будет регулярно публиковаться на его страницах.

Остается добавить, что соиздателями «Домуса» в Советском Союзе станут Государственный комитет по архитектуре и градостроительству, Союзы архитекторов и дизайнеров СССР, а также Советский фонд культуры.

Виталий ЗАСЕЕВ

ПАЛИТРА

Можно назвать немало имен среди советских художников старшего поколения, работавших в акварели. Но если вспоминать о подлинных, выдающихся мастерах этой техники, то первым именем будет — Артур Владимирович Фонвизин. «Его работы останавливают, приковывают какой-то силой... — писал художник А. В. Лентулов в 1940 году. — Это воздействие, мне кажется, можно отнести к порядку высокого эмоционального претворения видимого, когда художнику даже и не требуется такой связи с натурой, проще выражаясь — с данной моделью... Это указывает на то, что реалистическое искусство не может, конечно, идти по одному закону, по одному пути или по одной дороге. Оно имеет свойства различные, оно очень многогранно в своих идеях, и тем не менее оно приводит к одной и той же цели». Творческая жизнь Фонвизина была насыщена подъемами и спадами, но и в самые трудные времена он продолжал служить Красоте, до конца своих дней сохранив в себе почти детское, открытое, ясное восприятие мира...

распластав ватман на листе фанеры, помещенной на табурете. Он сразу писал кистью, нанося слабые цвета акварели по всей плоскости бумаги, — он применял много воды, постепенно сгущая краску. Работа без предварительной разметки карандашом — одна из особенностей акварельной техники Фонвизина. Карандаш ему мешал. Он добивался воздушности произведения, растворяя акварель нужного цвета в воде. Работая в данном случае в достаточно холодном помещении, он слегка просушивал лист с сырой акварелью над буржуйкой, переворачивая для этого фанеру. Артур Владимирович не был сухим, дотошным портретистом. Но он придавал особое значение общему колориту портрета и создавал образ со всеми внешними аксессуарами — платьем, прической, украшениями. Часто он лишь намечал черты лица, однако, волшебю владея формой, сходству глаз уделял особое внимание.

«В молодости Артур Владимирович много работал маслом, он долго искал свой путь, попадал под разные влияния, — рассказывала мне позднее Наталья Осиповна. — Призвание акварелиста он почувствовал только в 1923—1927 годы, когда увлекся дет-

ТРИ ПОРТРЕТА

Марина Викторовна Классен-Неклюдова — доктор физико-математических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, крупнейший кристаллограф. Одна из создателей экспериментальной и теоретической основы физики пластичности и прочности, она первая в мире занялась изучением механических свойств синтетических кристаллов рубина. Пластичные свойства искусственных рубинов, открытые Классен-Неклюдовой, были широко использованы в промышленности, в том числе при создании рубиновых лазеров.

Все это я узнавала постепенно, в неторопливых наших беседах. А однажды Марина Викторовна дала мне прочесть свои воспоминания. Это были главы о ее учителе, академике А. Ф. Иоффе, под руководством которого она тринадцать лет работала в Ленинградском Физико-техническом институте. Об отце, В. Э. Классене, профессоре Петроградского политехнического института, после революции ставшем заместителем председателя Главугля и Главтопа и имевшем мандат полномочий от Совета рабочих и крестьянской обороны за личной подписью В. И. Ленина. О выдающемся хирурге и исключительном человеке С. А. Колесникове и о многих других советских ученых...

Тогда-то я и предложила Марине Викторовне рассказать о ее встречах с художником Артуром Владимировичем Фонвизиным. Тончайший акварелист, Фонвизин написал несколько портретов Классен-Неклюдовой. Их не было на его персональной выставке, которая состоялась в 1984 году в Центральном Доме художника на Крымском валу. Портреты висят в квартире Марины Викторовны рядом с бесподобными цветами и наездницами Фонвизина, этими «музами» его творчества.

Публикацию подготовила
Лидия КУДРЯВЦЕВА

М. КЛАССЕН-НЕКЛЮДОВА

Я и мой муж Г. И. Неклюдов познакомились с Артуром Владимировичем Фонвизиным в конце войны в апреле 1944 года. Нас навестила большой друг семьи Неклюдовых Мария Александровна Кристи. И вот, уже прощаясь, стоя в прихожей, она сказала мужу, вдруг посмотрев на меня: «Гриша, ты должен заказать портрет твоей жены художнику Фонвизину. Сейчас в ЦДРИ его выставка портретов актеров. Он недавно вернулся из Караганды, куда его отправили из Москвы за немецкое происхождение. Его необходимо поддержать. Сходите на выставку этого замечательного акварелиста». И Мария Александровна оставила нам домашний адрес Фонвизина.

Измученные напряженной работой, холодом, недоеданием, утратами близких, мы тем не менее пошли на выставку. И были очарованы, очарованы на всю жизнь.

Артур Владимирович жил тогда на улице Кирова в многонаселенной коммунальной квартире. С женой и маленьким сыном Сережей он занимал комнату при кухне. Квартира когда-то была барская, и комната — с окном, в ней можно было кое-как разместиться. В кухне готовили на примусах и керосинках — запах шел в комнату. Отапливали буржуйками — чугунными печурками с трубами, выведенными в форточки.

Благодаря рекомендации М. А. Кристи семья Фонвизина сразу нас приняла очень тепло. «Из Москвы нас выслали в 1942 году, в трехдневный срок, — рассказывала потом его жена Наталья Осиповна. — Мы обосновались в Караганде, понимая, что в деревне не выживем. Но местные власти неодно-

кратно требовали, чтобы мы покинули город. Это было ужасно. К нашему счастью, в Караганду вовремя дошли сведения, что в Москве о нашей судьбе успешно хлопчут». Художники П. П. Кончаловский, С. Д. Лебедева, В. И. Мухина, В. Е. Татлин, архитектор Л. В. Руднев добились приема у заместителя председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Р. С. Землячки и с ее помощью вызволили Фонвизина из Караганды.

К предложению мужа написать мой портрет Артур Владимирович отнесся с интересом. У нас дома и на работе не топили, и я пришла к Фонвизину в бурках и меховой потертой самодельной пыжиковой куртке, надетой под шубой. В таком виде претендовать на роль модели я никак не могла. Все женщины на портретах Фонвизина, которые мы видели в ЦДРИ, были нарядными и красивыми.

Я в полном смущении сказала, что у меня есть красивые платья, сшитые перед войной у прекрасной московской портнихи, учившейся до революции в Париже. Она сшила мне по рисунку из журнала «Элит» чудесное платье из черной тафты, длинное, до пят, расширенное рядами узких рюшей (тогда в ЦУМе можно было заказать копии фасонов из зарубежных журналов). Артур Владимирович попросил привезти платье и показать ему. Платье ему очень понравилось. «Нужны бусы и брошь, — сказал он, — так как платье с декольте. Позировать придется несколько раз, и подолгу. Как бы вы у нас не замерзли». Но мой муж, Григорий Иванович, не растерялся, он где-то купил дрова и отвез их на санках к Фонвизину.

Писать в комнатке при кухне Артуру Владимировичу было очень трудно. Кисти и краски у него были, а хорошая бумага отсутствовала. Для большого портрета, который он загорелся сделать, понадобился ватман. Григорий Иванович нашел у нас на антресолях свертки своих старых чертежей. В рулоне оказался один чистый лист прекрасного ватмана нужного размера.

Работал Фонвизин сидя, на стуле,

скими воспоминаниями и стал акварелью писать «Цирковых наездниц». Первым акварельным портретом Фонвизина был портрет Натальи Осиповны, выполненный им в 1932 году в Ленинграде.

Мой портрет получался очень красивым. Но мне не повезло. После выставки в ЦДРИ Фонвизина сурово проработали в Союзе художников СССР за «формализм» и «инфантильность». Не нравилась даже акварельная техника. Особо критиковал Фонвизина художник Кацман. Заслужить кличку формалиста для Фонвизина было малоприятно, она тянулась за ним очень долго.

Моделируя голову и лицо, Артур Владимирович сказал: «Я хочу выполнить этот портрет в новой, более реалистичной для себя манере». Но, наблюдая за его работой, мы все больше огорчались. Портрет постепенно утрачивал присущую Фонвизину воздушность и легкость, стремление к натуральности его утяжеляло, а мы не ценили кропотливое фотографическое сходство. Нам хотелось иметь в нашем доме картину, исполненную в неподражаемой фонвизинской условной манере. К нашей радости, фигуру художник выполнил именно так. Портрет мы у него приобрели.

Дружба с Фонвизинскими продолжалась. Мой муж за работы для фронта и за создание первой автоматической линии часовых станков получил Государственные премии, и это дало нам возможность построить небольшую дачу в поселке Зеленоградском. Григорий Иванович увлекся разведением цветов — розы, флоксы, мак, мальва, гортензия заполняли наш участок. Обычно с дачи кто-нибудь из нас отвозил Артуру Владимировичу букет цветов, и Наталья Осиповна с огромным вкусом его аранжировала. Однажды в дождливый день я заехала к Фонвизину, надев на светлое летнее пальто зеленый прозрачный дождевой плащ. «Какой изумительный зеленый цвет! — вскричал Артур Владимирович, — он светится, как бы испускает сияние! Это чистый зеленый цвет без желтиз-

А. В. ФОНВИЗИН. 1882—1973. НАЕЗДНИЦА. 1940-е гг.

А. В. ФОНВИЗИН.
М. В. КЛАССЕН-НЕКЛЮДОВА.
ПОРТРЕТЫ 1940-х гг.

ны, но и без синевы. Это особая ярко-зеленая прозрачность. Пожалуйста, присядьте на часок».

Через два часа был готов второй мой портрет. Артуру Владимировичу удалось воспроизвести цвет и прозрачность плаща. За сходством он не следил, лишь слегка наметив лицо и поворот головы. Портрет он мне подарил.

Цветы Фонвизин писал радостно, одним взмахом кисти. Он писал пестрые букеты из различных цветов: пышные ветки сирени, стебельки полевого мака, букеты крупных роз... Муж, пылкий поклонник творчества Фонвизина, старался найти и модели для его портретов.

Однажды Артур Владимирович сказал мне: «Я бы хотел сделать исторический портрет, написать Марфу Посадницу. Не могли бы вы попозировать для этой затеи? Вы работник умственного труда, Марфа Посадница была умной и властной. Принесите с собой, если у вас есть, кусок золотой парчи».

Моя внешность не очень подходила для Марфы Посадницы, но я понимала, что Артуру Владимировичу нужна отправная натура. Еще существенней — золотая парча. Большой кусок китайской парчи я нашла у своей сестры. Писал он с увлечением, в несколько сеансов. Получился очень красивый портрет, живописный, конечно, приукрасивший меня, но это была никак не Марфа Посадница.

Следить за процессом творчества изумительного художника было для меня наслаждением. Общение с этой

ЦВЕТЫ.
1940-е гг.

семьей вообще как-то облегчало нашу напряженную трудовую жизнь. Судьба, однако, приготовила мне печальный сюрприз. В 1947 году я заболела гриппозным энцефалитом. У меня была потеря равновесия — могла лежать только на спине, не поворачивая голову на бок. Артур Владимирович, узнав, что я вынуждена лежать пластом, прислал мне один из своих натюрмортов и посоветовал повесить его в ногах кровати, чтобы я могла на него смотреть. На натюрморте был изображен стеклянный прозрачный круглый сосуд с несколькими веточками какого-то растения. Рисунок был выполнен в мягких светлых тонах. Я лежала и смотрела на него много месяцев, целыми днями. Не знаю, произведение какого еще художника могло бы выдержать такое длительное и непрерывное созерцание. Причина, видимо, кроется в некоей недоговоренности акварелей Фонвизина. Созерцание их успокаивает и не надоедает, каждый раз видишь все новое и новое.

Натюрморт висел у меня почти полгода. На смену ему Артур Владимирович прислал чудесный портрет актрисы Дарьи Зеркаловой, принадлежащий теперь Третьяковской галерее.

Чем крупнее художник, тем больше прекрасного видят его глаза, сказано кем-то. Фонвизин писал не просто портреты, а образы, возникающие при созерцании. Вдохновенный образ актрисы. Серебристо-серый, приглушенный черными мазками акварели облик Зеркаловой, полный очарования... На этот портрет я смотрела почти непрерывно много дней и недель...

ПОЭТИЧЕСКАЯ
АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ
МУЗА
XX
ВЕКА

Ведет Евгений ЕВТУШЕНКО

СЛЕД

А ты?
Входя в дома любые —
И в серые,
И в голубые,
Всходя на лестницы крутые,
В квартиры, светом залитые,
Прислушиваясь к звону клавиш
И на вопрос даря ответ,
Скажи:
Какой ты след оставишь?
След,
Чтобы вытерли паркет
И посмотрели косо вслед,
Или
Незримый прочный след
В чужой душе на много лет?

1945

Мне кажется, что я воскрес.
Я жил. Я звался Геркулес.
Три тысячи пудов я весил.
С корнями вырывал я лес.
Рукой тянулся до небес.
Садясь, ломал я спинки кресел.
И умер я... И вот воскрес:
Нормальный рост, нормальный

вес —

Я стал как все. Я добр, я весел.
Я не ломаю спинки кресел...
И все-таки я Геркулес.

1945

Замечали —
По городу ходит прохожий?
Вы встречали —
По городу ходит прохожий,
Вероятно, приезжий,
на нас непохожий?
То вблизи он появится,
то в отдаленье,
То в кафе, то в почтовом мелькнет
отделенье.
Опускает он гривенник в щель
автомата,
Крутит пальцем он шаткий кружок
циферблата
И всегда об одном затевает беседу:
«Успокойтесь, утешьтесь —
я скоро уеду!»

Это — я!
Тридцать три мне исполнилось года.
Проникал к вам в квартиры я
с черного хода.
На потертых диванах я спал
у знакомых,
Приклонивши главу на семейных
альбомах.
Выходил по утрам я из комнаты
ванной.
«Это гость, — вспоминали вы, —
гость не незваный,
Но, с другой стороны, и не слишком
желанный.
Ничего! Беспорядок у нас
постоянный».
— Это гость, — поясняли вы
мельком соседу

Леонид МАРТЫНОВ

1905—1980

Леонид Мартынов —

более чем удивительный поэт — дивный.

Вот уж, казалось бы, в чьем таланте поэта нельзя сомневаться,
а ведь сомневались, да еще как — и не только в мастерстве,
а и в патриотизме.

Кто сейчас помнит статью Веры Инбер, напечатанную в первые
послевоенные годы, где бывшая жеманно-салонная поэтесса,
старательно изображавшая из себя литературную комиссаршу, заявила,
что советской поэзии не по пути с Л. Мартыновым!

Мартынова отлучили от наших журналов, и жил он как
неприкаянный сказочник, заподозренный в перешептываниях с дьяволом,
все-таки по-сказочному: на 11-й Сокольнической, дом номер одиннадцать.
Я побывал там и с зачарованным испугом смотрел на древнюю карту
Большой Мангазеи. Мартынова начали забывать, — впрочем, и излишне
прославленным он не был. Такой поэт, как он, не мог пригодиться, когда
требовались не сказочники, а барабанщики полувоенного типа. Но время
переломилось, и Эренбург напомнил нам о существовании поэта, который
выстрадал этот перелом своим художественным подвигом. Зелененькая
книжечка Мартынова, изданная «Молодой гвардией» в 1957 году, была
первым поэтическим бестселлером, после того как репутация поэзии стала
неумолимо падать в послевоенное, далекое от фронтовой искренности
время. А ведь в этой зелененькой книжечке были и старые стихи, когда-то
даже печатавшиеся, но не вызвавшие широкого отклика. «Удивительно
мощное эхо — очевидно, такая эпоха!» — так с пророческой точностью
определил это переломное время Л. Мартынов. Это была еще только
«предперестройка», «предгласность» — но именно то время было колыбелью
сегодняшних перемен. Именно тогда оказалось, что поэзия может идти
вперед политики, а не быть только ее послушной служанкой. Но
предперестройка была короткой, половинчатой, крайне противоречивой. Эта
предперестройка, дав популярность двум блестящим поэтам —
Л. Мартынову и Б. Слуцкому, эту популярность у них и отобрала.
трагически толкнув их, честных, талантливых людей, на
выступление против Б. Пастернака. Ну что ж, оправдание им одно — то, что
ничего подобного ни до, ни после они уже не совершили и мучились
тяжелее от сознания непоправимой ошибки.
искупили этим мучением свою вину.

Л. Мартынов остается одним из крупнейших русских поэтов XX века. Ему
удалось создать больше, чем хорошие стихи, — он создал свою интонацию.
А своя интонация — это уже чудо. Он показал себя и мастером малой
эпической формы, и афористических миниатюр, и фантазмагории.

Я кричал: — Я видел вас когда-то.

Хотя я вас и никогда не видел,

Но тем не менее видел вас сегодня.

Хотя сегодня я не видел вас!

Если бы Мартынов написал только эти четыре строки, его интонация
была бы уже бессмертна.

И полутно со мной затевали беседу:
— Вы надолго к нам снова?
— Я скоро уеду!
— Почему же? Гостите. Придете
к обеду?

— Нет.
— Напрасно торопитесь!

Чаяю попейте.
Отдохните да, кстати, сыграйте
на флейте.—

Да! Имел я такую волшебную
флейту.

За миллионы рублей ту я не продал
бы флейту.

Разучил же на ней лишь одну я
из песен:

«В Лукоморье далеком чертог
есть чудесен!»

Вот о чем вечерами играл я
на флейте.

Убеждал я: поймите, уразумейте,
Расскажите знакомым, шепните
соседу,

Но, друзья, торопитесь,—
я скоро уеду!

Я уеду туда, где горят изумруды,
Где лежат под землей драгоценные
руды.

Где шары янтаря тяжелеют у моря.
Собирайтесь со мною туда,
в Лукоморье!

О! Нигде не найдете вы края
чудесней!

И являлись тогда, возбужденные
песней,

Люди. Разные люди. Я видел
их много.

Чередой появлялись они у порога.
Помню — некий строитель
допрашивал
строго:

— Где чертог? Каковы очертанья
чертога? —

Помню также — истории
некий учитель
Все пытал: — Лукоморья кто был
покоритель? —
И не мог ему связно ответить
тогда я...

Появлялся еще плановик,
утверждая,
Что не так велики уж ресурсы
Луккрая,

Чтобы петь о них песни, на флейте
играя.

И в крылатке влетал еще старец
хохлатый,

Непосредственно связанный
с Книжной палатой:

— Лукоморье! Изволите звать
в Лукоморье?

Лукоморье отыщите только
в фольклоре! —

А бездельник в своей полосатой
пижамке

Хохотал: — Вы воздушные строите
замки! —

И соседи, никак не участвуя
в споре,

За стеной толковали:
— А?

— Что?

— Лукоморье?

— Мукоморье?

— Какое еще Мухоморье?

— Да о чем вы толкуете?

Что за история?

— Рукомойня? В исправности.

— На пол не лейте!

— Погодите — в соседях играют
на флейте!

Флейта, флейта!
Охотно я брал тебя в руки.
Дети, севши у ног моих,
делали луки,
Но, нахмурившись, их отбирали
мамаши:

— Ваши сказки, а дети-то все-таки
наши!

Вот сначала своих воспитать
вы сумеете,

А потом в Лукоморье зовите
на флейте! —

Флейту прятал в карман.
Почему ж до сих пор я
Не уехал с экспрессом туда,

в Лукоморье?

Ведь давным бы давно уж добрался
до гор я,

Уж давно на широкий бы вышел
простор я.

Объясните знакомым,
шепните соседу,

Успокойте, утешьте, — я скоро уеду!

Я уеду, и гнев стариков
прекратится,

Злая мать на ребенка не станет
сердиться.

Смолкнут толки соседей, забудькает
ванна,

Распрямятся со звоном пружины
дивана.

Но сознайтесь!
Недаром я звал вас, недаром!

Пробил час — по проспектам, садам
и бульварам

Все пошли вы за мною, пошли вы
за мною,

За моею спиной, за моею спиною.
Все вы тут! Все вы тут!

Даже старец крылатый,
И бездельник в пижаме своей
полосатой,

И невинные дети, и женщина эта —
Злая спорщица с нами, и клоп
из дивана...

О, холодная ясность в чертоге
рассвета,

Мерный грохот валов — голоса
океана.

Так случилось —
Мы вместе!

Ничуть не колдуя,
В силу разных причин за собой вас
веду я.

Успокойтесь, утешьтесь!
Не надо тревоги!

Я веду вас по ясной, широкой
дороге.

Убедитесь: не к бездне ведет вас
прохожий,

Скороходу подобный, на вас
непохожий —

Тот прохожий, который стеснялся в
прихожей.

Тот приезжий, что пахнет
коричневой кожей,

Неуклюжий, но дюжий, в тужурке
медвежьей.

...Реки, рощи, равнины, печаль
побережий.

Разглядели? В тумане алеют
предгорья.

Где-то там, за горами, волнуется
море.

Горы, море... Но где же оно,
Лукоморье?

Где оно, Лукоморье, твоё
Лукоморье?

Где оно, Лукоморье, твоё
Лукоморье?

Где оно, Лукоморье, твоё
Лукоморье?

Где оно, Лукоморье, твоё
Лукоморье?

Где оно, Лукоморье, твоё
Лукоморье?

Где оно, Лукоморье, твоё
Лукоморье?

Имя маршала Г. К. Жукова неразрывно связано с победой советского народа над гитлеровской Германией и освобождением народов Европы от фашистского ига.

В настоящее время в издательстве Агентства печати Новости готовится к печати сборник «Маршал Жуков, полководец и человек». В нем собраны воспоминания родных, военачальников, писателей, ближайших соратников Г. К. Жукова, встречавшихся с ним в разные периоды его жизни.

Предлагаемая вниманию читателей одна из глав сборника написана редактором получившей во всем мире известность книги маршала «Воспоминания и размышления», работавшей непосредственно с Г. К. Жуковым в течение ряда лет над подготовкой его мемуаров к изданию.

МАРШАЛ ПИШЕТ КНИГУ

ВОСПОМИНАНИЯ
О
Г. К. ЖУКОВЕ

Был обычный день лета 1965 года. Меня вызвал Игорь Львович Кован, заведующий редакцией по заказам зарубежных фирм издательства АПН, где я занималась тогда подготовкой изданий для Франции.

— Вот посмотрите, что сообщают из бюро АПН в Париже.

В телексе значилось:

«Парижское издательство «Опера-Мунди» готово издать на коммерческих условиях серию из 20 книг крупнейших советских политических и военных деятелей второй мировой войны».

Далее следовал список предполагаемых авторов.

Наше внимание в этом списке привлекло имя Маршала Советского Союза Г. К. Жукова.

Выдающийся советский полководец, представитель Ставки Верховного Главнокомандования, заместитель Верховного Главнокомандующего, он принимал непосредственное участие в разработке и осуществлении самых крупных стратегических операций — первого контрнаступления под Ельней в 1941 году, Московской, Сталинградской, на Курской дуге, Висло-Одерской, Берлинской. И в каждую из них, в их замысел и содержание вносил дух новаторства и творчества. Опубликовать мемуары столь крупного советского военачальника не только в СССР, но и за рубежом — значило дать квалифицированное представление о вкладе Советского Союза и его Вооруженных Сил в победу над фашистским блоком.

Вот почему именно издательство АПН, в то время единственное в Советском Союзе издававшее произведения советских авторов за рубежом, решило обратиться с этим предложением к маршалу Жукову.

Но как обратиться?

Имя маршала Жукова, известное во всем мире, ставшее в сознании людей символом победы над фашизмом, после октябрьского Пленума ЦК КПСС 1957 года, когда Г. К. Жуков был освобожден от обязанностей министра обороны СССР, совершенно исчезло со страниц нашей прессы, и говорили о нем с оглядкой.

Как же готовить книгу его воспоминаний в таких условиях? И кто разрешит ее публиковать?

Но, как всегда, нашлись люди, которые поддерживали намерение Агентства печати Новости издать мемуары опального маршала, прекрасно понимая, как важны правдивая книга о Великой Отечественной войне и восстановление исторической правды.

К сожалению, и противников было немало. Но это все выявится потом. А пока...

Пока события развивались так. Доложили руководству. Примерно через неделю директор сказал:

— Вопрос предварительно согласован. Действуйте!

Легко сказать «действуйте», а как? Прежде всего, как найти адрес маршала Жукова?

Звоню в Министерство обороны — ответ однозначен: «Адресов не даем». Начинаем искать все сообщаем по журналистским каналам. Наконец кто-то сказал, что во Всесоюзном радиокомитете работает дочь маршала — Элла.

Покупаю цветы и еду на Пятницкую. Договорились встретиться у входа. Передо мной изящная, одетая со вкусом молодая женщина. Вышли на улицу. Вышли на несколько минут, а проходили вокруг здания радиокомитета больше часа. Я рассказывала о полученной заявке, о задачах издательства и о том, что в случае согласия маршала мы могли бы издать эту книгу не только в СССР, но и широко за рубежом.

— Отец работает уже несколько лет

над своими воспоминаниями о войне, кое-что, насколько я знаю, уже написано. Правда, он не надеется, что сейчас они будут изданы, пишет «в стол», как он говорит, «для истории».

— АПН — могучая организация, и мы обязательно добьемся, чтобы книга была выпущена. (Как мне хотелось тогда в это верить!) Так и передайте Георгию Константиновичу.

Прошла еще неделя. Все дни жила, как в лихорадке: неужели не согласится?

5 июля раздался долгожданный звонок:

— Папа просит приехать вас завтра в одиннадцать часов на дачу, удобно ли вам?

Удобно ли мне?! Я чуть не закричала в трубку: «Какие могут быть разговоры!» Но сдержала себя и спокойно сказала:

— Конечно.

Ночь почти не спала — все «проигрывала» возможные повороты предстоящего разговора с маршалом. Сумею ли выполнить поручение редакции? Ведь предстояла нешуточная задача — убедить маршала Жукова, что наше молодое, мало в то время кому известное издательство, да еще сугубо гражданское, способно выполнить эту работу.

Ровно в 10.30 за мной заехала Элла Георгиевна с мужем Виктором Александровичем на большой черной машине устаревшей марки ЗИС-110. (Машина эта была у маршала Жукова долго, и только в последние годы ее заменили «Чайкой». А номер остался прежним — МЩ 34-27.)

От моего дома на Кутузовском проспекте до дачи маршала по Рублевскому шоссе езды минут двадцать.

Еще один поворот направо, и мы въехали в прекрасную березовую аллею. (Как часто потом мы гуляли с женой Георгия Константиновича Галиной Александровной по ней, сколько здесь высказано было сомнений, надежд, огорчений!)

Вот и дача. Высокий глухой забор, высокие зеленые ворота, под фонарем адрес: «Сосновка, 5». Шофер вышел из машины, открыл ворота, мы въехали; он опять вышел и закрыл ворота — никакой охраны не было, по асфальтовой дорожке машина мягко подкатила к обрамленному колоннами подъезду двухэтажного дома.

Навстречу широким, твердым шагом идет Жуков — в простом домашнем костюме, голубовато-серой рубашке с открытым воротом, с короткими рукавами, в серых брюках, сильный, кражистый, весь сбитый, выразительные крупные черты лица, взгляд острый, пронизывающий тебя насквозь, — и я чувствую, как у меня подкашиваются ноги.

Георгий Константинович, видимо, понял мое состояние. Подошел ко мне, лицо его вдруг как-то все осветилось изнутри, и он сделался совсем другим — простым, доступным: обычный гостеприимный хозяин радушно встречает гостя.

— Рад познакомиться, — сказал он приветливо и, крепко пожав мне руку, повел в дом.

За застекленными двойными дверями небольшая прихожая, откуда вход в холл, на стенах большие фотопанно: командующий Западным фронтом генерал армии Г. К. Жуков во время битвы за Москву, в штабе фронта в Перхушкове. Отсюда вход в столовую — очень большую комнату, с огромными окнами во всю стену. Поначалу она показалась торжественно-нарядной: большой овальный стол, покрытый белой скатертью, вдоль стены тяжелый дубовый буфет, в левом углу напольные часы с боем, рядом столик, на котором бюст маршала работы Вучетича и модель танка Т-34 — подарок челябинских рабочих. Напротив, у окон и двери, выходящей на террасу, маленький круглый столик и два глубоких кресла. Но, приглядевшись, заметила, что на всем лежит налет казенности и старомодности.

Только висевшая над столом хру-

стальная люстра прекрасной работы была дивно как хороша.

— Дача эта государственная и мебель казенная — видите, на каждом предмете инвентарный номер, — маршал кивнул на ножку столика, где маячила металлическая бляха. — Мне эту дачу Сталин предоставил в пожизненное пользование. Как только умру — тотчас же отнимут. (Он не ошибся: еще не закончились похороны, как семье маршала — его 16-летней дочке Маше и теще Клавдии Евгеньевне — было предложено немедленно освободить дачу.)

Дом этот был построен в 1934 году по проекту жены председателя ОГПУ В. Р. Менжинского — она была англичанкой, архитектором по специальности. Только жить им в этом доме не пришлось: в тот год Менжинский скоропостижно скончался.

Дом пустовал до 1942 года. После победного завершения Московской битвы Сталин как-то меня спросил:

— Вы как отдыхаете, товарищ Жуков?

Я не понял и ответил:

— Езжу на охоту и рыбалку.

— А дача у вас есть?

— Нет, дачи у меня нет.

— Зря...

Вот после этого разговора ему и предложили на выбор дачу в Подмосковье. Остановился на этой — близко от Москвы, хороший участок — фруктовый сад и Москва-река рядом.

Прошли в следующую комнату — гостиную. Раскрытый рояль, на нем ноты.

— Младшая дочка играет. Поди сюда, Маша!

Вошла синеглазая и белокурая застенчивая девочка лет восьми.

— Галина Александровна — врач, работает в Центральном военном госпитале имени Бурденко. Она сейчас на дежурстве.

Во всю стену известная картина Ю. Непринцева «Отдых после боя», авторская копия, внизу подпись художника (подарок автора).

Напротив — большое фото: группа командующих фронтами, в середине Жуков. Снимок 1945 года.

Я спросила:

— Кто с вами остался после пятидесяти седьмого года?

— Никто! — жестко ответил он.

Это было не совсем так. Потом уже узнала, что теплые, дружеские отношения связывали Г. К. Жукова с маршалом А. М. Василевским — они были соратниками во время войны. После войны породнились — у них были общие внуки Саша и Таня. Преданным и верным до конца другом оставался маршал И. Х. Баграмян. Он часто бывал на даче, не раз они вместе отдыхали на юге. Были встречи и с другими боевыми соратниками. Особенно часто бывал в Сосновке генерал-лейтенант Н. А. Антипенко, его бывший заместитель по тылу 1-го Белорусского фронта. Он очень поддерживал Георгия Константиновича в эти трудные годы.

— Ну, вот мой кабинет, здесь работаю.

Комната метров двадцать, очень уютная, с эркером, полна света. Письменный стол, обитый зеленым сафьяном, отодвинут от трехстворчатого окна, удобное кресло. Жуков сел спиной к окну — свет падал на разложенные на столе бумаги.

— Садитесь, — сказал он приветливо, — давайте поговорим.

Села по другую сторону стола. Огляделась — вдоль стен книжные шкафы, на столе раскрытые книги, листы рукописи. Деловая, творческая обстановка — и только тут почувствовала, что это «дом маршала Жукова».

— Итак, вы хотите мне предложить издать книгу — Элла говорила.

Подтверждаю.

— Что за издательство АПН?

— Издательство наше новое, оно создано только в 1964 году на базе редакции книг и брошюр Агентства печати Новости. Через бюро АПН в различных странах — их уже сто двадцать — мы получаем заказы иностранных изда-

тельств на подготовку рукописей советских авторов. Заключаем с ними договор, готовим рукопись, переводим ее (или зарубежное издательство осуществляет перевод само) и отправляем за рубеж, а фирма нам выплачивает валюту — государству, разумеется.

— И много ли получит государство валюты от такой книги, как моя?

— Миллион, — не задумываясь, vyplиваю я.

— Это хорошо, — улыбается Жуков, и снова лицо его все освещается изнутри, — государству валюта нужна.

— Мне приходится читать военные мемуары, — заметил Жуков. — Должен сказать, что есть немало искажений в воспоминаниях наших союзников, — это крайне огорчительно, не говоря уже о прямых злобных выпадах не только бывших гитлеровских генералов, но и американских, английских милитаристов.

Есть немало неточностей и в нашей мемуарной литературе. Могу писать только правду.

(«Я хотел рассказать правду о войне, — напишет потом он в предисловии к изданию своей книги в ФРГ. — Я должен был это сделать в память о тех, кто отдал свою жизнь за Родину в боях с гитлеровскими захватчиками, и тех миллионах мирных людей, что явились жертвами фашизма. Я обязан был это сделать для тех, кто родился после войны. Чтобы это больше не повторилось! Ибо правильно понять прошлое — значит облегчить поиски верного пути в будущее».)

Хочу рассказать о людях и событиях, как я их видел и расцениваю. Есть трудности: при Сталине была одна история, при Хрущеве — другая, сейчас — третья. Кроме того, историографическая наука не может стоять на месте, она все время развивается, появляются новые факты, происходит их осмысление и переоценка — надо уловить дух времени, чтобы не отстать. С другой стороны, о многом еще говорить преждевременно.

— Что будете делать, если рецензенты — военные историки возразят против тех или иных суждений?

— Буду отстаивать свою точку зрения, если в этом уверен.

— А если опять будут спорить?

— Снова будем бороться!

— Ну а если в самый последний раз будут настаивать?

— Тогда, возможно, что-нибудь и опущу, пусть лучше будет пропуск.

Весь как-то подобрался, в глазах железная решимость, знакомый по портретам волевой подбородок с ямочкой посредине выдвинулся вперед.

В тот день, 6 июля 1966 года, которому суждено было положить начало многолетнему сотрудничеству маршала Г. К. Жукова с издательством АПН, были намечены первые параметры будущей книги. В беседе, длившейся больше четырех часов, Жуков был поразительно откровенен. В то время, в начале 60-х годов, не было принято говорить о Сталине, о репрессиях 1937 года, об аресте Берии. Да еще с незнакомым человеком, да еще в той сложной ситуации, в которой он находился. Подобная откровенность явилась для меня полной неожиданностью и глубоко поразила.

Может быть, причиной тому явилось одно обстоятельство. После обеда гуляли по саду. В клумбе, разбитой напротив входа в дом, цвели розы.

— Как здесь красиво! — сказала я.

— Да, природа всегда хороша, она мирит с невзгодами, вот такое синее небо над головой дает силы жить. И березы совсем как в моей родной деревне.

Я оживилась. Видимо, он уловил нечто, пробежавшее по моему лицу, потому что тут же спросил:

— А вам случайно не приходилось бывать в наших краях?

— Приходилось.

— А как?

Я рассказала.

Квартира в Москве на Сретенке, где я жила до войны с родителями, была

**Командующий
1-й армейской
группой
Г. К. Жуков.
Халхин-Гол.
1939 год.**

коммунальная. Жили тесно, но дружно. Душой нашего маленького коллектива была Екатерина Федотьевна — тетя Катя, как все ее называли, поистине замечательная женщина: мудрая, справедливая, добрая... Тетя Катя была «надомницей» — обвязывала большие платки. Долгими зимними вечерами она плела и плела узелки на этих платках, прикрепленных к перевернутой табуретке, и рассказывала о своей жизни в деревне «при царе», откуда ее в шестнадцать лет взяли в прислуги в Москву. Мы, дети, очень любили слушать «про тетикатину деревню». Рассказывая о проделках деревенских ребятишек, тетя Катя неизменно вспоминала Егорку — отчаянно смелого мальчишку, атамана и главаря во всех играх, всегда «по-честному» решавшего ребячьи споры... И вот вместе с Вовкой (сыном тети Кати, товарищем моего детства, сейчас он работает инженером в солидном КБ и зовут его Владимиром Михайловичем Климовым) мы стали на летние и зимние каникулы ездить в «тетикатину деревню» под Малоярославец. Деревня называлась Стрелковка. Как теперь знают миллионы людей, это родина Георгия Константиновича Жукова. А Егорка из воспоминаний тети Кати и был будущий Маршал Советского Союза.

Хорошо помню маму Георгия Константиновича — Устинью Артемьевну, женщину сильную, значительную. Часто под вечер, уронив на колени натруженные руки, она сидела на завалинке у нового пятистенного дома, выделявшегося в ряду почерневших от времени изб. Держалась Устинья Артемьевна удивительно прямо...

В последний раз я побывала в Стрелковке до войны, летом 1940 года. Но хотя приезжим говорили с гордостью: «А вот дом Героя Советского Союза Жукова», все это как-то в моем сознании не отложилось. И только во время войны, когда мы, вчерашние школьники, вдруг повзрослели, а имя командующего Западным фронтом после разгрома немцев под Москвой стало широко известно, только тогда связалось все воедино: рассказы тети Кати о Егорке, полюбившаяся Стрел-

ковка и герой битвы за Москву генерал армии Жуков.

Обо всем этом я и рассказала Георгию Константиновичу.

— Да, Катя Жукова — хороший человек, хорошо ее помню, с братом ее Глебом дружил, а с Надей — младшей сестрой — учился в одном классе. Глеб теперь похоронен возле моего отца. Мы не родственники, хоть и Жуковы. Отца моего подбросили двухмесячным младенцем в приют, оттуда его взяла на воспитание бездетная вдова Аннушка Жукова из Стрелковки. Отсюда и фамилия. Кто он был, какого происхождения — неизвестно: ходили версии, что грек.

(Нет, подумалось мне, очень даже русский: черты лица Георгия Константиновича явно носили отпечаток местный — «угодский».)

— Дом мой в деревне во время войны немцы спалили. Узнали, что это дом матери генерала армии, и в первую очередь уничтожили. К счастью, успел вывести родных. Но это был не тот дом, где я родился, — тот развалился. Мы жили страшно бедно. Потом, уже в 30-х годах, когда я был командиром Красной Армии, прислал лес и средства и отстроил матери дом. А после войны заложил недалеко от места, где стоял наш старый дом, новый сруб — пятистенок — в два помещения с тремя окнами на одну сторону и пятью на другую. Велел там устроить избу-читальню. А вечерами, чтобы девчата приходили плясать. Я когда молодым был, очень любил плясать. Красивые были девушки! Ухаживал за ними. Была там одна — Нюра Синельщикова — любовь была.

Позднее, когда говорили о том, как важны для мемуариста воспоминания из личной жизни, я сказала:

— Может, вот такая деталь, как воспоминания о первой юношеской любви, читателям интересней, чем сухое перечисление частей и подразделений, участвующих в операции.

Жуков рассмеялся.

— Возможно! Но писать я буду все-таки о войне, а о «любви» расскажу другой, о московской, — она вклеивается лучше в сюжет.

«Говорит очень интересно, — записала я после этой встречи, — речь образная, сочная, хорошо чувствует юмор. Но главное — подкупает честная прямота».

— Бываете ли теперь в Стрелковке?

— Да, в прошлом году ездили с Галиной Александровной, был на могиле отца. Встретился с односельчанами. Одни женщины! Бывшие мои приятельницы, с которыми плясал, — старые, одетые страшно бедно, на руках цыпки.

— Что же, говорю, так плохо живете, как нищие?

— Мы и есть нищие. После войны все еще не обстроились — не избы, а чуланы. Огороды порезали, коров отняли.

Теперь, слышал, лучше стало: приусадебные участки распахали, скотину выращивают.

Я им говорю:

— Возьмите мой дом, пользуйтесь.

— Средств нет, чтобы поднять.

Я Ворошилову сказал:

— Ты пошел бы и рассказал Хрущеву, до чего деревня дошла.

А он мне:

— Нет, я хочу, чтобы меня похоронили на Красной площади.

— А мне лично никакая слава после смерти не нужна. Я вот попрошу, чтобы меня в Угодском похоронили, возле отца...

Долго ходили по аллеям, вышли в сад.

Тяжелые ветви сплошь усыпаны

яблоками. В глубине сада здание, не то сарай, не то дом.

— Это конюшня. Когда был министром, здесь было несколько лошадей — часто рано утром выезжал на прогулку. Лошадей люблю — старый кавалерист.

Потом много было таких рассказов с горьким оттенком «раньше» — значит, «до того», в той старой жизни: за домом мертвый, бездействующий фонтан — «здесь рыбу, привезенную с рыбалки, держали живой», в двухэтажном домике у ворот прежде находилась охрана.

— Там, во флигеле, теперь мой брат двоюродный Михаил Михайлович Пилихин с женой живет — все веселее.

Вернулись в дом. Еще было совсем светло, но в столовой уже зажгли люстру. Стол был накрыт.

— Пожалуйста, садитесь, закусим, чем бог послал, — радушно сказал Георгий Константинович.

Взял бутылку с коньяком, перегнулся ко мне через стол. Передо мной стояли рюмка и красивый хрустальный синий бокал. Он стал наливать коньяк в бокал.

— Что вы делаете, Георгий Константинович! — невольно вскрикнула я, — я не пью.

— А мне такой редактор, который не пьет, не нужен, — пошутил маршал. (Сам он выпил за весь обед маленькую рюмочку.)

— Норма, — сказал он, — не пью и не

Подготовка
Берлинской операции.
Командующий
1-м Белорусским
фронтом
Г. К. Жуков.
11 апреля 1945 года.

Представитель
Ставки
Верховного
Главного командования
Г. К. Жуков
и командующий
1-м Белорусским
фронтом
К. К. Рокоссовский.
1944 год.

курю. Бросил курить до войны, после заболевания бруцеллезом, сразу в один день: смял пачку папирос и выбросил. В войну и после, в самые трудные дни, не выкурил ни одной сигареты, хотя и очень тянуло.

(Снова весь посуровел.)

— В сорок седьмом ждал каждый день ареста. Подготовил чемоданчик с бельем. Посадили всех моих близких сотрудников. Тогда ведь как было? Судьбы людей решались за обедом или вечером за ужином. Говорили о каких-то делах, называли фамилии людей. Вдруг Сталин говорил: «Лаврентий, прими меры». Берия встает и выходит в соседнюю комнату. Набирает номер телефона: «Иванова, Семенова, Степанова». И в тот же вечер этих людей сажали. Когда под Москвой наступали, двести — триста человек высшего состава сидели с 1937 года в подвалах на Лубянке. Их не на чем было вывозить — всех расстреляли. Такие люди погибли! А на фронте в это время полками командовали лейтенанты.

Особенно жаль Тухачевского. Огромного военного таланта человек. Умница, широко образованный, сильный, занимался тяжелой атлетикой, и очень красивый. (Вдруг отклонился в кресле, как-то взглянул сбоку и вновь повторил: «Удивительно был красив».) Я два месяца работал с ним над составлением Устава конницы в Инспекции кавалерии РККА — широко мыслящий военачальник, далеко смотрящий вперед. Он еще в тридцатых годах предвидел, что будущее за танками и самолетами, а не за кавалерией, как думало тогда большинство. И именно он стоял у истоков создания нашей ракетной техники.

Его недолюбливал Ворошилов — завидовал его таланту и широкой образованности. Ворошилов сам был неважный стратег. В гражданскую войну какая была война? Самолетов не было, танков не было. Он очень виноват в гибели высшего состава. Он, Молотов и Каганович, все они виноваты, а не только Берия и Сталин. На июньском Пленуме ЦК КПСС пятьдесят седьмого года, когда была осуждена антипартийная группа — Молотов, Каганович, Маленков и другие, я зачитал письмо одного заслуженного генерала — он сидел с тридцать седьмого года. Это был удивительно честный человек и воена-

чальник. Накануне расстрела он написал письмо Сталину:

«Товарищ Сталин!

Завтра меня расстреляют. Я ни в чем не виноват. Я честно боролся за советскую власть и никогда не был предателем». И еще несколько теплых слов в адрес Сталина.

На этом письме Сталин написал размашисто в углу: «Все врет! Расстрелять! Сталин».

Далее следуют подписи:

«Согласен». — Молотов.

«Согласен. Прохвост! Собаке собачья смерть». — Берия.

«Изувер». — Ворошилов.

«Сволочь!» — Каганович.

Все прекрасно знали, что это преданнейший партии человек. Буденный держался в стороне. Он ни во что не вмешивался. Незлобив. Его ругают, а он только свой ус подкручивает.

Сталин — совсем другое. Сложный, противоречивый, но очень умный. В войну вначале разбирался в стратегических вопросах слабо, но ум, логика мышления, общие знания, хватка сослужили ему хорошую службу, и во втором периоде войны, после Сталинграда, был как Верховный Главнокомандующий вполне на месте. Мне нравилось, что в работе Ставки не было бюрократической волокиты — вопросы решались тут же. Но предвзвешенно он всесторонне изучал вопрос или план будущей операции. Внимательно исследовал данные, вызывал к себе людей, военных специалистов и на заседание приходил во всеоружии. Не терпел верхоглядства, приблизительности. Между прочим, умел слушать возражения. Это неверно, что Сталину возражать было нельзя, — я возражал, доказывал, и не раз!

Вот спорил я с ним по поводу проведения Ельнинской операции. Мой план — главный удар слева, а с тыла подтянуть резерв.

(Чертит рукой на столе воображаемый план.)

«А зачем, говорит, резерв? Мы в гражданскую так не воевали».

Я не соглашаюсь. Спорили, спорили.

«Ну, ладно, идите, пусть будет по-вашему, но отвечать будете головой!»

На следующий день после операции звонит: «Ну, как?»

«Все в порядке», — говорю.

С моим планом Московской битвы

согласился, со Сталинградской — так же. Вообще после Сталинграда окончательно поверил и не мешал. Обо всем этом напишу. Еще не знаю как, но Сталина надо давать в двух планах — его роль во время войны как Верховного Главнокомандующего и его противоречивость, вспыльчивость и жестокость. Говорят, что он ничего не знал о репрессиях тридцать седьмого года — это неверно, знал.

Конечно, главным действующим лицом был Берия. Страшный человек! Коварный и хитрый до невозможности. Ко мне подбирался со всех сторон, все хотел «военный заговор» состряпать — кругами ходил. Но Сталин меня отстоял. Он сказал:

— Жукова я тебе не отдам. Я его знаю — он не предатель.

Не ему, а мне пришлось его арестовать. Накануне меня вызвал Н. С. Хрущев и сказал, что завтра на заседании Президиума ЦК будет слушаться вопрос о Берии и, возможно, его придется арестовать.

— Возьмите с собой надежных генералов и будьте наготове.

По моей команде адъютанты перекрыли все выходы — окна и двери...

Из Кремля Берия препроводили на гарнизонную гауптвахту в Лефортово, где тут же заменили всю охрану. Вскоре под усиленной офицерской охраной он был доставлен в бункер, расположенный во внутреннем дворе штаба Московского военного округа. В каждом углу двора разместили по танку, нацеленному на бункер.

Вел себя, как последний трус, на суде плакал, умолял сохранить ему жизнь.

— Нет, уж когда доведется умереть, прими смерть достойно!

«Весь как-то выпрямился, снова стал недоступен и величественно строг. И веришь, что только так этот человек мог бы умереть — с высоко поднятой головой».

Эти строки я записала в тот день, тотчас же по приезде домой под сильнейшим впечатлением встречи с маршалом Жуковым: «Человек огромной внутренней силы и мужества! Личность».

...Еще не было ничего — ни книги, ни девяти долгих лет совместной работы, доверия и гнева его, долгих споров и дискуссий, минут отчаяния и борьбы за выход книги, — ничего этого не было. И потому, наверное, так запомнился тот день.

Парад Победы. Москва.
Красная площадь. 24 июня 1945 года.

Спустились сумерки. Мы стали собираться.

— Вот хотим, чтобы Элла с Виктором Александровичем помогли нам в работе — они оба журналисты, близкие вам люди, может быть, будут записывать на магнитофон то, что вы захотите вспомнить. Это облегчит и ускорит работу.

Теперь это кажется таким наивным. Я не могла даже отдаленно предположить тогда, что такое маршал Жуков!

— Нет, писать я буду сам, а там посмотрим.

Позднее узнала, что свою помощь в работе над книгой ему предлагали Константин Симонов и Сергей Смирнов — Жуков отказался. Он хорошо знал и любил Симонова, как писателя и человека, прекрасно относился к Смирнову. Он понимал, что в литературном отношении книга при участии Симонова или Смирнова выиграла бы. Но это было бы произведение писателя, а значит, сильно беллетризованное. Он же хотел создать книгу, основанную на своих воспоминаниях и документах, и поэтому эти предложения отклонил.

Так и было. Виктор Александрович Ерохин был первым редактором-профессионалом, кому маршал доверил посмотреть свой труд. Но уже после того, как он поставил последнюю точку.

А пока мы прощались.

— О вашем предложении подумаю, — сказал, пожимая руку, Жуков. — Ну, Аннушка, звоните, — сказал ласково на прощание. — Разрешите, я уж буду вас так называть: мы ведь из одной деревни. Предложение издательства АПН обдумаю. О решении своем сообщу.

Как я была горда, счастлива! Сумела переговорить с самим Жуковым, не оскандалилась, и он даже назвал меня ласково «Аннушкой».

Увы! Как наивны и поверхностны мы бываем подчас, когда обычными мерками судим великих людей. А великие не могут быть однозначны, одноплановы. Никакой «Аннушки», разумеется, больше и в помине не было. А были трудовые, тяжкие будни, работа, болезни, несчастья, крутой характер, сражения за правду, все, что угодно, было впереди, но об этом тогда я ничего еще не знала...

Продолжение следует.

ОБОЮД

ПРОВЕСТИ
КОМПЛЕКСНУЮ РЕФОРМУ
ЦЕН И ДОХОДОВ БУДЕТ ОЧЕНЬ СЛОЖНО,
НО БЕЗ ЭТОГО НАВЕСТИ ПОРЯДОК
В СФЕРЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ И ОБЕСПЕЧИТЬ
СОЦИАЛЬНУЮ СПРАВЕДЛИВОСТЬ
ПО ОТНОШЕНИЮ КО ВСЕМ
ГРУППАМ НАСЕЛЕНИЯ НЕВОЗМОЖНО

Игорь ЛИПСИЦ, кандидат экономических наук

Передо мной письмо Татьяны Фейтуллаевой. Оно задело меня искренним желанием понять, что происходит в нашей экономике вообще, и с ценами в частности. Постараюсь

ответить вам, Татьяна. Свою позицию вы формулируете четко: «Я против повышения цен на продукты питания». Появление предложений о таком повышении, по вашему мнению, «лишний раз подтверждает беспомощность перед плохой работой наших колхозников». Насколько я понял, вы полагаете, что будущая реформа всей системы розничных цен на продовольствие будет проведена по образцу повышения цен на копченые колбасы. Опасаясь такого подвоха, вы и выступаете за сохранение привычной стабильности низких государственных розничных цен на продовольствие и считаете, что именно такие цены в наибольшей мере отвечают принципам социальной справедливости.

На самом же деле будущая реформа розничных цен (идея которой, кстати, родилась не сегодня — о ее необходимости еще лет десять назад писали видные советские ученые-экономисты) мыслится совсем по-иному, чем привычное нам всем повышение цен. Речь, по сути дела, идет о комплексном пересмотре системы розничных цен и денежных доходов населения, поскольку сумму, полученную от повышения цен, намечается вернуть населению в форме надбавок к заработной плате, к пенсиям, к стипендиям, к пособиям на детей.

При этом дотации по продовольствию не исчезнут, однако их станут получать не предприятия агропромышленного комплекса, а само население. Но если это так, то зачем же огород городить, зачем тревожить людей, зачем отказываться от привычной стабильности низких розничных цен на продовольствие?

Чтобы найти ответ на этот вопрос, надо прежде всего уяснить, что пересмотр розничных цен — явление не обособленное, а одно из неотъемлемых звеньев в цепи мероприятий, проводимых сейчас в нашей стране для того, чтобы устранить сложившиеся прежде перекосы и деформации и создать условия для нормального развития в будущем.

Расходы не могут превышать доходы, если мы не хотим залезать в долги. В своей семье вы ощущаете это, видимо, достаточно четко. Но то же

самое справедливо и по отношению к государству в целом. Значит, если государство должно каждый год тратить почти 60 миллиардов рублей на дотации по продовольствию (и сумма эта пока все время растет — по мере увеличения реализации продуктов питания), то оно должно и откуда-то брать эти деньги. А откуда мы их брали до сих пор, спросите вы?

Ну, во-первых, это доходы от внешней торговли. Ныне они резко уменьшились, потому что снизились цены на мировых рынках (по нефти, например, почти в три раза). Увеличить же доходы за счет наращивания экспорта, например машиностроительной продукции, пока не удается — неконкурентна она, слишком низко качество большинства видов отечественной продукции.

Источник второй — доходы от продажи алкогольных напитков. До начала нынешнего этапа борьбы с пьянством это была заметная статья доходов госбюджета. Наращивание производства алкогольных напитков — один из самых тяжелых грехов на совести прежнего руководства страны.

Источник третий — доходы от продажи промышленных товаров, главным образом тех, в цену которых включается специальная надбавка — налог с оборота, изымаемый в доходы государства. Не будь этой надбавки, и цены товаров были бы сегодня куда ниже. Идея налога с оборота была проста — дорогие товары покупают высокообеспеченные группы населения, вот пусть за их счет и образуются фонды для помощи малообеспеченным семьям. Когда-то логика в этом, возможно, и была. Но сегодня «успехи» нашей промышленности в «вымывании» из ассортимента дешевых товаров столь велики, что всем группам населения покупать приходится почти одно и то же.

Заменить «водочные» деньги доходами от продажи товаров крайне трудно и из-за того, что доля налога с оборота в розничной цене, например тканей, в 3,4—5,8 раза ниже, чем по водке. Вот и вы, отстаивая низкие цены на продукты, склоняетесь к такому решению и пишете: «Я за повышение цен на модные вещи». Сегодня, когда вашему сыну 7 лет, а дочери — 6, подобная позиция кажется вам логичной.

Но заглянем лет на 8—9 вперед, когда ваши дети подрастут и начнут просить вас, чтобы вы одели их «не хуже других». Вот тогда вы обнаружите, что высокие цены на модные товары (а молодежь — главный по-

ОСТРЫЕ ЦЕНЫ

ЭКОНОМИСТ ОТВЕЧАЕТ ЧИТАТЕЛЮ

купатель таких товаров) — настоящее бедствие для семейного бюджета. Уже сегодня дороговизна модных вещей — одна из главных причин распространения среди молодежи спекуляции как средства «зарабатывания» денег.

— Реальность такова, что уже сегодня цены на многие промтовары высоки, эта дороговизна на самом деле уже невыгодна государству, поскольку тормозит реализацию товаров и порождает все более серьезные трудности в организации денежного обращения. Итак, «выжать» деньги из рынка промтоваров за счет роста цен нельзя, и этот источник получения средств на возмещение дотаций по продовольствию становится все более скудным.

Думаю, вы согласитесь со мной в том, что для устранения экономических трудностей всем нам надо работать лучше, чем вчера. Но как этого добиться? Назову три инструмента: угроза безработицы, обращение к сознательности, создание экономической заинтересованности. Первым инструментом мы воспользоваться не собираемся. Второй показал свою низкую действенность в нынешней социально-экономической ситуации. Остается только экономическая заинтересованность — добиться, чтобы людям захотелось работать лучше.

Но для этого надо, чтобы вознаграждение за лучший труд было достаточно весомым. При нынешнем уровне оплаты труда стимулирующая прибавка за улучшение работы, за повышение ее производительности должна быть большей, чем прежде. Но если нам приходится все большую часть народного дохода тратить на покрытие дотаций, то возможности денежного стимулирования труда сокращаются, и возникает заколдованный круг: слабые стимулы — плохой результат труда — малые ресурсы общества — слабые стимулы...

Предвижу, что вы сейчас воскликнете: «Но есть ведь и такой источник, как снижение затрат в сельском хозяйстве, а потом и цен на сельхозпродукцию?!» И в письме своем вы написали, что вас глубоко возмущает то, что «кто-то плохо растит скот, впрочем не может собрать урожай и сохранить его, а государство возмещает все», но лично вы «дыры затыкать за плохую работу других не согласны». Если учесть, что без специальных надбавок к закупочным ценам сегодня были бы убыточными более 40 процентов колхозов и совхозов, то получается, что «кто-то» — это примерно 9—11 миллионов человек, или соответственно каждый двенадцатый труженник страны, — тут уж правильнее вместо «кто-то» употребить местоимение «мы»... Но не будем спорить о словах, а разберемся по существу — действительно ли одиннадцать честных труженников не виноваты в плохих результатах труда двенадцатого и потому вправе отказываться нести, как говорят юристы, солидарную ответственность?

Не стану спорить — на селе сегодня немало бесхозяйственности

и расточительности, и борьба за снижение себестоимости продукции во многих хозяйствах воспринимается пока как дело второстепенное — была бы сама эта продукция... И тем не менее немалую долю вины за дороговизну сельхозпродукции по справедливости надо возложить на вашего мужа, работающего начальником КБ на заводе, да и на других специалистов и рабочих промышленности, строителей, мелиораторов...

За последние 20 лет рост себестоимости в сельском хозяйстве происходил в основном из-за увеличения стоимости поступающей в колхозы и совхозы промышленной продукции, удорожания строительства и других причин, не зависящих от сельских труженников. И этому не могло помешать даже то, что многие виды промышленной продукции до сих пор продаются сельскому хозяйству по льготным, пониженным ценам (с компенсацией разниц в ценах опять-таки за счет госбюджета). Но что толку в льготных ценах на сельхозтехнику, если на каждый рубль ее стоимости колхозы и совхозы потом вынуждены тратить 2 рубля на ремонт и все равно списывать эту технику раньше срока — настолько низка ее надежность.

...Так вот, за двадцать лет себестоимость привеса крупного рогатого скота увеличилась в расчете на килограмм на 1 рубль 30 копеек. Весь этот прирост связан с удорожанием материальных затрат, а трудозатраты животноводов сократились почти на треть.

Но что толку в экономии трудовых затрат скотников и доярок, если одно ското-место на молочной ферме сегодня обходится колхозу или совхозу почти в 1000 рублей, а на крупных комплексах эта стоимость равна цене однокомнатной городской квартиры! А ведь не работники сельского хозяйства проектируют эти комплексы, строят их и изготавливают для них оборудование. Этим заняты как раз многие из тех одиннадцати вроде бы вполне безвинных в дороговизне сельхозпродуктов работников, от имени которых вы требуете навести порядок в сельском хозяйстве. Итак? Дороговизна мяса и других продуктов сельского хозяйства — результат плохой работы нас всех и крупных ошибок в управлении сельским хозяйством.

Да, решить эту проблему можно и нужно, главный рычаг — создание нового действенного экономического механизма, который может работать только при нормальной системе цен в народном хозяйстве. От продажи продовольствия государство должно получать прибыль, а не убытки. Конечно, было бы неверным повысить розничные цены по дотационным продуктам питания настолько, чтобы они покрыли любые нынешние затраты в отраслях АПК. Как в производящих, так и в перерабатывающих отраслях есть большие резервы экономии затрат, и потому основой розничных цен могут стать лишь те затраты, которые действительно неизбежны для производства нужного обществу количества

продуктов в условиях интенсивной технологии, жесткого режима экономики и правильной специализации производства. Остальная часть дотации должна быть постепенно компенсирована снижением себестоимости в сельском хозяйстве и перерабатывающих отраслях АПК.

Ладно, скажете вы мне, это все дело будущего, а вот ответьте: станет ли после реформы розничных цен больше продуктов в магазинах? Отвечу честно: скорее всего немедленного эффекта не будет. Перестройка экономики вообще и продовольственного комплекса в частности — дело тяжелое и небыстрое. Одолеть инерцию торможения без больших усилий всех и каждого невозможно, а между тем сегодня, по данным социологов, две трети работников (в анонимных анкетах) честно признаются, что работают вполсилы. Компенсации скорее всего будут так или иначе усредненными, высокооплачиваемые группы населения (и я в том числе), вероятнее всего, потеряют, а низкооплачиваемые (пенсионеры, молодые семьи с детьми) выиграют.

Ни в одном партийном или правительственном документе не говорится, что рост благосостояния одних групп населения может сочетаться со снижением реальных доходов других. На деле же значительная часть населения, получающая фиксированные денежные доходы, год от году становится все беднее из-за постоянного роста средних цен, порождаемого «вымыванием» дешевого ассортимента, и неумеренного взвинчивания цен на так называемые товары-новинки. Для того чтобы сломать стереотипы в управлении народным благосостоянием, когда одни ведомства прямо заинтересованы в росте цен, другим это безразлично, а вопрос «Отчего жизнь становится дороже?» волнует только нас с вами, необходимо комплексно пересмотреть методы формирования всех статей доходов и расходов населения. А это возможно только в момент реформы розничных цен.

Сегодня подсчитать реальную стоимость жизни разных групп населения и в разных районах страны невероятно сложно, почти невозможно — слишком велики перекосы. Например, по расчетам сотрудницы нашего института НИИ по ценообразованию Госкомцен СССР Л. В. Скульской, на жителя Ленинграда приходится государственной дотации по мясу в 2,5 раза больше, чем, например, в таком городе, как Балашов, хотя балашовцы такие же совладельцы всего народного хозяйства, как и ленинградцы, и имеют полное право при одинаковом трудовом вкладе иметь такие же реальные доходы, как и жители города на Неве. Да, пока у нас не хватает мяса на то, чтобы оно могло быть во всех магазинах. Из-за этого значительной доле населения мясо да и другие продукты приходится покупать на рынке или в кооперативных магазинах по более высоким ценам. Сегодня многие проблемы даже не обсу-

ждаются, поскольку не признается связь денежных доходов со стоимостью жизни. Но коль мы собираемся платить компенсации за повышение цен на продовольствие, то получается, что де-факто мы такую связь уже признали. Так давайте признаем ее без оговорок и превратим пересмотр розничных цен из чисто ценового мероприятия в важнейшее звено программы повышения народного благосостояния. Только при этом условии, как мне кажется, реформа розничных цен полностью реализует свои потенциальные возможности в нормализации сферы народного потребления, а не превратится в чисто бухгалтерскую операцию по изменению круга получателей государственных дотаций.

Нынешняя система розничных цен подобна раковой опухоли — она распространяет метастазы во многие звенья народного хозяйства, тормозит наше движение вперед. Я преувеличиваю? Ничуть. Возьмите, например, такую внешне неочевидную связку, как розничные цены и темпы научно-технического прогресса. Ускорение НТП для нас сегодня — острейшая необходимость, вопрос уже не только экономического, но и политического значения. Сегодня общественный труд в целом у нас в два раза менее производительен, чем в США, а в сельском хозяйстве разница составляет 4—5 раз. Исправить такое положение можно только на основе всемерного ускорения внедрения достижений науки и техники.

А между тем мы сплошь и рядом сталкиваемся с тем, что внедрять новую технику предприятиям просто невыгодно. И не случайность, а печальная закономерность: у нас по сей день несколько миллионов человек заняты примитивнейшим ручным трудом. Но дешевизна рабочей силы — экономическая иллюзия, поддерживаемая благодаря низким розничным ценам на продукты питания, которые позволяют поддерживать и низкую заработную плату. Не тронув цены, нельзя тронуть и зарплату (иначе нарушится баланс между доходами и возможностями товарного их обеспечения), а значит, перед НТП по-прежнему будет стоять экономический барьер.

Низкие розничные цены — явление действительно ободорающее, вредное одновременно и государству в целом, и каждому советскому человеку. Конечно, одним только пересмотром цен наших трудностей не решить, страну из сегодняшнего состояния не вывести, но и решать эти задачи, не трогая розничные цены, тоже нельзя. Надо только тщательно продумать реформу розничных цен и доходов, превратить ее в пусковой механизм новой системы регулирования народного благосостояния, системы гибкой и учитывающей и рост номинальных денежных доходов населения, и влияние реально существующей в нашей экономике инфляции. От вопроса «Что делать?» пора переходить к практическому поиску ответа на вопрос «Как сделать?».

Н

РАМПА

Наверное, все, что сыграл Олег Табаков в театре и кино и что поставил как режиссер в театре-студии на улице Чаплыгина, я видел. Знаю его очень давно, больше тридцати лет, с той поры, когда в апрельскую ночь 1956 года в школе-студии имени Немировича-Данченко (там, где он теперь ректор) Олегом Ефремовым, Галиной Волчек, Лилей Толмачевой, Евгением Евстигнеевым, Игорем Квашой был сыгран их главный спектакль «Вечно живые» по пьесе В. Розова. Молодые актеры работали к тому времени в разных театрах, репетировали по ночам. Они совершали прорыв в мир высоких и чистых чувств, возвращая сцене и актерской профессии их истинное предназначение...

И сейчас в небольшом кабинете Олега Табакова на улице Чаплыгина висит афиша того первого спектакля с росчерками поздравлений друг другу и с пожеланиями счастья и успехов. Театральная Москва помнит рождение театра «Современник» и все, что стояло за этим не только в культурной, но и в нашей общественной жизни. Спектакль идет в этом театре вот уже более тридцати лет. Он, как чеховская «Чайка» для МХАТа, — спектакль-причастие. В нем играли и утверждали себя такие прекрасные актеры следующих поколений, как Олег Даль, Марина Неелова, и, надо надеяться, сыграют многие другие.

Не все из тех, кто основывал «Современник», работают в нем сегодня, но как бы драматично ни развивалась судьба театра, он не только в нашей памяти, с ним и наша надежда. Пристрастия в оценках театральной жизни — вещь опасная, недаром говорится, что утро вечера мудренее. Во всяком случае, тем первым есть не только что вспомнить, но и чем гордиться.

Время и годы гасят в человеке «максимализм юности», черствеют души под ударами судьбы, и вот уже бес-искуситель нашептывает на ухо такую знакомую фразу: «Зачем тебе это нужно...»

Зачем было нужно Олегу Табакову бродить по дворам вокруг театра «Современник», отыскивать в затопленных тальми водами подвалах некое «ничейное» место, где удалось бы соорудить малую сцену да поставить несколько жестких скамеек для зрителей? Параллельно с этим он набирает актерский курс в ГИТИСе, и вместе — мастер и ученики — мечтают о своей студии, о своем театре.

Как, еще об одном? А зачем он ему нужен? Что это за нетерпение, чего недостает человеку?! Заметьте, вся эта настораживающая охота затевается Табаковым не в середине пятидесятых, а в середине семидесятых. За двадцать минувших лет утекло много воды, и редко кому позволялось нарушать благостную тишину. «Хватит нам одного Театра на Таганке» — так или примерно так рассуждали «разрешающие» и с завидным упорством гребли затею Табакова. Ему бы успокоиться, даже друзья предостерегали — не слушал советов.

ЗАЧЕМ ЕМУ ЭТО НУЖНО

Алексей АДЖУБЕЙ

Хорошо помню первые спектакли в студии на улице Чаплыгина. В узкой подворотне, ближе к вечеру, сбивалась молчаливая толпа приглашенных. Как-то подошла к ожидающим старушка, постояла немного, видно, желая уразуметь, к чему собрались здесь люди, не поняла и тихо спросила: «Кого хоронить будут, с какого этажа покойник?» Никто ей не ответил, и старушка отправилась по своим делам. А мы ждали, когда отворится тугая дверь в преисподнюю и мерцающий огонек тусклой лампочки высветит крутые, сбитые скользкие ступени, ведущие вниз к сцене.

Нет, неправдой было бы утверждать, что ни у кого не находил поддержки Олег Табаков. Часто спускался в подвал и бывший в ту пору первым секретарем Бауманского районного комитета партии Сергей Александрович Купреев. Ему, человеку гренадерского сложения, пробиваться через подвальные лазы было еще труднее, но он приходил в студию молодых актеров с охотой и радостью, подолгу беседовал с Олегом и его учениками. Приходили и многие другие.

К этому времени Олег Табаков и вовсе перестал бывать дома. В обязанность жены входило теперь набивать его рабочую сумку двумя десятками бутербродов — он подкармливал на занятиях своих учеников, репетировавших в подвале до глубокой ночи.

Посещали подвальчик на улице Чаплыгина и самые высокие гости из Министерства культуры. Однажды показали необычный театр гостям из братских социалистических стран, демонстрируя «демократические течения» в театральной жизни. Но гости уехали, и шлюзы опустились. Театр-студия так и жил в полулегальном положении.

Может быть, на это и был расчет. Устанет, надоест, остепенится. Прибав-

лялось славы и наград — верный путь к успокоению.

Десять лет — с 1976 по 1986 год — молодые актеры выволакивали горы мусора из этого подвала, вставали вместе со строителями к бетономешалкам, учились шпаклевать и белить. И вот теперь здесь маленький театр — на загляденье. Все светло, нарядно, удобно. Парадный подъезд, вестибюль, фойе, буфет, раздевалка, прежним остался только зал. Черные стены, темные скамьи. Сто мест, которые никогда не пустуют.

Третий сезон работает театр-студия в таком роскошном помещении. Репертуар пока невелик, меньше десяти спектаклей. Но уже состоялись гастроли, не только по стране, но и за рубежом, в этом году на фестивале московских театров в Мюнхене в числе приглашенных была и труппа Олега Табакова.

Я не театральный критик, и речь здесь, в этом небольшом повествовании, не о режиссерских и актерских успехах или неудачах театра-студии. Как говорится, все позади и все еще впереди. Табаков на будущий год входит со своим коллективом в эксперимент и уже задумывается о том, чтобы «прихватить» в этом же здании зал мест на 350, тогда можно будет вести речь о полной хозяйственной и финансовой самостоятельности, оплачивать актерский труд не так мизерно, как сегодня, — думаю, вам легко себе представить, как может на 120 рублей изящно и со вкусом одеться молодая актриса или молодой актер.

Достанет ли у Табакова сил на новый штурм всяческих препятствий? Захочет ли? Мы беседовали с ним о театральных делах уже поздним вечером, после спектакля. В дальней комнате слышались голоса — там репетировали, несмотря на первый час ночи. Олег

стал белым, как лунь, а ему чуть больше пятидесяти. Это седое обрамление молодого лица вносило в его облик грустный штрих, и он, угадав, очевидно, мои мысли, сказал: «Да, вот этому делу отдана треть жизни...»

Немалая цена! Корысти ради на такое не пойдешь, тем более что для Табакова — знаменитого, популярного — есть и более легкие способы морального, да и материального самоутверждения.

Как-то само собой, не сговариваясь, проходим с Табаковым по ночному зданию. Спрашиваю, сколько же денег ушло на то, чтобы так чудесно, так изысканно строго переоборудовать старый заброшенный подвал и первый этаж здания. Он называет сумму: «Около 140 тысяч. В любом случае, — добавляет Табаков, — состоится ли наш театр надолго или нет, в районе будет теперь прекрасное место для клуба, другого маленького театра, для человеческих встреч».

Сколько бы раз ни встречался с Олегом Табаковым в студии, на репетициях, просто во время его бесед с молодыми актерами, всякий раз чувствую в нем удивительно щедрую любовь к человеку, страсть к учительству, к дарению своего опыта другому. Он с молодежью на равных, без менторства, назидательности, просто судьба даровала ему особое счастье быть лидером, если хотите, кумиром молодежи. Он не стесняется об этом говорить: «Стою за кулисами, когда они играют, и тепло на душе, будто сам Иисус Христос ниспослал мне эту благодать».

Актер, учитель, проповедник — это ведь все лежит рядом...

Мы так хотим, чтобы не табель о рангах была определяющей в искусстве. Чтобы возвысились такие существенные понятия, как талант, индивидуальность, актерский и гражданский темперамент, общественная отзывчивость, и чтобы это и составляло ничем не прикрытую, не закамуфлированную истинную суть мастерства. Чтобы не шло соревнование по количеству заслуженных и народных на единицу посадочных мест. Не у нас ли на памяти театры, где титулованных большинство, а в зрительном зале над пустыми креслами гуляет ветер.

Вот и мне совсем не хочется перечислять награды и отличия Олега Павловича Табакова, пусть не сердится, воздано ему полной мерой.

Подобно небольшому судну, театр-студия О. Табакова находится в плавание по беспокойным театральным морям. К каким же целям спешит команда? Между залом и сценой здесь практически нет традиционного барьера. Все близко — зрители и актеры. Играют ли французскую пьесу о Жанне, или события разворачиваются в комсомольском комитете, оказываемся ли мы в армейской казарме на американской военной базе Билокси-блюз, решается главное — какие нравственные ценности брать в основу характера, как жить? Фальши нет. Актеры обращаются к себе с этими вопросами точно так же, как и к тем, кто следит за их игрой.

Очень бы хотелось назвать имена актеров студии, кого-то выделить, отметить. Олег Павлович попросил: «Пожалуй, не стоит. Их путь в искусстве только начинается...»

Актерская профессия прекрасна, но и рискованна.

Фото Игоря ФЛИСА

РЕПУТАЦИЯ АКТЕРА ТЕАТРА-СТУДИИ
ПОД РУКОВОДСТВОМ ОЛЕГА ТАБАКОВА — ЭТО РЕПУТАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛА.
ОНИ ЛЕГКО И БЫСТРО ВПИСАЛИСЬ В ТЕАТРАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ ГОРОДА.
НО, НЕСМОТРЯ НА СВОИ ОЧЕНЬ ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ, УДАЧНО СКЛАДЫВАЮЩИЕСЯ
ТВОРЧЕСКИЕ СУДЬБЫ,
ОНИ ОЩУЩАЮТ СЕБЯ КАК НЕКОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО, КОЛЛЕКТИВ.
ОНИ СТРОЯТ СВОЙ ТЕАТР.

ОГОНЬ-НА СЕБ

...я!

Борис РЯЗАНЦЕВ,
Алексей КОНДРАТЬЕВ
(фото)

БЕСЕДА С НАЧАЛЬНИКОМ ГУПО МВД СССР, ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТОМ А. К. МИКЕЕВЫМ БЫЛА ДЕЛОВОЙ, НЕ ПРАЗДНИЧНОЙ, И ТОН ЗАДАЛ САМ «ГЛАВНЫЙ ПОЖАРНЫЙ СТРАНЫ». ПОВОДОМ ДЛЯ ВСТРЕЧИ БЫЛА ЮБИЛЕЙНАЯ ДАТА. СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД В. И. ЛЕНИН ПОДПИСАЛ ДЕКРЕТ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕР БОРЬБЫ С ОГНЕМ.

— Дата для нас — своеобразная веха, у которой имеет смысл обернуться на пройденный путь, — начал Анатолий Кузьмич. — И глядя на него, особых причин для праздничных реляций нет. Ведь все оценивается по конечному результату. А он, к сожалению, не так высок.

— Вы имеете в виду оснащенность подразделений, насколько соответствует она современным научно-техническим достижениям?

— Ну что здесь можно сказать? Парк отечественных пожарных машин значительно устарел и серьезно уступает зарубежным образцам. А новая техника осваивается медленно. К примеру, из восьми рекомендованных к производству типов пожарных автомобилей сейчас выпускается только три. Да и потребность в машинах такого назначения удовлетворяется в целом только на две трети. К тому же мы нуждаемся в боевой технике нового поколения — скоростной, маневренной, современно оснащенной.

Статистика — предмет безжалостный. А она утверждает, что одна минута задержки прибытия пожарных обходится жизнью человеку на каждые сто пожаров, тысячу рублями ущерба в зданиях общественного назначения и тремя тысячами — в промышленных.

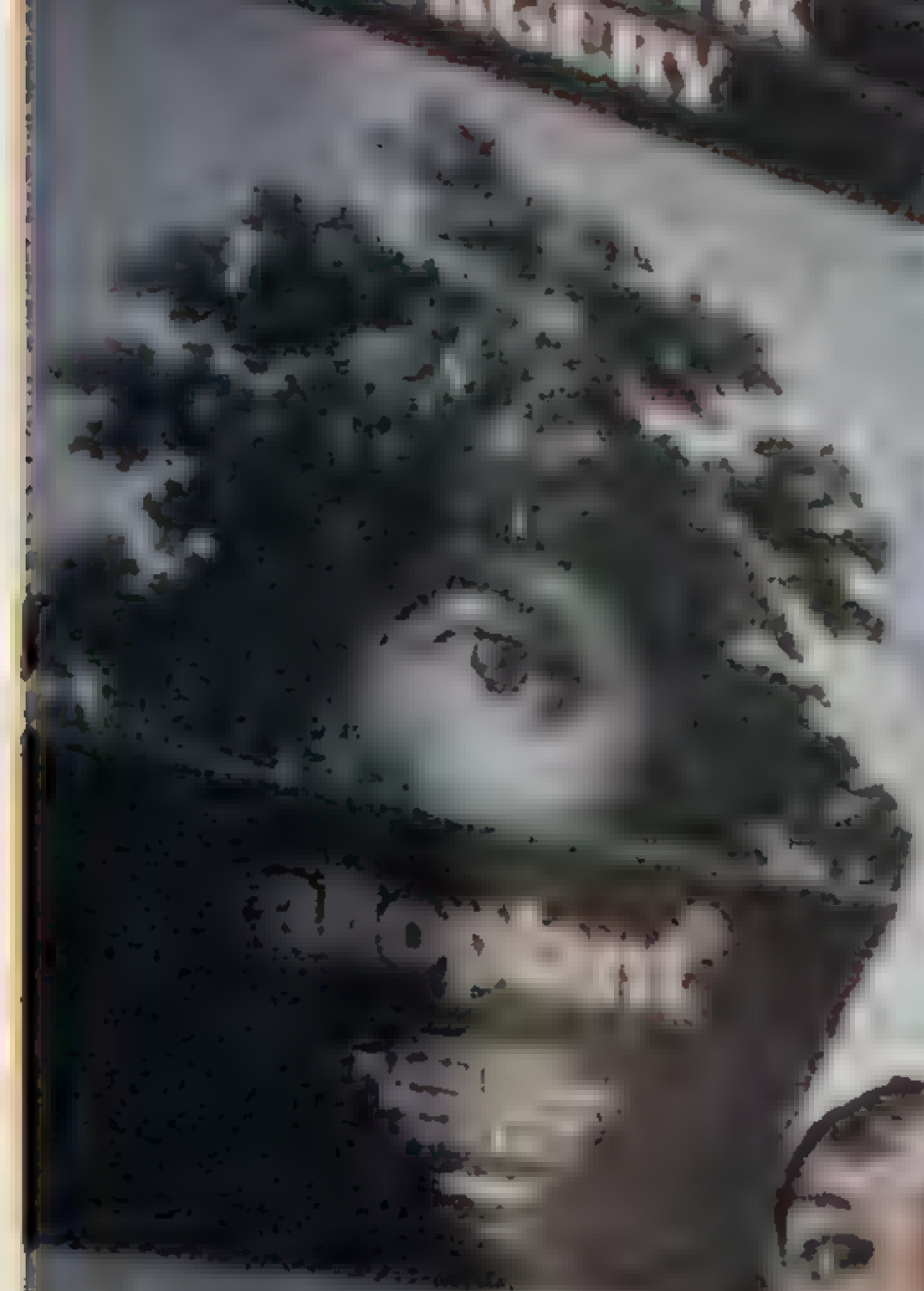
Не освоен выпуск пожарных авто-

Продолжение см. на стр. 26.

ALLO-
TRANSPLANTAT
FOR EYE
AND PLASTIK
SURGERY

ЧУЖОМ
САЖЕНЕЦ

«АЛЛОПЛАНТ» — «ЧУЖОЙ САЖЕНЕЦ»
(ТАК ЭТОТ ТЕРМИН
ПЕРЕВОДИТСЯ С ЛАТЫНИ) —
ЯВЛЯЕТСЯ ФИРМЕННЫМ ЗНАКОМ
НЕОБЫЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА ТКАНЕЙ.
ИСПОЛЪЗУЕМЫХ ДЛЯ ПЕРЕСАДКИ
ПРИ РЯДЕ
ХИРУРГИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ.
ЗНАКОМ ЭТИМ ПОМЕЧЕНО
УЖЕ 27 ТРАНСПЛАНТАТОВ,
НА ОСНОВЕ КОТОРЫХ РАЗРАБОТАНО
СВЫШЕ 60 ОПЕРАЦИЙ.
ДВАДЦАТЬ АВТОРСКИХ СВИДЕТЕЛЬСТВ,
ПОЛУЧЕННЫХ В СССР,
ДЕВЯТЬ ПАТЕНТОВ, ЗАЩИЩЕННЫХ
ЗА РУБЕЖОМ, ТЫСЯЧИ БОЛЬНЫХ,
ПРООПЕРИРОВАННЫХ ПО НОВЫМ
МЕТОДИКАМ. — АКТИВ «АЛЛОПЛАНТА».
НО ЕСТЬ В «ЧУЖОМ САЖЕНЦЕ»
И ИНОЙ СМЫСЛ —
ЭТО ИСТОРИЯ
ХИРУРГА-ОФТАЛЬМОЛОГА
ЭРНСТА МУЛДАШЕВА
И ЕГО КОЛЛЕКТИВА,
КОТОРЫЕ И САМИ ДОЛГИЕ ГОДЫ
ЯВЛЯЛИСЬ ЧУЖИМ САЖЕНЦЕМ
НА ДРЕВЕ НАШЕЙ
МЕДИЦИНСКОЙ БЮРОКРАТИИ.

История эта началась лет двадцать назад. Но продолжается до сих пор, хотя совсем недавно коллектив Эрнста Мулдашева вошел в состав МНТК «Микрохирургия глаза» — знаменитый МНТК С. Н. Федорова — под названием Уфимская лаборатория трансплантатов для офтальмохирургии. Первые десятки тысяч рублей поступили на счет молодого хозрасчетного производства. Казалось бы, саженец обрел благодатную почву для быстрого роста, но...

Однако расскажем все по порядку...

После окончания медицинского института Эрнст Мулдашев был приглашен в Уфимский НИИ глазных болезней. Много оперировал, но в душе продолжал чувствовать себя не хирургом, а морфологом. Не забылись студенческие увлечения, а, напротив, стали обрести новыми идеями. Почему, задумывался он, например, при восстановительной операции века глаза нужно пользоваться трансплантатом, взятым с губы этого же больного? Ведь красная полоска так и остается. А что если в качестве трансплантата использовать жировую клетчатку стопы, взятую от умершего человека? После экспериментов на животных разрешили операции в институтской клинике. Прошли они успешно. Это был первый практический шаг, шаг принципиальный. Вскоре Мулдашев защитил кандидатскую диссертацию на эту тему.

Поиск трансплантатов продолжался. Вокруг Мулдашева уже успел сложиться коллектив — почти все его сверстники. И все — увлеченные.

К тому времени сменилось руководство НИИ, которое весьма благожелательно смотрело на работы молодых ученых, и признаки бури стали появляться на безмятежном научном горизонте. В ход пошли мелкие придирки, запреты: «Кто позволил делать операции, которые не делают даже в Москве?!» В конце концов мулдашевы вынуждены были оставить институт и перейти в больницу № 10 Уфимского нефтеперерабатывающего завода, чтобы иметь возможность продолжать исследования.

— Когда выходишь на острые, принципиально новые проблемы и направления науки, очень важно найти человека, способного воспринять непривычное объективно, — считает Мулдашев. — Личность эта непременно должна быть прогрессивной. В советской офтальмологии такой личностью является Святослав Николаевич Федоров. Наша давняя тяга к нему была тягой к прогрессу. Именно его поддержку мы постоянно ощущали, даже в самые трудные времена, которых на нашу долю выпало более чем достаточно. Как-то мы столкнулись с проблемой патентования двух наших изобретений за рубежом. И от многих инстанций получили ответы, ставящие под сомнение необходимость самого патентования. Лишь Федоров предложил: «Сделайте доклад хороший часика на два, подберите побольше слайдов. Наши ребята вас потреплют. Выдержите — мы поддержим».

Думаю, что уже тогда он четко уловил то, чего мы еще сами не видели, — зерно научной идеи, которое сейчас реализуется нами.

Коллеги обсудили наши принципы подбора трансплантата, его обработки, хранения, познакомились с самодельными образцами. Завершая обсуждение, Федоров сказал: «Придет время, эти ребята станут производить трансплантаты, которые будут красиво упакованы, будут долго храниться, — стоит только взять ампулу, открыть ее, и можно делать пересадку. На конвейер будут поступать ткани человека, а выскакивать с него баночки с трансплантатами для пластики глаз, лица, других органов». Было это в 1981 году...

...В помещении десятой больницы хозяйство Мулдашева занимает часть первого и третьего этажей. Внизу — лаборатория консервации тканей, она же — производство. Наверху — палаты, операционные. Только что Сагит Муслимов, кандидат наук, один из сподвижников Мулдашева, показал свое хозяйство. Я увидел еще не обработанные препараты в банках. И уже готовые трансплантаты в ампулах. Каждый искусно обработан так, как это необходимо для будущей операции. Если ткань не доведена до нужного состояния, то возникает сильная реакция отторжения, возможны осложнения; если же ткань «переведена» за допустимую грань, то на ослабленном саженец нарастет слишком мало собственной ткани. Вот почему при подготовке трансплантата требуется особое чутье, высокое мастерство.

Пока производство невелико, материал обрабатывается вручную. В дальнейшем качество продукции лаборатории может быть обеспечено только электронной техникой. Некачественных трансплантатов быть не должно. Это исключено. Такой вот фон стоит за этим, несложным с виду производством.

Что же касается самих мулдашевцев, то их всех, кроме общей работы, связывает и общность интересов, например, тот же туризм, где в дальнем походе видно сразу, чего стоят человек, настоящая дружба.

И как раз эта-то солидарность, спаянность коллектива вызывает кое у кого раздражение. Если ребята держатся друг за друга, если дружны, значит, групповщина. Если ты поломал стереотип общины (Мулдашев запретил в рабочее время заниматься общественной деятельностью: на работе — только работа), значит, нарушил партийную дисциплину.

Ну и зависть, конечно. Вот вышел, например, о мулдашевцах телефильм «Формула света». После его показа на ЦТ пришло пространное письмо из Уфимского НИИ глазных болезней — Мулдашеву предъявлялось обвинение в клевете на деятельность института. Как водится, в лабораторию зачастили комиссии. Проверили, но криминала не находили, и уходили ни с чем.

Тем не менее в конце прошлого года на партийном собрании нефтеперерабатывающего завода, к которому относится больница № 10, Мулдашеву был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку со следующей формулировкой: «За нарушение Устава и организацию групповщины в партии». Не веет ли здесь холодком тридцатых годов? К счастью, времена меняются. Выговор райком не утвердил.

...День уже клонится к вечеру. Большой операционный день. В ординаторской собираются врачи. Только Мулдашева нет. Говорят, приболел немного. Но вот и он подходит. Не худощавый даже, а худой, бледный. Накануне было обострение язвенной болезни.

Эрнст Мулдашев провожает меня по коридору. На диванах коротают время больные. Мальчишка увлеченно слушает мужчину с перевязанным глазом. Заметив нас, паренек поворачивается и говорит: «Эрнст Рифгатович, вы завтра мне сделаете операцию, хорошо?» Спокойно спрашивает, словно об обещанной прогулке. «Конечно», — чуть улыбнувшись, кивает врач...

Едва захлопнулись двери за мною, корреспондентом, как тут же они раскрылись перед очередной комиссией. На этот раз из контрольно-ревизионного отдела Минздрава БАССР. Чтоб не быть голословным, процитирую ответное письмо руководителя лаборатории МНТК «Микрохирургия глаза» Э. Мулдашева министру здравоохранения республики А. Турьянову: «...считаем необходимым высказать принципиальное несогласие со следующими заявлениями представителя КРО (Муртазина А. Х. — Л. Л.):

1. Лаборатория с 1984 года незаконно реализует незарегистрированную продукцию.

2. Руководство лаборатории создает искусственный дефицит продукции с целью последующего получения нетрудовых доходов».

Не буду перечислять всех аргументов, выдвинутых в свою защиту учеными. Но на одном пункте все-таки остановлюсь: «...Острый дефицит продукции лаборатории не создается искусственно, а связан с дефицитом производственных помещений. К сожалению, представитель комиссии не пожелал ознакомиться с заявками на продукцию лаборатории, которые поступили в общей сложности на 40 тысяч операций из 280 лечебных учреждений страны. В то же время имеющиеся производственные мощности позволили выпустить в 1987 году хирургических материалов только на 10 тысяч операций, то есть дефицит объективный, а не создан искусственно руководством лаборатории. В заключение эксперт договорился до того, что назвал весь коллектив лаборатории «группой аферистов, занимающихся незаконной деятельностью...».

Через несколько дней я был у С. Н. Федорова. Он гневался: из Уфы идет недостаточно трансплантатов. Но это был гнев человека, заинтересованного в развитии дела. «Нашелся бы среди всех наших чиновников хоть один сумасшедший, дал бы Мулдашеву настоящие деньги, построил бы все, оснастил современнейшим оборудованием — с лазерами, компьютерами... Это же золотое дно!»

Не успел я поставить последней точки в этом материале, как раздался телефонный звонок из Уфы. «Дело плохо. Опять у Мулдашева сильное кровотечение. Результат комиссии. Эрнст лежит в реанимации...» Весна для хроников — худое дело. Все болячки стараются заявить о себе.

Л. ЛЕВУШКИН

СЛАДОК ЛИ СОН?

СЛАДОК СОН ПЬЯНИЦЫ: ПОЭЗИЯ
ВИДЕНИЙ НЕ ВЕДАЕТ ПРОЗЫ
ПРОБУЖДЕНИЯ, ОСОБЕННО
НА КАЗЕННОЙ КОЙКЕ
С ИНВЕНТАРНЫМ НОМЕРОМ.
И ГОЛОВА ТРЕЩИТ, И ЗДОРОВЬЕ
ЯВНО ПОДКОШЕНО.
МЕДИКИ УТВЕРЖДАЮТ, ЧТО
СЕРДЦЕ АЛКОГОЛИКА ПОКРЫТО
ЖИРОМ, ИССЕЧЕНО БОРОЗДАМИ,
КАК У ИНФАРКТНИКА.
А ПЬЯНИЦАМ ИЗ ХАРЬКОВА
И ОБЛАСТИ ТОГО ХУЖЕ.
ИМ СОН ОТЕЙВАЮТ НАДОЛГО.
ДЛЯ НАЧАЛА СТАВЯТ ПЕРЕД
СВОЕОБРАЗНЫМ ЗЕРКАЛОМ —
ПРЕДАЮТ ОГЛАСКЕ
ФАКТ ПРЕБЫВАНИЯ
В МЕДВЫТРЕЗВИТЕЛЕ ИЛИ
СООБЩАЮТ ОБ ИЗЪЯТНИ
ХИТРОУМНОГО ВИНОКУРЕННОГО
АППАРАТА.
И РЕЗУЛЬТАТ
БОРЬБЫ С ПЬЯНСТВОМ СТАЛ
НАМНОГО ЭФФЕКТИВНЕЕ.

Кады знала,
кады ведала...

Укола не надо —
налеп рассольника.

Техника на грани
фантастики.
Последняя
конфискация.

Конец
«швейцарского
варианта»:
торговля водкой
на вынос
в ресторане
«Центральный».

Борис ЕРМАКОВ,
Эдуард ЭТТИНГЕР (фото)

Начинали с себя, — улыбается генерал-майор милиции, начальник Харьковского УВД Александр Маркович Бандурка, и уже серьезно продолжает, — отделись от так называемой «чести мундира» во имя оздоровления общества. Кому приятно признавать свои ошибки, рассказывать о своих недоработках. А ведь именно такое впечатление создавалось о нашей работе, когда мы с помощью всех средств массовой информации начали широковещательное оповещение народа о степени трезвости общества. «Раз столько нарушителей, значит, милиция плохо работает», — слышали мы. Но продолжали говорить правду.

Горьковата эта правда. Есть и пьяницы, и самогонщики.

— Ситуация менялась, — продолжает Бандурка. —

И наступил момент, когда я по телевидению предложил в течение недели сдать самогонное оборудование. Причем обещал, что наказания не будет. И люди поверили. Только в одном Харькове сдали более тысячи аппаратов. Да каких! Иные умельцы создают целые компьютерные системы.

Отдел по профилактике пьянства — подразделение необычное. Но создание его — явление, вероятно, временное. Во всяком случае, на это уповает его руководитель, майор милиции Виктор Иванович Солодовников. С одной стороны, он гроза самогонщиков, с другой — адресат многочисленных благодарностей от людей, которые вернулись к нормальной жизни.

А таких много. За два года количество смертей от пьянства уменьшилось на две с половиной тысячи. Меньше стало «пьяных» тяжких преступлений, сократилось число тех, кто не платит алименты, меньше стало разводов и дебильных новорожденных. На всех крупных предприятиях появились свои ЛТП и наркологические пункты. И созданы они не для «преступников», каковыми чувствуют себя клиенты некоторых других профилакториев, а для пациентов, больных людей, нуждающихся не только в лечении, но и в добром слове. Кстати, после пребывания в харьковских ЛТП не было ни единого рецидива.

ЖИВАЯ ОЧЕ

У

зимнего солнцеворота прибавилось три минуты дню, но светлее не стало. Зима выдалась особо сырой и тягостной. Густые липкие туманы сползали в город каждое утро, волоча за собой хмарь и копоть всех окрестных предприятий, по улицам клубилось нечто зыбкое, промозглое и угольно-горькое на вкус. Старожилы не помнили такой погоды.

— Климат-то как изменился.

— Это после Чернобыля. Точно говорю.

Да, сорок лет назад в этом самом городе был совсем иной климат.

— Помнишь, Лидочка?

— Помню, Ванечка. Все я помню, дорогой.

Лидия Петровна и Иван Степанович Костыревы поженились, отвоевав и отлежавшись в госпиталях в среднем столько, сколько выпало на долю всем уцелевшим фронтовикам. И случилось это ровно четыре десятилетия назад, и праздновали они свою свадьбу в ночь под Новый 1948 год в общежитии Технологического института, где и познакомились. И на всю студенческую ораву, голодную и веселую, пришлось пять бутылок кагора «Араплы», шампанское, два торта и гора винегрета.

— Какой же праздник у нас счастливый был, Ванечка.

— И картошку в мундире ребята с третьего курса прислали. Совсем незнакомые ребята. До чего же вкусная картошка была. До чего вкусная...

Вздыхал Иван Степанович и грустно улыбался. Не потому, что окончить институт не довелось ни ему, ни жене: пошли дети, а родных война прибрала, и оба пошли на завод. И даже не потому, что годы их пролетели, дети разъехались, а сами они доживали век пенсионерами при младшей дочери. Нет, иная тут имела причина, которую Иван Степанович и не смог бы высказать, если бы кто-нибудь его спросил. Ну, конечно, если бы, допустим, местное телевидение вздумало сделать о них передачу, тогда, возможно, Костырев бы рискнул. Тогда бы он сказал для голубого экрана примерно так:

— Жалко, что? Годя? Чего же жалеть, природа это. Жалко, что вам, молодые вы мои друзья, никто котелка картошки вареной не подарит в день свадьбы. Последней своей картошечки, от собственного живота оторванной, ради чужого счастья. Вот чего мне очень даже жалко.

Но никто Ивана Степановича ни о чем не спрашивал, никто им не интересовался. Ни им, ни родной его Лидией Петровной, у которой как раз под этот Новый год исполнялось ровно сорок лет счастливой семейной жизни. Старику Костыреву, естественно, то же исполнялось, но женщины такие даты куда больше ценят и куда больше ими дорожат. Но туманному городу не было до их дат никакого дела: город слухи тревожили.

— Еще три точки закроют...

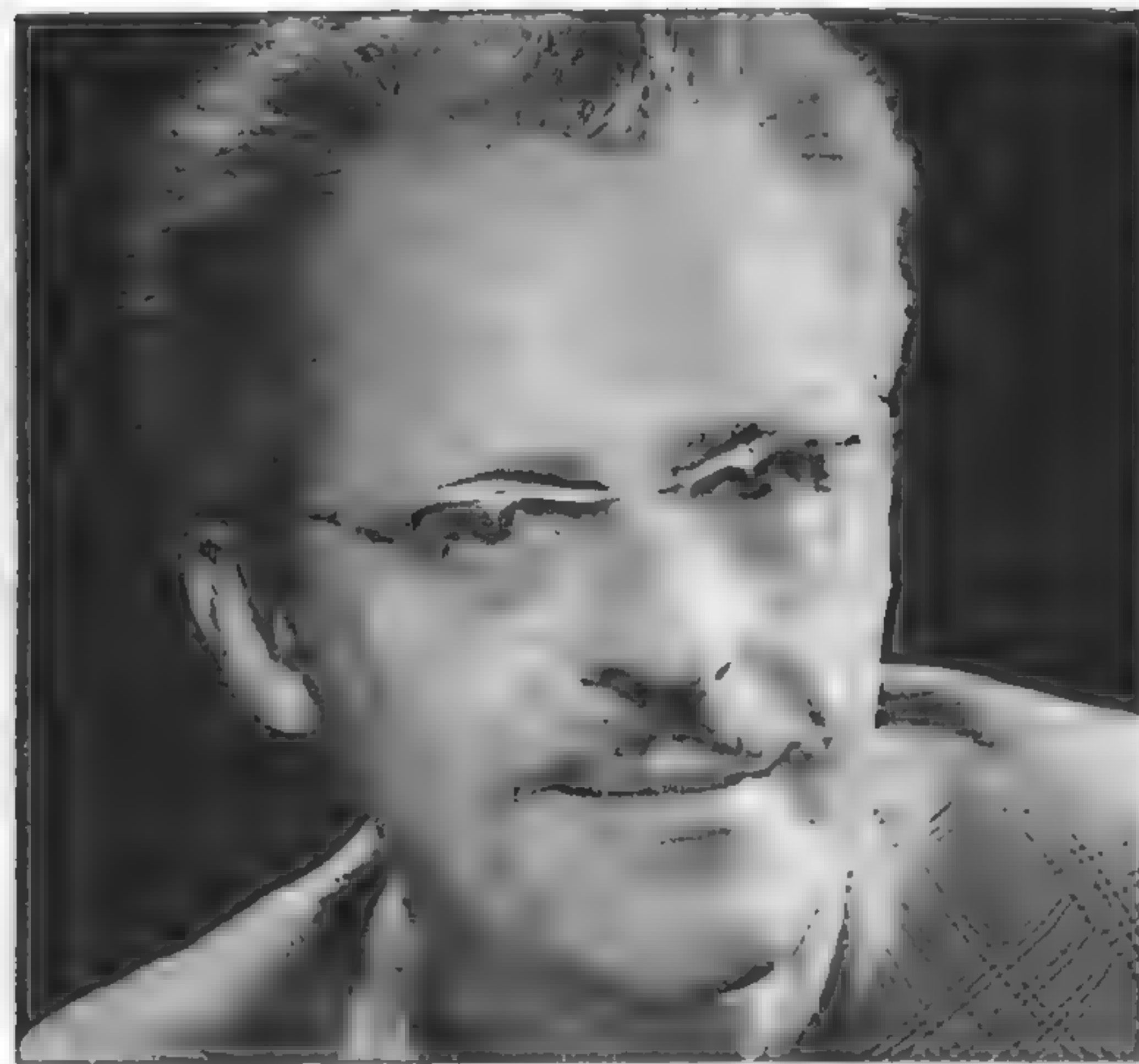
— После Нового года?

— Нет, до. Отчитаться им в нашей трезвости надо. Так что, с наступающим вас, как говорится...

Иван Степанович эти слухи игнорировал. Во-первых, он привык все приветствовать и исполнять, а во-вторых, к выпивке относился с полным равнодушием. Детей у него было трое, Лидии Петровне практически не пришлось работать, и необходимый стаж ей еле-еле наскребли с помощью реальных фронтовых дней и ночей, а потому даже дешевое вино было им всегда не то чтобы не по карману — в обрез, и на него было жалко тратить последние рубли. И Костыревы на это денег не тратили. По возможности, конечно, потому что все мы живем «по возможности» и навсегда приучены жить так.

А слухи катились, как утренний туман.

— По одной будут давать.

— Водки?
— По одной бутылке, понял? Водки, бормотухи, шампанского — чего тебе выйдет, но — по одной. Хоть сгори, хоть утопись — такое распоряжение к наступающему выйдет.

— Но почему? Почему? Самоуправство какое-то!
— Область обязательства по трезвости желает перевыполнить. Чтوب, значит, нос утереть всему Союзу.

Младшая дочь Татьяна, с которой жили старики, имела семилетнего сына, скромные алименты и профессию учительницы начальных классов. Жили, в общем, дружно, хотя Татьяна порой и выдавала от своей застоявшейся невезучести. Старики ее понимали, жалели, любили больше других, более счастливых детей, и потихоньку баловали внука. И все катилось, как и положено катиться, к известной станции назначения, до которой никто не знает, сколько ему еще осталось. Дни бежали, декабрь завалился на последнюю декаду, и в городе уже привычно слышалось:

— С наступающим!..

Уже открылись новогодние базары, уже Татьяна репетировала праздничный концерт со своими второклашками, и на балконе хранилась запасливо приобретенная Иваном Степановичем елка...

Проснувшись однажды ночью, Иван Степанович увидел, что его Лидочка смотрит в потолок грустно и отрешенно.

— Свадьба мне наша приснилась, Ванечка. И сорок лет в этом году. Большая дата, а? Это ж еще десять лет, и мы с тобой — золотые жених да невеста.

— Да, Лидочка, это точно.

— И не заметишь, как пролетят...

Иван Степанович только головой покачал, но Татьяна, которой мать слово в слово сон пересказала, решила:

— Да отметьте вы свое сорокалетие! Это же и вправду праздник ваш, может, и мои занятые брат с сестрицей пожалуют. Отметьте, осилим как-нибудь.

Честно говоря, Ивану Степановичу не хотелось затевать этого праздника. Он намеревался устроить своей Лидочке небольшой сюрприз, поскольку тайком приобрел подарок на сэкономленные деньги. И улыбка, которой отблагодарила бы его Лидия Петровна, была бы во сто крат дороже той шумихи и суеты, которая неминуемо возникнет от самой подготовки их юбилея. Запланированная радость всегда превращается в мероприятие: в этот закон Иван Степанович верил безусловно, поскольку прожил достаточно долгую и достаточно трудную жизнь в стране с неперменным планированием всех праздников, торжеств и юбилеев. Но в данном случае он ничего не сказал, да и не смог сказать, потому что очень уж Лидия Петровна обрадовалась возможному приезду остальных детей, которые редко баловали их посещениями.

— Ванечка, если бы как тогда сделать, а? Ведь, наверное, дети приедут, Юрочка и Маришка.

— Так ведь картошки вареной все равно нам с тобой уж никто не пришлет, — улыбнулся муж.

— Не пришлет, — согласилась Лидия Петровна. — А того шампанского можно достать? И кагору бы. «Араплы» он назывался, я все помню!

— Сделаем, — сказал Иван Степанович. — Для такого случая, Лидочка, ничего не жалко.

Он хорошо знал все законы и постановления и неукоснительно, с подчеркнутой старательностью соблюдал их во всех случаях жизни. Это был его собственный способ борьбы с повсеместно укоренившимся разгильдяйством, обманом и наглым ничего неделанием: Иван Степанович личным примером как бы укорял и стыдил всех тех, кто позволял себе не исполнять, нарушать и обманывать. И он чуточку гордился этим своим личным вкладом в общее дело.

Но просьба жены требовала если не нарушения, то официальных разрешений, чтобы это не выглядело нарушением. В стране велась целеустремленная борьба с пьянством, которую Иван Степанович одоб-

рял горячо и искренне, а Лидочке вдруг захотелось кагора с шампанским, как сорок лет назад. Конечно, никто не объявлял сухого закона, и все же Иван Степанович терзался, не нарушает ли он тем самым... Но ответ могли дать только в официальном учреждении, и он, взяв старое, пожелтевшее свидетельство о браке, пришел в загс.

— Видите ли, тут такое деликатное дело... Мы с супругой хотели бы отметить...

— Это сорок лет получается? — почему-то с невероятной безразличностью спросила молодая сотрудница. — Ишь, чего захотели. Положено пятьдесят, и ждите.

— Но... десять лет ждать, могу и не дожить, — вдруг заискивающе сказал Иван Степанович, но девица перебила:

— Вот если кто из вас помрет, то по свидетельству о смерти могу дать разрешение на десять бутылок водки.

— Не нужна нам водка. — Иван Степанович чувствовал собственную угодливо заискивающую интонацию, негодовал, но сменить ее не решался, так как все сейчас зависело от этой брюзгливой девицы. — Нам бы шампанского и кагору «Араплы». Так, для памяти...

— Араплы! — презрительно повторила девица. — У нас нет никакого кагора с шампанским, а есть алкогольные единицы. Доживете до своей золотой, и я вам лично десять единиц...

— Я понял, понял, хорошо! — вдруг суетливо и виновато заговорил Иван Степанович, взял свидетельство и вышел из загса с большой поспешностью.

Конечно, его неприятно кольнуло, что сотрудница так безтактно намекала на их невеселый возраст, делая это с особо настырной бесцеремонностью. И все же не это было самым обидным. Зависимость — вот, что оказалось нестерпимо оскорбительным. Глупейшая зависимость от скверного настроения, каприза, дурного характера, сиюминутной обиды тех, от которых зависело, дать ему право исполнить просьбу жены или — не желаю, и все! — не давать такого права. «Господи, ведь я же и тогда непьющим был, — с глубокой обидой думал Иван Степанович. — А теперь к алкашам приравняли. На пенсии, на старости лет...»

Да, никто больше не посылал последнюю свою картошку на чужой праздник. Никто...

А праздник все равно должен был состояться непременно таким, каким хотелось видеть его ей, его Лидочке — располневшей, усталой, одышливой. А хотелось ей, чтобы на праздничном столе в честь сорокалетней годовщины ее великой радости стояли две бутылки — бутылка шампанского и бутылка кагора «Араплы», которых ни она, ни ее Ванечка заведомо не тронут, поскольку это им давно уже запретили врачи. Но тронут их дети. По глоточку, как причастие. И непременно — все трое.

А идти было некуда. И жаловаться не на кого да и некому. Потоптался Иван Степанович возле загса, повздыхал, кое-как зализал ссадину в душе своей и решил сходить в последнюю инстанцию, которая еще занималась нуждами и правами фронтовиков.

— Ты что это, Костырев, постановления общего нашего собрания, которым мы на историческое решение откликнулись, позабыл? — с упреком спросил его председатель городского совета ветеранов. — Мы же единогласно решили, что негоже участникам Великой Отечественной войны без очереди получать водку. Не к лицу это нам, которые всегда, с ранней юности громко откликались. Да ты же помнишь это собрание!

— Помню, — удрученно согласился Иван Степанович. — Но тут такой случай. Сорокалетие свадьбы фронтовика с фронтовичкой. Может быть, в порядке исключения, а?

— Тем более! — воскликнул председатель. — Два фронтовика вдвойне повышают ответственность, какие тебе еще исключения? Это ж позор, если вдуматься, а не исключение. Форменный позор всем тем, кто кровь свою...

— Верно, верно ты говоришь, правильно, — торопливо забормотал Костырев, вставая. — Виноват, признаю свою ошибку. Счастливого оставаться...

Лидия Петровна и Иван Степанович числились «на заслуженном отдыхе», то есть с раннего утра стояли в разного рода очередях, таская в дом то, что удавалось выстоять, что, на их счастье, «выбросили» в продажу и что они успели ухватить. Их семье еще очень повезло, и все кругом завидовали им тайно или явно. А повезло потому, что они имели два удостоверения ветеранов Великой Отечественной войны на семью из четырех человек, и хоть отпускали по этим удостоверениям мало и далеко не все, что требовалось, они и эту малость получали в двойном размере, а значит, в глазах всего многоквартирного блочного дома, жили припеваючи, то есть так, как — в чем были уверены все жильцы — живут только в Москве. В той самой легендарной, ломающейся от продуктов Москве, из которой оканчивавшиеся там привозили сумки, набитые мороженым мясом, безвкусными сосисками и окислизыми колбасами в целлофановой упаковке.

— Ну, Москва живет! — вздыхали. — Постоять, конечно, приходится, но сами-то москвичи в очередях не стоят. Им, говорят, заказы на дом развозят. Ну все — что только душа пожелает — на дом!..

Костыревы в Москву не ездили и разговоров подобных не опровергали, хотя относились к ним неодобрительно. А Иван Степанович имел собственную теорию, которая как бы сглаживала уж чересчур бросающуюся в глаза несправедливость:

— В Москве иностранцев полно. Что они о нашей державе там у себя напишут, если в магазинах будет, как у нас? Клевету они напишут. И вот, чтобы не было у этих заграничных писак почвы для клеветы, мы и свозим в столицу все, что имеем.

А с винной эпопеей произошла какая-то странность. Поначалу практически все искренне и горячо приветствовали борьбу за трезвость и радовались, ощущая первые реальные результаты этой борьбы. А они были: перестали пить на производстве, в подворотнях, в обеденные перерывы, на улицах и просто так. Прекратилось пьяное бахвальство, в парках, кинотеатрах и даже на танцплощадках стало вполне пристойно, и матери перестали дрожать за дочек. Город трезвел на глазах, милиция энергично хватала любого, от кого хоть чуточку попахивало, а по вечерам молодые женщины уже отваживались гулять по главной улице до позднего вечера. Утихли вопли и драки, меньше стало матерщины, и городские власти с удовлетворением констатировали заметное снижение преступности. И это было правдой, и так держалось до сего дня, но некий червячок уже начал подтачивать трезвое благополучие города.

Беда заключалась в том, что резкое сокращение продажи вино-водочного веселья не могло не войти в конфликт с уже сложившимся стереотипом «хватай, пока дают». Бутылка, приобретенная с невероятной затратой времени, как бы аккумулировала в себе это время, повышая собственную стоимость, пока не стала вполне осмысленной валютой. Валютой, которую не только можно употребить, так сказать, по прямому назначению, но которой можно было заплатить за любую услугу, выгодно перепродать в часы, когда официальная продажа запрещалась; наконец, в валюту, которая никогда не теряла своей стоимости, а, наоборот, неуклонно росла в цене, скромно спрятавшись в темном уголке кухонного шкафа. И, поняв это, в очередь за «валютой» встали не только отпетые алкоголики, но и вполне трезво мыслящие жители. И очереди стали расти изо дня в день, а вместе с ними росла и цифра абсолютного потребления алкоголя городом. Росла вместо того, чтобы падать.

— Всю картину портим, — сокрушенно вздохнуло очень влиятельное лицо. — Подработайте этот вопрос.

Подработали. Отчет выправился, а по городу ползли свинцовые слухи:

- Магазины закроют...
- Время продажи сократят...
- По одной в руки...

Позже, когда во имя исправления отчета в торговую сеть города спустили распоряжения и указания, слухи стали более конкретными. Это не означает, что они перестали быть слухами, то есть гипертрофированным отображением реальности; нет, никто ничего никому не объяснял, ни в одном магазине не появилось ни одного объявления, и ни в одной газете — ни строчки информации. Для горожан привычно соблюдалась тайна, и жители города привычно компенсировали ее фантастическими домыслами.

- Вообще все закроют...

— Не надо, Ванечка, — почему-то виновато вздохнула Лидия Петровна. — Бог с ним, с праздничком нашим.

Не скажи она «с праздничком нашим», Иван Степанович согласился бы: против жизни, как говорится, не попрешь. Но его жена думала об их наступающем сорокалети как о празднике, и Костырев не мог допустить, чтобы этот праздник не состоялся. Слишком многое они пережили, слишком часто от многого отказывались, слишком мало сил осталось, слишком уж хотелось увидеть сына со старшей дочкой, чтобы рассудительно готовиться еще десять лет к точно такому же событию, но с иной, официально признанной датой, а потому уже переходящему из скромного семейного торжества в ранг юбилея, на который бумажками разрешалось купить аж десять бутылок.

— Надо! — строго и торжественно сказал муж, точно произнося клятву. — Будет и на нашей улице праздник, Лидочка.

- Так ведь очереди...

— Правильно отец сказал, мама, — вмешалась Татьяна. — Ну, постоит, может, как фронтовику...

— Как фронтовику не положено. Отказались мы от льгот в этом направлении.

— А вот назло! — непонятно, но горячо объявила дочь. — Обязательно даже, и все!

Продажа спиртного начиналась в два часа; это Иван Степанович знал из многочисленных объявлений в печати и по телевидению. Но поскольку сам он в этих очередях не стоял, то и понятия не имел, по сколько бутылок отпускают в одни руки. В этом вопросе он опирался только на слухи, а они авторитетно утверждали, что перед Новым годом есть распоряжение «ровнехонько одну на нос», а пессимисты поговаривали, что вполне возможна комбинация «одна на два носа». Как бы там ни было, а Иван Степанович здраво предполагал, что «одну на рыло» — распределение вполне реальное.

— Придется, Лидочка, выбирать: либо шампанское, либо кагор. Две сразу, так думаю, что не позволят.

— Гулять так гулять, Ванечка, — бесшабашно улыбнулась Лидия Петровна. — Вместе мы с тобой жизнь прожили, вместе и за вином постоим. Назло, как Татьяна говорит.

— Точно, мам! — крикнула дочь из комнаты. — Чем больше запретов, тем дети злее: этот закон мне еще в педучилище растолковали.

- Постоим, Ванечка?

— Постоим, Лидочка. — Иван Степанович озабоченно покивал. — Только ведь долго стоять придется, часа два, не меньше, говорят.

— Подменимся, если больше. Я постою — ты посидишь, а потом наоборот. И выйдем пораньше: день-то рабочий, а мы с тобой пенсионеры.

Вышли они к одиннадцати, за три часа до начала, но от магазина «Вино» уже висела длинная очередь, во многих местах обозначенная ящиками, перевернутыми ведрами и даже складными стульями.

— Люди это, люди, — сердитой скороговоркой пояснила сухонькая старушонка с колкими глазками. — Они все загода пришли, загода, знаю.

— За час все явятся, — сказал полный мужчина далеко не пенсионного возраста, занявший очередь за ними. — У нас закон железный: за час до открытия не появился, значит, не стоял.

А люди все подходили и подходили, и очередь росла на глазах. Хвост ее удлинялся, шевелясь и изгибаясь, и от этого непрерывного шевеления она казалась живой сама по себе, автономно, вне зависимости от людей, и глядя на нее, можно было бы, пожалуй, более реалистически, более точно и зримо понять выражение «зеленый змий», хотя змий был скорее скучно-серым. И еще он хрустел снегом, беспрестанно переступая сотнями ног.

- С наступающим!..

Стоявшие в очереди и включавшиеся в нее были людьми вежливыми, и предновогоднее приветствие царило над растущим змием. Хвост его уже завернул за угол, уже потерялся, пропал из поля зрения, но не мог пропасть из сознания, ибо каждый из стоявших в очереди ни на мгновение не переставал ощущать себя частичкой единого целого. У всех были равные возможности, единая цель и одинаковый способ ее достижения: по двадцатке в магазин. Двадцатку эту отсчитывали милиционеры, пропускали ее внутрь, к прилавку, а остальных задерживали,

пока продавщица не кричала: «Давай следующих!» Тогда отсчитывалась очередная двадцатка, очередь передвигалась на двадцать шагов и послушно замирала до следующего отсчета.

— Порядок, — подытожил полный, объяснявший Костыреву технологию приобретения спиртного. — Конечно, если у кого знакомство, тогда другой колленкор. Тогда без очереди пригласят: мол, Сидор Иванович, проходи.

— И никто не спорит? — скорее из вежливости, чем из любопытства, спросил Иван Степанович.

— Себе дорожке! Поспорь попробуй, а она тебя спекулянтом объявит. Мол, ты уже сегодня покупал. И ори — не ори — все равно милиция выведет. А то и привлечет. Сейчас те, кто на водке, — большая сила.

- С наступающим, граждане!

К ним подошли двое мужчин неуловимого возраста, неуловимой профессии, неуловимого семейного положения: их различали только рост и масть. Один был черен и высок, другой — тощ, блес и мелковат. Ко времени их появления очередь уже естественно разбилась на крохотные микробообщества из двух-трех особей, объединенных территориально, и эти двое шли сейчас вдоль очереди, перекатываясь от группы к группе.

— А, вот и знакомый! — радостно объявил чернявый, увидев полного. — Мы же за тобой занимали, точно?

— Точно, мужики, — без особого энтузиазма отозвался полный, стоявший за Костыревыми. — Чё слышать?

— А то слышать, что народ всегда правду режет, — сказал, шикарно сплюнув, чернявый. — На Первомайской — ку-ку водяра, у трамвайного кольца — тоже ку-ку, а на Водопьяновской — переучет.

- Мордуют, — вздохнул полный.

— Вот! — Чернявый опять сплюнул. — И потому здесь сегодня не змея тебе, а удав будет. — Он сурово оглядел стариков Костыревых и неожиданно мягко добавил: — Катитесь отсюда, старички, а особо ты, мамаша. Бока намнут, это я те точно говорю.

— Сорок лет нам, сынок, — почему-то с некоторым заискиванием сказала Лидия Петровна. — Отметить хочется, дети приедут.

- Ну, гляди, мамаша. Я ведь от души.

И пошли, перекатываясь к следующим группам и везде завязывая разговор, везде находя если не знакомых, то завсегдатаев очередей. А старуха с пронзительными глазками, что стояла впереди, пояснила злым шепотом:

— Нарочно пугают, нарочно. Чтоб, значит, на твое место впереться. А денег у них — куры не клюют. Потому-то и проспали.

— Не проспали, а ночь работали, — поправил ее полный. — Это таксисты, у них смена по двенадцать часов.

— Спекулянты они, а не таксисты. Спекулянты! Я их тут...

— И я тебя, — с угрюмой угрозой перебил мужчину. — Сколько мест в очереди заняла сегодня, старая карга? И за трояк каждое продаешь за час до открытия.

- Чего врешь, чего врешь-то...

— Ладно, не егози, пока я про твоё занятие людям не рассказал. А то ведь взащей вытолкают и очень даже правильно сделают.

— Вытолкают... — вдруг тихо согласилась старуха, и слезы градом посыпались из воспаленных острых глазок. — А пенсию ты мою знаешь? Знаешь? Можно на нее жить, коли у меня дочка — инвалид полный с самого детства, а муж помер давно.

— Это у тебя-то муж помер? Ты мне баки-то не заливай, старая.

— Ну нету мужа, нету. А дочка-то есть? Есть. И всю свою жизнь — инвалид. — Она громко всхлинула и обратилась непосредственно к Лидии Петровне. — Поверишь ли, милая моя, не накормишь, так и не поест. И в двадцать один годочек — все дитя дитя.

— А ты где ее заделывала, вспомни. При буфете на пристани за полбутылки с любым сезонником...

До сих пор старики Костыревы застенчиво помалкивали. Они не стояли в подобных очередях, не слышали обычных для этих очередей перебранок, не привыкли к крепким выражениям. Им было так неудобно, что они старались не глядеть не только по сторонам, но и друг на друга. Но последнего заявления не выдержала Лидия Петровна.

— Постыдились бы, — негромко сказала она. — Гражданочка в матери вам годится, а вы...

— В матери? — вдруг озлобился полный мужчина. — Нужна мне такая...

— Ну хватит, хватит, — миролюбиво и чуть заискивающе зачастил Иван Степанович. — Не надо ругаться, не надо ссориться. Свои же люди, советские, в одной очереди стоим.

Точно воспользовавшись переключением внимания, старуха, шепнув Лидии Петровне: «Я на минуточку...», выскользнула из очереди бесшумно и незаметно, как мышка. А полный мужчина, занятый раз-

говором с Костыревым, смущенно крикнул:

— Извиняюсь, конечно. Просто задела она меня. И так обид у нас накопилось — на три Франции хватит, а тут эта...

— Мы понимаем, понимаем, — согласно закивал Иван Степанович. — Очень уж стояние в очередях нервы выматывает. И обидно, конечно, вы правы. Мы фашисту голову скрутили, двадцать миллионов жизней не пощадили, а очереди — больше довоенных. Может, вредительство какое?.. — Он вдруг спохватился, что ляпнул нечто из прошлых формулировок, испугался, потоптался немного и сказал вдруг: — Может, пойдем отсюда, а, Лидочка? Ну их, бутылки эти.

— Нет уж, Ванечка, столько стояли, а теперь домой? Нет уж, достоем. Тут часика на два и осталось, неужто не выдержим? Мы ведь с тобой и не такое выдерживали...

А очередь тем временем жила своей жизнью, жизнью отдельных людей, добровольно выстроившихся друг за другом в стремлении к общей цели. Цель эта была равно достижима для каждого, и поэтому здесь не было ни особых ссор, ни сведения счетов, ни попыток поставить себя в положение исключительное. Нет, все добровольцы знали, на что они шли, а потому и запаслись достаточным терпением. И если очередь и гудела — так сдержанно, если вздыхала — то разом, а если топталась, то на месте, только чтобы размять ноги. Она была несравненно больше обычных очередей за мясом, колбасой, сыром или маслом, но в отличие от них — женских, истерично крикливых, недоверчивых, суевливых — обладала внутренним порядком, спокойной выдержкой и даже известным достоинством. И когда Иван Степанович осознал эту разницу, удивился:

— Знаешь, Лидочка, люди-то у нас больно хороши. В такой очереди, а стоят себе смирно, покойно. И никакие не алкаши мы: просто судьба на нас всю жизнь сбоку глядит.

— Точно, Ванечка, — вздохнула жена, — сбоку, это точно.

— Ведет! — сказал полный, стоявший за ними. — А я что говорил!

К ним приближались оскорбленная старуха и солидный мужчина в дубленке. Лицо у мужчины было хмуро-отрешенным и одновременно безразличным, точно он делал всей очереди невесть какое одолжение, становясь в нее.

— Это вместо меня, значит, — поспешно сказала старуха. — Сосед мой. А мне и вина вашего не надо. Не надо!..

И поспешно засеменила прочь, точно убегала от расспросов. А полный весело поинтересовался:

- Эй, сосед, сколько бабule за очередь отвалил?

— Вы ко мне? — Дубленка с достоинством, всем телом повернувшись для ответа. — А вам что за дело? Я же, кажется, у вас не спрашиваю?

— Чего, например? — грубовато отозвался мужчина. — Ты, дядя, тут не рыпайся, тут все равны, это тебе не в кабинете сидеть. Тут, чтоб ты знал, полная демократия с гласностью уже выполнены и перевыполнены.

- Но вы таким тоном спросили...

— Товарищи, пожалуйста, прошу, прошу, — зачастил миролюбивый Иван Степанович. — Знаете, как-то даже неудобно, честное слово. За таким, можно сказать, продуктом стоим, дружно стоим, чинно и мирно. Так ведь, а?

Засмущались его соседи. Переглянулись, дубленка полного сигаретой угостила. Усмехнулись почти по-приятельски.

— Я ведь только ценой за место поинтересовался. Мол, почем теперь?

— Три рубля, — вздохнула дубленка. — Думаете, я из-за этого трояка расстроился? Да наплевать, я из-за спекуляции расстроился. Сами же ее и порожаем, сами, добровольно! То, понимаете ли, дефицитом, то неритмичным снабжением, то вот такими, не очень продуманными мерами по борьбе с пьянством, накануне праздника.

— Тут они мастаки, — угрюмо согласился полный. — Что им очередь наша, им ведь в ней не стоять: в спецбуфете либо в спецзаказе наверняка бутылек-другой подсунут.

— Чего не знаю, о том не говорю, — строго определила свою позицию дубленка. — Но ведь всем известно, что существуют народные и государственные праздники, так зачем же усложнять населению жизнь? Надо усложнять, когда нет никаких праздников, когда в очереди, как правило, либо употребляющие регулярно, либо бездельники, либо спекулянты. Это был бы разумный государственный подход.

— Усложнять никогда не надо, — не согласился полный. — Упрощать надо, и так все заусложняли.

Он пытался порою вовлечь в общий разговор застенчиво помалкивающих стариков. То ли симпатичны они ему были, то ли жалел он их, то ли, наоборот, с трудом выносил их инородные в этой очереди смущенные лица. Как бы там ни было, а обращался он к ним с неизменным грубоватым добродушием.

— А ведь раньше, до войны, не пили, правду

я говорю, Ванечка? — сказала Лидия Петровна, даже в этой, лишенной сентиментальности очереди, не утратив привычного обращения к мужу. — Это ведь вы, молодые, не помните, а мы помним.

— Дешевая тогда была водка — ну, прямо копейки, — поддержал ее супруг. — Но чтоб так вот, как сейчас или, особо если, как пять-шесть годков назад, так, конечно, не употребляли. Не было этого в привычке.

— А потом сто граммов наркомовских ввели — и сразу привычка образовалась? — насмешливо спросил мужчина в дубленке. — Упрощаете вы социальную нашу болезнь, уважаемые товарищи фронтовики, упрощаете.

— У нас это не социальная болезнь, — негромко, но с колебимой уверенностью, сказал Иван Степанович. — У нас не может быть социальных болезней, потому что у нас бесклассовое общество. У нас распухнутость нравов из-за периода застоя.

— Опять в исключительность играем? — усмехнулась дубленка. — И не надоело? У них — все пороки, у нас — все добродетели. Удобно!

— Бред — ежу ясно, — поддержал его полный. — Лапшу на уши полвека людям вешают.

— Полвека полнейшей дезинформации и разухабистого вранья, — серьезно, даже строго сказал мужчина в дубленке. — Помните знаменитую рубрику «Их нравы»? А выяснилось, что это заодно и наши нравы: и взяточничество, и преступность, и наркомания, и проституция, и алкоголизм, и казнокрадство, и даже, представьте себе, мафий разного рода у нас оказалось предостаточно. Вот ведь какова объективная реальность, а вы и до сей поры, как страусы, головы в песок: ничего не вижу, ничего не слышу, ничего и знать не хочу.

— Нельзя же огульно охаивать наши достижения, — тихо, но крайне твердо сказал Иван Степанович. — Мы, между прочим, фашизм разгромили.

— Милиция!.. — вдруг прокатилось по очереди. — Милиция приехала! Становись в затылок друг другу! Становись в затылок!

— И никого не пускать! — закричало сразу несколько женских голосов. — Живая очередь! Живая!..

Очередь и впрямь как бы ожила: задвигалась, загомонилась, выстраиваясь строго в затылок друг другу, прижимаясь к стене дома, и от этого заметно отступая назад. Иван Степанович заботливо поставил перед собой Лидию Петровну. Она оказалась за дубленкой, а за спиной самого Костырева сопел и ворочался полный мужчина.

— Через полчаса пускать начнут. Первую двадцатку.

— А почему через полчаса? — удивился Костырев. — До открытия всего десять минут осталось. Ровно десять: сейчас тринадцать пятьдесят.

— Разобраться должны, — прогудел полный. — Кому где стоять, кого куда пускать.

— Разобраться? — живо откликнулась дубленка. — Разобрать, а не разобратся. Разобрать, кому сколько бутылок сегодня принести поручено.

— А вы злой, — вздохнула Лидия Петровна и виновато улыbnулась.

— Я не злой, я озлобленный. Прощать мне надоело, понимаете?

— И напрасно. Прощение — великая сила.

— Прощение — великое равнодушие. Вот когда все мы, весь народ, как в войну, научимся ничего никому не прощать, тогда и случится то, что называется перестройкой. А будем прощать, как прощали, так и останемся на том же месте. Догнивать.

— Хана, мужики! Хана! Еще раз вздрючили, гады!..

С этими непонятными криками вдоль очереди сменяли давешние знакомцы, которых полный мужчина назвал таксистами — черный и белесый. Вид у них был настолько взволнованным, что полный, не утерпев, схватил белесого за рукав:

— Здесь вы стоите, за мной. Чего орешь?

— А то, что водки в два раза меньше обычного, понял? Двадцать ящиков вместо полста!

— И вина тоже урезали, — возмущенно подтвердил чернявый. — Мы точно знаем, сами грузчиков спрашивали.

— Что хотят, то и делают. Ну, что хотят, то и делают!..

С этими патетическими возгласами оба таксиста стали энергично втискиваться в уже чинно выстроившуюся очередь.

— Вы тут не стояли!

— Стояли! Вон, у мужика спроси! Мужик, поддержи!

— Стояли они, стояли, — подтвердил полный, потому что они влезали как раз за его спиной, и он не хотел напрасных осложнений.

— Не видела я их! Не видела! — истерично кричала женщина сзади. — Не пускайте их! Не пускайте, граждане, что ж это делается!..

— Молчи, тетка. Мы в разведку ходили.

— Милиция! Милицию позовите!..

Участок очереди, где смирно стояли Костыревы, вдруг ожил, зашевелился, задвигался, качаясь

и выпучиваясь. Люди испуганно хватили друг друга за одежду, за плечи, за пояса, чтобы только удержаться в строю, чтобы случаем не вылететь из него.

— Милиция!..

— Не пускайте никого! Не пускайте!..

— Держитесь друг за друга! Плотнее, плотнее!..

— Никого не пускать! Никого! Живая очередь! Живая!..

Очередь оживала все энергичнее, хотя таксистам уже удалось в нее вклиниться, и они теперь тоже крепко держались за соседей. Начавшиеся в этом месте суета, толкотня и неразбериха, закончившись здесь, перекатывались теперь в обе стороны. Удав просыпался, и дрожь его тела ощущалась во всех звеньях от потревоженной яички к хвосту и к голове. И все цеплялись друг за друга, ворочаясь одновременно, слепо и бессмысленно, поскольку возмутители спокойствия уже стояли в общем строю. И чем дальше происходила подвижка от центра возмущения, тем все больше она теряла конкретный смысл, заменяясь интересами всеобщими.

— В два раза меньше, говорят!..

— Говорят! А в четыре не хотите?..

— Борьба за нашу трезвость. Лучше бы за свою поборолось.

— На скольких же сегодня хватит, а? Нам-то хоть достанется?

— Может и не достаться.

— Как это, то есть, может? Я четыре часа стою!..

— Эй, милиция! На сколько человек завезли?

— Продавца сюда! Давайте продавца, пусть объяснит!

— И пусть по одной бутылке в руки!..

— Это еще почему? А если у меня гости?..

— В порядке живой очереди!..

— Живой!..

В это время открылась одна из створок магазинных дверей: вторая была заделана наглухо да еще дополнительно укреплена, как только резкое ограничение продажи спиртного создало огромный наплыв жаждущих. Так было легче сдерживать напор очереди, легче бороться с попытками проникнуть в магазин сбоку, легче отсчитывать двадцатки счастливицев, которых допускали внутрь. Это была вполне разумная мера, рассчитанная на спокойную, «мертвую» очередь, но сегодня очередь оказалась «живой».

— Открыли!..

Никто потом не мог объяснить, почему вдруг при выходя к безмолвному послушанию, выстроенная строго в затылок друг другу толпа именно в этот миг безудержно и одновременно устремилась вперед. Половина двустворчатых дверей была уже распахнута настезь, напор толпы сдерживать никто не мог; двух милиционеров и продавщицу смели с порога, отбросили в тамбур, прижали к стене, и уже не очередь, а охваченная единым движением толпа повалила в магазин, в считанные секунды до отказа переполнив его. Затрещали прилавки, закричали женщины, зазвенели стекла.

— А-а-а-а!..

Рев возник сам собою, как выдох из множества зажатых, стиснутых, смятых грудных клеток. Звериный рев вместе с истошными, полными ужаса женскими криками, громогласной матерщиной, треском ломаемых перегородок. Ни о каких покупках, естественно, и речи идти не могло: распахивая окружающих, наиболее сильные прорывались за разгромленные прилавки, хватали из ящиков столько бутылок, сколько успевали, и начинали тут же яростно прорываться к единственному выходу — к служебным подсобкам, где были двери на улицу. Уже кто-то кого-то ударил, уже всю работу кулаками, плечами, ногами, уже никого и ничего не видели, кроме заветных бутылок, и уже никто никого не жалел и не щадил. Очередь превратилась в толпу.

— А-а-а!..

— Что ж вы делаете, что де-е!..

— Тише!.. Тише!..

— Люди!..

— Спаси-и!..

Гул треснуло и со звоном вылетело витринное стекло, кого-то бросали на него, кого-то прижимали к его осколкам: брызнула первая кровь, упали первые люди, но и по крови, и по людям неудержимо, с бессмысленной силой и яростью топали новые сменяющие ноги. Конечно, большинство шло не по своему желанию и вопреки своей воле, но у толпы свои законы, не подчиняться которым не может ни один самый отчаянный одиночка: его сомнут и раздавят. С толпой есть лишь один способ борьбы: не допустить ее возникновения. Но здесь она уже вышла из-под контроля.

В тесном магазинчике — местные власти сделали все, чтобы затруднить жителям приобретение спиртного, — был ад. Кричали, дрались, топтали упавших, рвали за одежду, за волосы, визжали от ужаса, матерились и били — били, били, прорываясь то ли к ящикам с водкой, то ли просто на волю. Но улица, слыша вопли и топот, не представляла себе истинного положения дела, а если бы и представляла, уже ничего не смогла бы сделать. Массовый психоз,

превращающий нормальных, спокойных, даже выдержанных людей в одичавших громил, не знающих ни жалости, ни милосердия, уже поразил ее. Все стремились только к одной цели: попасть в магазин, и даже те немногие, которые уже не хотели этого, поделаться ничем не могли. Они могли лишь подчиниться законам толпы, то есть идти туда, куда она вела...

— А-а-а-а!..

— Люди!.. Товарищи-и!..

— Лидочка!.. Лидочка, держись за дубленку товарища!.. Держись, Лидочка!..

Сам Иван Степанович за свою Лидочку держаться не мог, не решался. Он изо всех сил оберегал ее от толчков, и его мотало в толпе, как щепку. Старики все время пытались выбраться из очереди (бог с ним, с шампанским и кагором «Араппы»!), но чинная очередь давно сломалась, давно образовала несколько параллельных рядов, а задние все нажимали и нажимали, и приходилось старательно семенить, чтобы не упасть, не споткнуться, не позволить оторвать себя от стены, вдоль которой они когда-то выстраивались, потому что с этой стороны никто не давил, не жал, не дергал.

— Лидочка, держись!..

— Ванечка, обопрись на меня. Ванечка, обопрись!..

— Люди, опомнитесь! — кричала дубленка, покорила семена к входным дверям под напором сзади стоящих. — Что же вы делаете, люди?!

Торопливо сменяющая очередь — уже не в один, а в два-три ряда! — втягивалась в узкую дверь магазина, как в воронку. Вторая, наглухо заделанная створка, в которую беспрестанно ударялись то плечами, то грудью, то головами те, кого несло с перекосом, мимо открытой двери, вздрагивала под этими ударами, но пока стояла несокрушимо, заблаговременно укрепленная железными полосами. Здесь было самое узкое место, резкий перепад, за которым следовал относительно свободный тамбур и еще одни, двустворчатые двери, ведущие непосредственно в магазин. Эти двери, ничем не укрепленные, были сметены первым же людским потоком, разбиты и распахнуты настезь. Таким образом, сразу же за узким выходом движение на некотором промежутке ускорялось, чтобы затем тупо упереться в неразбериху, крики, стоны, слезы, матерщину, звон посуды и треск ломаемых переборок в крохотном торговом помещении с решетками на окнах.

— Держись, Лидочка!.. — отчаянно закричал Иван Степанович, но его испуганный вопль потонул в реве, матерщине и топоте толпы.

А закричал он в искреннем ужасе, потому что сильным нажимом пристроившейся «незаконной» очереди его оторвало от Лидии Петровны. Между ним и его женой вклинились широкие суконные спины, кто-то локтем двинул Костырева в лицо, но он не почувствовал боли. Он весь был впереди, он думал только о ней, о своей Лидочке, унесенной человеческим потоком, пытался увидеть хотя бы ее платок, но Лидия Петровна была маленького роста, и суконные спины напрочь перекрывали ее.

— Говорил, держись за старуху! — зло кричал над ухом полный, приклеившийся к Костыреву, как пластырь. — Скольких вперед пропустил, дерьмач старый! Сидел бы дома!..

— Лидочка!.. Лидочка!.. — не слушая, надрывно кричал старик, покорила семена к дверям в объятиях полного соседа.

— Осторожней!.. — кричал кто-то впереди. — Упали тут!..

Конец крика потонул в отчаянном женском вопле, полном боли и ужаса, и Костырев не то чтобы узнал — животный крик этот узнать было уже невозможно, — Костырев понял, кто это кричит, и его вмиг бросило в жар.

— Лидочка!.. Тише!.. Прошу, товарищи, милые, прошу... Жена там, впереди!..

А впереди в узком проеме дверей творилось нечто непонятное. Очередь вдруг заметалась, наворачиваясь, многие неожиданно начали подпрыгивать у самого порога, резко усилились крики, но, кроме мата да отдельных междометий, ничего нельзя было разобрать.

— Лидочка!

Костырева уже поднесло к двери, и тут он увидел ее. Свою жену, с которой прожил сорок лет без четырех дней, женщину, родившую ему троих детей. Боевого товарища, фронтовую радистку, раненную при минометном обстреле за неделю до конца войны!..

— Лидочка!..

Она лежала ничком на самом пороге, платок сбился с седой головы, и на этой седине особенно ярко проступила кровь. Видно, ударило Лидию Петровну виском о косяк, видно, уронила ее те, кто давил сзади!.. Он изо всех сил упирался руками в пол, но по его спине в страшном ритме били тяжелые ноги, и от каждого такого удара руки Костырева подламывались, он падал грудью на жену и каждый раз чувствовал, что его падение выжимает из нее последние остатки воздуха!..

И

ногда ловишь себя на том, что любишь его работами — самым наивным и потребительским образом. И до всякого раздумья, заложенного в основу художественной инженерии Ин-

фантэ, воспринимаешь всплеск тонов, синеву холодного неба и желтизну теплого песка вместе, сплетение форм и красок, на декоративную роскошь которых что-то просто душно ахает в твоей глубине.

Иногда, напротив, включаются сугубо умственные ассоциации, и ритм розовых шаров, тянущихся по зеленой траве к большой сверкающей вдали сфере, напоминает инопланетян, бегущих к «тарелке», и тогда чувствуешь себя всечеловеком космической эпохи, земшарцем технозры.

Иногда же — человеком до боли «местным», здешним: когда видишь грандиозную, в вязких берегах, лужу посреди дороги, и лужа эта кажется еще грандиознее и неодолимее оттого, что обронено в ее вязкость несколько ровных зеркальных «осколков», тогда начинаешь думать о наших немереных пространствах, о символической дороге, мучающей нас с гоголевских времен, и о том, что при всем своем инженерном космизме Франциско Инфантэ — бесспорно русский художник.

Ничто не может воспретить нам ход этих или тех ассоциаций; это нормально; это хорошо: предмет, созданный художником, должен оживать в нас всю нашу внутреннюю реальность, непредсказуемую и разноплановую, будь то эстетический вкус, интеллектуальная новаторская ассоциативность или традиционный социально-психологический настрой.

А все-таки суть и прелесть работ Инфантэ не в этом. Не в том, чтобы «с помощью» красок и форм вызвать в нашем сознании представление о чем-то другом, чем сами эти формы и краски: дизайнерский ли это эффект или публицистическая идея (экологическая, технократическая или какая-либо другая, сколь угодно актуальная). Природный ландшафт, оживляемый тончайшим вмешательством «артефакта», — не «средство для» чего бы то ни было, не «носитель» ценности, иной, чем он сам, — Франциско Инфантэ видит сверхзадачу именно в том, чтобы расколоть в самом этом кусочке реальности его красоту, его величие, его внутреннее совершенство.

Для художника чудо присутствия бездны и тверди, огня и льда, света и тьмы в одной реальности так поразительно, что кажется чистой фантастикой. Но это реальность. Она неисчерпаема в своей фантастичности. Если, конечно, искать эту тайну. Если осязать эту невозможность. Если сопирать разом и наглядно огненный шар солнца и стынущую темень веток.

Казалось бы, дожидаться заката! Подловить момент, когда солнечный диск коснется стынущей земли. Будет миллионный пейзаж: закат.

Для Инфантэ этот путь и неинтересен, и неприемлем. Неинтересен по соображениям вкуса: ему не нужен миллионный пейзаж. Неприемлем по существу: ему не нужен миллионный пейзаж. Его заботит не «закат», а суть вещей, порождающая закат. Он не хочет ловить в природе то, что само всплывает к нам в эмпирическую реальность из таинственных глубин. Его притягивает не явление, не феномен, не то, что «всплыло», «произошло», «случилось», а то,

«АРТЕФАКТЫ» ФРАНЦИСКО ИНФАНТЭ

что в глубине: капитальное состояние материи, ее онтология. Его поражает не то, что солнце в момент заката «коснулось» сосен, а то, что солнце и сосны сосуществуют в одной реальности вне зависимости от того, «коснулось» или «не коснулось».

Ну, так что же, перевести глаза с солнечного диска на замерзший куст и обратно? В принципе — так. Но Инфантэ слишком темпераментен для такого смиренного созерцания — он делает шаг вперед. Он ловит солнце в зеркало и помещает в гущу и тьму ветвей. Он переносит кусочек «той» материи в недра «этой» материи. Он совмещает стили — визуально, оптически, инженерно.

Техническая изысканность его отражающих конструкций: зеркальные пленки на легких каркасах, квадратные, круглые, треугольные зеркала, плоские или изогнутые, составляющие в центре его ландшафтов марсианские конструкции, — вся эта инженерия побуждает зрителя относить Инфантэ к технофильской линии нашего искусства. Критики, о нем писавшие, — В. Раппопорт, Ю. Сенокосов, Б. Гройс — склонны трактовать его как художника, у которого «вторая природа» равноправно соотносится с «первой», и вторгающийся в реальность технический разум, строй, порядок так или иначе уравновешен, уравнен с реальностью дотехнической, «дочеловеческой», девственной, неупорядоченной и как бы хаотической. Это взаимодействие может быть катастрофическим или «влюбленным» (Инфантэ ближе ко второму варианту), но технологические истоки его фантазии кажутся неоспоримыми.

В пользу такой точки зрения говорит, во-первых, «родословие» художника: своими предшественниками он называет Татлина, Родченко и Малевича.

Во-вторых, история исканий само-

го Инфантэ, ранние его работы: графика спиралей, вантовые конструкции, мобили с электроприводом, техно-эстетические «сферы» и «среды», составившие ему международную славу оформителя современных выставок. Прежде чем сосредоточиться на слайд-программах, в которых фотопленка стала фиксировать изогнутые зеркала, водруженные среди песка или кустов, Инфантэ хорошо поработал и как чистый дизайнер, и как чистый график. Его цикл «Проект упорядочения звездного неба», полный иронии и задора, как раз «на тему»: красота упорядоченной и строгой, технической системности пытается преобразить и вытеснить красоту непредсказуемо «хаотического», природного звездного неба.

И, наконец, в-третьих: разве само название «Артефакты» не говорит о том, что замысел художника зиждется именно на причастности его души искусственной природе, создаваемой техническим гением человека?

И все-таки — нет. Не в этом сверхзадача, не в этом последняя драма, не в этом пафос.

Конечно, вантовые конструкции Инфантэ не состоялись бы без «летатлина». Виртуозные зеркальные поверхности не реализовались бы без татлинской идеи «палитры материалов». Но вот и разница: Инфантэ в «Артефактах» не пересоздает, не переконструирует реальность. Не вытесняет одно другим.

Родченко видел сосны как заводские трубы, как новые вертикальные опоры перестраиваемого мира. Для Инфантэ сосны — чудо, которое «нельзя тронуть», и он, бережно выбинтовывая ветви зеркальной пленкой, высвечивая на глубинном узоре ветвей плоский мерцающий круг или ровную линию, делает это как раз затем, чтобы подчеркнуть, прочувствовать глубину объема, создаваемого ветвями дерева, хаотичными

и неожиданными и вместе с тем гениально правильными в своем собственном прихотливом естестве.

Для Малевича черный квадрат был идеальным построением, белое поле — идеальным «ничто». Инфантэ повторяет супрематистский орнамент Малевича... на снегу. Вы ощущаете фактуру снега, вы ощущаете фактуру квадрата, его «фанерность», его «окрашенность». Ничто — для Инфантэ нонсенс, он ищет в совершенно ином направлении: не отвлечь от реальности ее идеальные формы, а с помощью идеальных форм почувствовать саму реальность.

Для живописца краска — средство, чтобы изобразить что-то иное, чем краска. Для Инфантэ краска, если он ее применяет, есть именно краска, самостоятельная реальность, вещь, обладающая святостью. Инфантэ не изображает «одного» с помощью «другого», потому что нет вообще «одного» и «другого»; мир един; единство его противоречивых стихий и есть то самое чудо, без которого мир пуст и неинтересен.

Если Инфантэ вешает среди деревьев зеркальную спираль или строит пирамиду отражающих плоскостей, то это не «вторжение инженерного разума» и не «указание на присутствие в мире технического гения человека». Это выявление того, что заложено в самой реальности. Это взаимоотражение того, что есть в природе самих вещей. «Душа камня» — так, кажется, выражались в старину? Но почему «в старину» — и сейчас это пишет, например, Грант Матевосян, армянский прозаик, соприкасающийся XX век с ценностями времен Ноева ковчега... Инфантэ не вторгается в реальность со своим инженерным активизмом, тут совсем другое. Даже самое громоздкое из его конструктивных решений — построение снежной крепости и последующее разведение в ней костра — всего лишь игра, которая выявляет природу огня и снега. Нет вторжения в духовном составе Инфантэ, нет такого импульса. Тень на песке — вот и все вторжение! Зеркальце, положенное на песок. Зеркальце, повешенное на ветвях... Поймать стихии одна в другую — потому что в сущности они и так одна в другой: только увидеть это, выявить, зафиксировать, передать.

«Артефакты» начинаются с того, что художник кладет на землю пять или шесть раскрашенных картонных квадратов: градации желтого, правильное убывание тона, цветовая шкала. Зачем? Столкнуть правильное, регулярное понимание цвета с хаотическими красками земли и песка? Проявить превосходство осознанного цвета над неосознанным?

Нет! Инфантэ добавляет к «хаосу» природы элемент «осознания» с одной целью — выявить в самом этом мнимом «хаосе» его гениальную изначальную структурность. Он выкладывает на берегу моря ровную зеркальную дорожку, и берег моря, прихотливо неровный, получает меру и масштаб: выявляет в своей непредсказуемости строй и смысл.

При всей видимой агрессивности художественного сознания, которое преломляет ландшафты в перевернутых, выгнутых зеркалах, выстраивает вавилоны треугольников среди каменных осыпей и «передвигает» кусок бетонной набережной в синее небо, Франциско Инфантэ, по существу-то, благоговейно, бережно, пие-тистски влюбленно созерцает этот мир, боясь нарушить в нем веточку, песчинку или снежинку; он стоит перед ним в состоянии восторга, потому что видит в этом мире не слепую

Франциско
ИНФАНТЭ.
Род. 1943.

Из серии
«АРХЕОЛОГИЗМЫ».
1984.

Из серии
«ШЕСТВИЯ».
1978.

Из серии
«ИГРА ЖЕСТОВ».
1977.

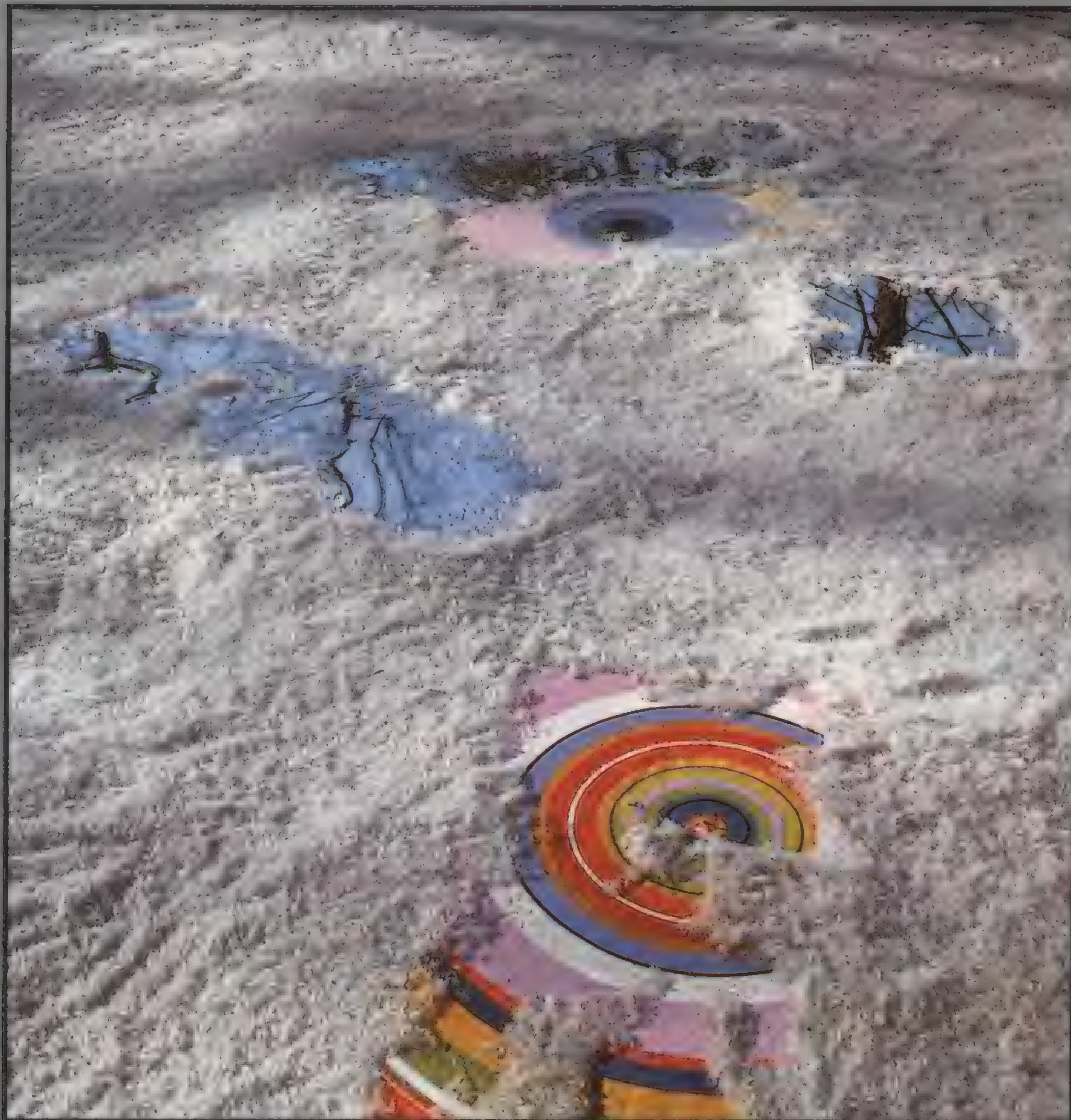
природу, не материал для эстетического, технического или ассоциативного пересоздания, а Великий Замысел, который бесценен сам по себе, в его неповторимости, данной нам изначально и единожды.

Странный этот контрапункт составляет неповторимость художественного почерка Инфантэ: активность, конструктивная изощренность «инвентора», хватка человека технологической эпохи, а за всем этим — благоговейное созерцание и тихая любовь.

Крайний Запад скрещен в его генах с российской «глубинкой»: знаменательная судьба. Отец Инфантэ, испанский революционер, в 30-е годы — член республиканского правительства, дважды стоявший под франкистскими расстрелами и дважды чудом (мгновенным падением до залпа) спасавшийся, — кончил свои дни в России, он умер в 1945 году, немного не дотянув до Победы. Но сына он успел увидеть: сын родился в саратовской глуши, в деревне Васильевка, от русской женщины. Сын унаследовал от отца испанское имя, испанский облик, может быть, испанский лихой романтизм. От матери он унаследовал душу — любовь к снегу, к траве, к тишине и простору.

Можно было бы многое рассказать о рабочих буднях художника Инфантэ: о том, как вместе с главной своей помощницей и единомышленницей Нонной Горюновой и в сопровождении двоих сыновей они едут электричкой за город, как осторожно несут каркасики, обтянутые зеркальной пленкой, как ищут в пейзаже единственную разрешающую точку и, отвечая на реплики местных жителей, долго выстраивают композицию зеркал, растягивая их на вантах, сцепляя в нужном повороте; как часами с фотокамерой в руках подстерегает Инфантэ нужный луч света; как пережидает порывы ветра, колеблющие постройку; как, наконец, все это на мгновение соединяется вместе: свет и покой, движение и равновесие, вечный строй природы и недолгий, отразивший его «артефакт» — пирамидка зеркал и контуров; в сотую долю секунды затвор фотоаппарата фиксирует результат: тысячную долю творческого акта, реализующего этот сюжет.

Франциско Инфантэ участвует в выставках с 1962 года. С того момента, когда он, оставив за плечами школу имени Сурикова и бывшее Строгановское училище, начал свой путь художника.

Франциско
ИНФАНТЭ.
Из серии
«ЖИЗНЬ
ТРЕУГОЛЬНИКА».
1977.

Из серии
«СЕКРЕТЫ».
1983.

десяток старых пухлых папок, на которых таким дорогим мне почерком написано одно и то же: «Борьба за Макаренко».

Слова, вызывавшие у меня когда-то ироническую улыбку. Мол, к чему борьба, когда имя Антона Семеновича Макаренко занесено во все педагогические талмуды... Просто я не понимала, что одно дело — цитаты начетчиков, и совсем другое — живая практика жизни.

И вот спустя десятки лет с волнением перебираю старые папки с документами, газетными вырезками, копиями докладов об опыте работы Сталинирской Трудовой Воспитательной колонии МВД Грузинской ССР. Среди них нахожу исповедальную Тетрадь любимого ученика Антона Семеновича — Семена Калабалина, в то время начальника учебно-воспитательной части Сталинирской ТВК. И еще пачку калабалинских писем. Первое письмо из Москвы в июле 1946 года начинается официальным обращением: «Уважаемая Екатерина Васильевна!»

Екатерина Васильевна — это моя мама, тбилисский педагог, а в те послевоенные годы — инспектор по трудколониам в республике.

В ЭТИ ДНИ ВСЕ МЫ ВСПОМИНАЕМ АНТОНА СЕМЕНОВИЧА МАКАРЕНКО, ВЕЛИКОГО ПЕДАГОГА, ПИСАТЕЛЯ, РОДИВШЕГОСЯ СТО ЛЕТ НАЗАД. ИМЯ И ДЕЛА ЕГО ЕЩЕ МНОГИМ ПАМЯТНЫ. ЕСТЬ КНИГИ. ОСТАВЛЕН ДРАГОЦЕННЫЙ ОПЫТ. И ЕСТЬ УЖЕ ОПЫТ ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ, ЕГО УЧЕНИКОВ, ОДИН ИЗ КОИХ, ПОЖАЛУЙ, НАИБОЛЕЕ ЯРКИЙ И БЛИЗКИЙ — СЕМЕН АФАНАСЬЕВИЧ КАЛАБАЛИН, КОТОРОГО, К СОЖАЛЕНИЮ, УЖЕ ТОЖЕ НЕТ НА СВЕТЕ. НО КАК ХОРОШО, КОГДА ВДРУГ БЛЕСНЕТ РАННЕЕ НЕВЕДОМЫЙ ЛУЧ, ИСХОДЯЩИЙ ОТ ЧЕЛОВЕКА, ОТ ДЕЛ ЕГО, И СЛЕГКА ОЗАРЯЕТ КАКОЙ-ТО ДАЛЕКИЙ УГОЛОК НАШЕЙ ЗЕМЛИ С ЕГО СЕГОДНЯШНИМИ ЗАБОТАМИ И ПРОБЛЕМАМИ! ИЗВЕСТНО ЛИ, НАПРИМЕР, ЧИТАТЕЛЮ, ЧТО СЕМЕН КАЛАБАЛИН В ДАЛЕКИЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ РАБОТАЛ С ДЕТВОРОЙ В НЕБОЛЬШОМ ГОРНОМ ЮГО-ОСЕТИНСКОМ ГОРОДКЕ ЦХИНВАЛИ И ОСТАВИЛ ТАМ СЛЕД ДО СИХ ДНЕЙ?

ПО
ПУТИ

МАКАРЕНКО

«...И все же мне хочется работать у вас, — пишет Калабалин, как бы продолжая ранее начавшийся разговор, — и прежде всего потому, что хочется трудиться там, где можно быть максимально полезным... В настоящее время я свободен, от испанцев меня убрали. Рискните, и ваш риск увенчается великолепными делами...»

Инспектор «рискует». Теперь я могу понять, почему это считалось риском: ведь Калабалин, внедренный во время войны органами Госбезопасности Украины по ту сторону фронта в гитлеровскую разведшколу, мог быть после войны не всем достаточно ясен. Вот и от испанских детей его «убрали»...

Вместе с женой, своим соратником Галиной Константиновной Калабалиной, в октябре 46-го всей семьей он переехал в Грузию, в центр Юго-Осетинской автономной области, городок Цхинвали (тогда он назывался Сталинири), где находилась ТВК. Первое приватное письмо из колонии он отправил 8 октября:

«Самый безнадежный нытик и фантазер не мог бы предположить той душевной пустоты, какой отличаются мои дети. Это стадо зоологических ничевоков, движимых желудочным мышлением, грызущихся, царапающихся, истеричных, кляузничавших, подлизывающихся и вообще все на «ся».

В то время я была далеко от родительского дома, а возвратившись в пятидесятых годах, не застала Калабалина в Грузии. Мама тоже покинула свой пост инспектора и вернулась в школу. Все ее страстные рассказы о Калабалине и его «пацанах», я, занятая собой, пропускала мимо ушей. А теперь вот не спросишь, осталось только наследство «Папки Борьбы». И в них — один из перлов — написанный рукой Семена Афанасьевича рассказ о том, как все начиналось в Сталинири.

«В первый день пребывания в коло-

нии я решил не делать с детьми официальной встречи. Ходил по колонии, заглядывал во все щели, изучал «боевую обстановку»... Я говорил с работниками колонии, а ребят как бы не замечал. Они тоже держались на приличном расстоянии от меня, делали вид, что не интересуются мною. Но не выдержали: разведчики стали кружить на близком расстоянии, их пути стали «невзначай» скрещиваться с моими зигзагами по двору. Наконец один из них метнул на ходу в меня вопросом:

— Вы будете у нас замначем?

— Тебе это лучше знать, буду или нет... (У пацана рот бубликом, а лицо скорчилось недоуменным вопросом.) Да-да, это решать будете вы. И если станете очень просить меня, то, может быть, я и останусь в этом хлеву. Но передай пославшим тебя, что замнач сердитый. Не люблю трусов, лентяев, воров, грязных и дураков.

Хлопец приснул, распустил свои лохмотья в многочисленные крылья и улетел в направлении спален. Торчащие из окон и дверей головы ребят скрылись. Я знал, что в эту минуту в спальнях, в которых я еще не был, разведчик докладывает о разговоре со мной...

«В этот день, — продолжает Калабалин, — мне хотелось сделать еще что-нибудь такое, чтобы дать ребятам пищу для разговоров. В новом строящемся доме я услышал какое-то завывание. Мне объяснили, что это вопит сидящий в карцере воспитанник М., водворенный туда за неоднократные побеги из колонии. В помещении изолятора передо мной предстал подросток лет 16. Лицо в крови, грудь исцарапана стеклами.

— Зарежусь! Все одно зарежусь! — вопил М.

— Ты чего тут истерику закатываешь?

— А что меня держат? Не хочу я жить в колонии!

— Так ты не хочешь жить здесь? А почему же ты в колонии?

— Забрали меня...

— Значит, пришли к тебе домой, ты сидел, читал книгу, а тебя забрали?

— Нет у меня дома. На базаре это было.

— Ты что же, работаешь на базаре?

— Я просто был на базаре...

— Значит, у тебя дома нет, и ты, такой большой и красивый парень, еще не работаешь, а паразитничаешь? Выгоните его вон! Иди, хороший мальчик, куда хочешь. Ты не имеешь права даже на эту яму. Недостойн. Марш!

— Куда идти — в спальню или из колонии?

— Куда хочешь, туда и иди, истеричка!

Я был уверен, что он пойдет в спальню и будет рассказывать, как новый замнач приказал ликвидировать карцер, а охраннику заняться более полезным трудом.

М. не ушел из колонии. Сначала не ушел потому, что ему был интересен странный начальник. Затем Семену Афанасьевичу пришлось изрядно поработать над его характером. И спустя полтора года М., как хорошего ученика и производственника, приняли в комсомол.

А Тетрадь зовет окунуться в следующий день пребывания.

«На второй день я пришел в спальню в шесть часов утра. Излишне описывать жуткое состояние спален, способное возмутить самого нетребовательного воспитателя. Я заглянул в лицо каждому спящему. Не было ни одного такого, кого можно было бы назвать дегенератом, идиотом, садистом. То были нормальные детские лица, но с тенями тревоги. А проснутся, и будет толпа, идеал которой «Хватай» и «Сопrotивляйся», девиз которой — «Каждый сам по себе, а прав тот, кто сильнее». Организация коллектива! Самая реше-

тельная и немедленная организация коллектива нужна им более, чем еда, чем все остальное!»

Велико искушение цитировать Тетрадь дальше и дальше. Приведу из нее еще фрагмент о первой встрече с пацанами:

«— Рыбы в море идут косяками — есть вожак. Самолеты летят в воздухе, есть ведущий. На 12 тысяч пчелиного семейства есть матка в улье. В семье есть отец, на заводе — директор. Везде, тем паче в людской среде, есть назначенные, или по опыту и разуму определившиеся, руководители. Первым вашим руководителем буду я. Но этого мало, мне нужны помощники. Есть среди вас командиры?

— А мы все командиры!..

— Хорошо. Тогда вы и командуйте, а я буду рядовым. Ведите меня, организуйте мою жизнь так, чтоб она мне нравилась. Но если она будет похожа на ту, которой вы живете сейчас, я взбунтуюсь.

Я говорил долго, вырывал куски из личной жизни, из жизни колоний имени Горького, имени Дзержинского. К столу подползали и подползали из дальних углов. Ужинали поздно, а после ужина снова потащили меня в спальню, опять говорили задушевно. Заявили мне, что будут делать все, но только без командиров, потому что командирам всегда блат в жратве и барахле.

— Это не командиры, — говорил я им, — а жулики. Командир, как я понимаю его, — это старший, вами же уполномоченный товарищ. Он не съест, пока не накормит всех. Он не наденет штанов, пока все его подчиненные не будут в штанах...»

К тому времени, когда писались эти строки — к маю 1948 года, — Калабалин имел уже двадцатилетний стаж воспитательной работы в трудных детских коллективах. Его Тетрадь с раздумьями — доказательство еще и несом-

ненного литературного дарования автора.

«Коллектив не самосоздается,— записывает он на последних страницах,— его строят, строят осторожно, с исключительным тактом и расчетом. А создав, вручают опытному капитану».

Сдается, своей не в одну ночь рожденной Тетрадью Калабалин подводил некоторые итоги строительной деятельности, хотя и проработал после этого здесь еще два года. Он был строителем. Именно это было ему интересно — создавать радостную гармонию из дурно пахнущей толпы.

Прошло с тех пор 40 лет. Давно уже нет в живых Семена Афанасьевича. А что же там, в Цхинвали?

А на том же месте, за тем же высоким каменным забором такие же востроглазые мальчишки. Только причина появления их здесь не издержки гражданской или Отечественной войны, а то, что называется сегодня «неблагополучная семья». Это малолетние бродяжки, извлеченные из подвалов и чердаков, мелкие воришки, угонщики, вымогатели, участники изнасилований и убийств.

Я нахожусь среди них, наблюдаю, разговариваю, всматриваюсь в лица и вспоминаю строки из калабалинской тетради: «...ни одного такого, кого можно было бы назвать дегенератом, идиотом, садистом». Я бы еще прибавила: хоть и не паиньки мальчишки, но все же живые смысленные человечки. Они ехали сюда ожесточенные, подавленные, наглые, испуганные, всякие. Вот что вычитала я в анонимных ответах на проведенную здесь анкету:

— Я боялся ехать. Говорили, что здесь стоят с автоматами и сильно бьют.

— Я думал, что здесь, как в тюрьме.

—...что здесь сажают в клетки и мучают.

—...что здесь колючая проволока с током.

И раз уж зашла речь об анкете, еще несколько детских ответов на вопрос: «Твои родители. Мнение о них».

— Не могу ответить на этот вопрос.

— Затрудняюсь ответить.

— Очень трудно моим родителям, но не из-за того, что я здесь, а вообще в жизни, как я заметил.

— Не могу ответить. Извините, но не могу.

К чему, спросите вы, эти бередающие душу вопросы? Но как не беречь, если долгие годы эти души пребывали в твердой скорлупе, не пропускающей укоров совести, приливов жалости, доброты и прочих чувствительных материй...

Я стремлюсь в калабалинский каби-

нет. У входа в старый спальный корпус комнатка, в которой он работал, говорил по душам, распекал, размышлял и писал. Сейчас из-за стола вскакивает плотный пацан по имени Важа. Сегодня он дублер замдиректора по воспитательной части. У него «взрослые» наручные часы и связки ключей, с помощью которых он показывает мне, что, где и как.

Разговорившись, узнаю, что Важа накануне послал заметку в молодежную газету о том, как, по его мнению, надо бороться с наркоманией: поручать не чистюлям, а тем, кто прошел огонь, воду и медные трубы. А ты, спрашиваю, прошел? Да, прошел, отвечает, и вот, шестнадцатилетний, сижу в 7-м классе. Но ничего, все равно поднажму и поступлю в медицинский... Важа — командир лучшего здесь отряда имени Калабалина.

На квадратном дворе в высокой стеклянкой будке сидит, сияя, другой мой знакомец — Паата, дублер наблюдающего за порядком. А так как порядок в связи с «залетной птицей» сам по себе держится идеальный, выказать свою власть Паате просто совершенно нечем. Все же он включает микрофон, и над двором раздается: «Жюков! Нэ ходы по территории без дэла!»

И вот старенькие-престаренькие производственные мастерские, по которым меня водят дублеры мастеров Валера и Андрей. У малышей глаза горят от сознания, что они уже могут делать плоскогубцы и молотки. А у старших в глазах тоска: «Разве это продукция? Макаренковские пацаны еще до войны делали фотоаппараты!»

Я и не сомневаюсь, что заместитель директора по производству Виктор Ильин откликнется на эту ситуацию однозначно. Скажет спасибо, мол, что удастся добыть материалы и на эти простейшие изделия. И то потому, что помогает предприятие, на котором раньше работал. А с Профобра вообще ничего не возьмешь!..

То, что раньше называлось сталинской трудколонией МВД, сейчас называется цхинвальским спецпрофтехучилищем № 1. В Грузии такое училище единственное. Лишь одно с таким вот, как бы нездешним выражением лица. До него ли Профобру республики и в смысле какого-то особого маттехснабжения и во всяких других специфических для этого заведения смыслах? Для Профобра училище — инородное тело, «гадкий утенок»...

Взять хотя бы руководящие кадры ПТУ. Так ли все благополучно с организаторами-педагогами? А ведь здесь-то требуется Калабалин и только Калабалин! Но где их, Калабалиных, взять?

Калабалин — это талант. Как и в любой области, их не так уж много. И все же...

К вечеру, когда все как-то стихло, пацаны отужинали, а в клубе крутили фильм, мы засиделись с тремя из вернушки училища. Директор Владимир Мелкоев при том, что деятелен и кипуч; не очень доверчив, как мне показалось, на мякине его не проведешь. И это хорошо. Педагог Натела Майсурадзе интеллигентна и рассудительна. Зураб Гогинов, зам. по воспитательной части, мягок и бесконечно предан училищу. Все трое молодые, выпускники Цхинвальского педагогического института. Все неравнодушные, переживающие за дело. С легкой руки Владимира размоталась нить разговора.

— Иногда мне кажется, что растим мы тут иждивенцев. Приезжают на все готовенькое, о пище не заботятся, спят на белоснежных простынях. В школе хочешь по-русски, хочешь по-грузински обучайся, даже для тебя одного будет приходиться педагог-предметник. Рабочий разряд даем. На экскурсии возим, в олимпиадах участвуем, на дискотеку цхинвальских школьников приглашаем.

— Но они же дети! Они жизни дома не видели!

— А потом не забудьте: изоляция. Трудная это штука — забор.

— Мы тоже уткнулись в свой забор. Конечно, многого добились, коллектив, считайте, у нас сколочен. Дни Дублера проходят отлично. Мы радуемся: молодцы! Но давайте заглянем и за забор. Сколько бывало случаев — провожаешь из училища «золотого парня», расставаться жаль. А проходит время — и вдруг узнаем: осужден за то или другое. Все усилия насмарку!

— О чем и говорю: иждивенцы на всем готовом у нас расслабятся и там, на свободе, тоже хотят жить на всем готовом. Или попадают снова в уродливую семью, а то и в лапы своих прежних «наставников»...

И тут все вспоминают о недавно полученном письме. Вот оно:

«Уважаемый Владимир Михайлович! Вы, наверно, меня уже не помните, я из 96-й слесарной группы. У меня к вам просьба. Мне до армии осталось пять месяцев, и, если можно, хочу вернуться к вам, обратно в ПТУ. В связи с семейными обстоятельствами».

Как ответил на письмо директор? Отказал. С болью в сердце, но отказал. Не имеет права держать тут никого более указанного в циркулярных бумагах срока. И даже если человек чуть-чуть нездоров, недоспел, недовыковался? Да. И даже если он кричит «SOS», как этот паренек из слесарной группы? Даже так. Как же это называется? Это

называется не ответить на стук в дверь, за которой непогода. Это называется притаиться у двери, задержав дыхание, и на цыпочках уйти в глубь сухого, теплого, уютного жилища.

— Я, конечно, написал письма по поводу этого парня по месту жительства в разные инстанции, но уверен, что это ерунда. Вряд ли сработает. Вот если б мне дали право в таких случаях принимать самостоятельные решения! И я мог бы здесь некоторых дотянуть до армии!..

— Не стержни выпускаем, не болты!.. — вторила директору его коллеги Зураб и Натела.

Мало осталось тех, кого можно порасспросить о прежних временах в детских трудколониях. Но по всему видно: самостоятельности и доверия руководителю в те времена было куда больше. Помните, как Антон Семенович нашел Калабалина? Он взял его под свою ответственность из тюрьмы. Всю банду, в которой участвовал Калабалин, ликвидировали, а мальчишку спас Указ ВЦИКа о создании комиссии по делам несовершеннолетних. И вырос из него человек сильной воли, делающий из «ничевоков» людей. Человек, который и здесь появился однажды и сказал:

— Я ненавистник расхлябанности, воровства, лени и глупости. Я буду сам работать как вол, но, надеюсь, не так тупо, как этот рогатый невольник. Буду говорить одну правду и ничего несбыточного не обещаю. Лишь только загрузить вас трудом, учебой и игрой.

Смотрю на своих собеседников и не хочу делать никаких аналогий с тем, чья Тетрадь привела меня сюда. Убеждена, что души их взволнованы, но рамки, в которые поставило их время, не дают делать неизмеримо больше того, что они делают сейчас.

Время рождает личности. В наши дни, если речь заходит об изломанных детских судьбах, о «пацанах», всплывает только два имени почти полувековой давности — Макаренко и Калабалин. Калабалин — ученик Макаренко. А где ученики Калабалина? Почему прервалась нить? Может быть, кто-нибудь откликнется?

Вопросы, вопросы... Миллионы вопросов... Почему спецПТУ в Профобре? В чем главное назначение такого рода заведений: выдавать со своего «конвейера» рабочую профессию или «выдавать» людей? Почему свобода руководителей спецПТУ, как благородный рыцарь в латы, закована в инструкции? Где общаться нынешним Калабалиным: спорить, искать, находить и не сдаваться? В Грузии одно такое ПТУ, а в стране их сотни, и они не знают друг друга.

Огонь-на себя!

Начало ст. на центральной вкладке

лестниц и коленчатых подъемников высотой более тридцати метров. За рубежом, кстати, подъемники поднимают бойцов за шестьдесят метров. Здания становятся все выше, а мы, к сожалению, от них отстаем. Вот и представьте, каково спасать людей на высоте, куда не дотягиваются лестницы.

Пожарные берут огонь на себя. Нет нужды вновь рассказывать о самоотверженной работе бойцов. Но, вступая в борьбу с пламенем, они еще нередко подвергают свою жизнь опасности в большей степени, чем это необходимо. Дело в том, что личный состав не обеспечен надежными средствами защиты — удобной боевой одеждой и даже касками. На этих снимках все в порядке. Но так, увы, обстоит не везде. Из-за несовершенства экипировки пожарным подчас приходится расплачиваться самой дорогой ценой...

Не удается решить проблему защиты дыхания бойцов — проще говоря, обеспечить личный состав кисло-

родными изолирующими противогазами. Мало того, что ими снабжена всего только треть бойцов, Министерство авиационной промышленности решило сократить вдвое выпуск этой продукции. Или, скажем, потребность в пожарных рукавах. Она удовлетворяется лишь на 46 процентов, в огнетушащих порошках — на 40.

Ущерб от пожаров мог бы стать намного меньше, особенно если была бы возможность подавлять их в очаге. Но стране остро не хватает огнетушителей. В прошлом году их изготовили шесть миллионов, а потребность превышает пятнадцать миллионов штук. И это далеко не все наши беды.

— Не оказался ли недавний пожар в библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде следствием сложившейся практики?

— Отчасти. Огонь был обнаружен с опозданием из-за отсутствия пожарной сигнализации. И это в здании, где хранятся уникальные про-

изведения! Можно высчитать материальный ущерб в деньгах. Но он не соизмерим с потерями для нашей культуры. Защита таких учреждений должна быть наиболее совершенной. И ведь есть другой пример, когда пожарная автоматика вовремя сработала и подняла тревогу. Это произошло в тронном зале Екатерининского дворца под Ленинградом. Беда была предотвращена.

Как часто еще сигнализация не внедряется по «экономическим» соображениям! Конечно, хозрасчет и самофинансирование заставляют администрацию беречь каждый рубль. Но практика беспристрастна: если произошел пожар, то расходы на восстановление производства оказываются весьма ощутимыми для всего коллектива.

— И это в равной степени относится и к объектам культуры?

— На них обстановка не менее тревожна. Только в прошлом году зарегистрировано более пятидесяти пожаров с прямым ущербом почти в три

миллиона рублей. Погибли двадцать два человека, четырнадцать из них были в нетрезвом состоянии, уничтожено 155 зданий. Причины разные — неосторожность при сварочных работах и использовании электробытовыми приборами, детская шалость с огнем и другие. Для предотвращения большинства из них нужно было немного — организованность, дисциплина, ответственность.

Конечно, не только в этих вопросах заключается существо проблемы пожаров, острота которой в целом не снижается. Она стала общегосударственной, а последствия пожаров приобрели большое социально-экономическое значение. И сегодня, в условиях развернувшейся перестройки, гласности и демократизации всех сторон нашей жизни, в ее решении должны быть заинтересованы государственные и хозяйственные органы, общественные организации — каждый из нас.

Нельзя без содрогания и
отвращения читать
этой ужасной повести!
В ней так много
безразличного,
так много ужасающей
нищеты!..

И нет ни одной отрадной
мысли!..

Жаль, что Муза
г. Некрасова
одна из самых мрачных
и что он все видит
в черном цвете...

как будто уже нет
более светлой стороны?
Из рапорта чиновника
особых поручений

Е. Волкова
министру
народного просвещения
А. С. Норову
14.XI. 1856 г.

ВОТ ПРИЕДЕТ БАРИН

Татьяна ИВАНОВА

Раскрыла я журналы на тех страницах, о которых непременно надо было бы вам, товарищи читатели, рассказать, и подумала: «Ты, Марфа, печешься о многом... Разве тебе неизвестно, что нельзя объ-
ять необъятное? Скажи только то, о чем молчать не можешь».

Ладно, хорошо. Тогда я начну с проекта Закона о кооперации. Сказать, почему? Потому, что в нем я увидела некую гарантию того, что нам с вами и впредь будет что читать. Гарантию того, что гласность пришла к нам не на время, и шутка, которую я повсюду не без печального сочувствия слышу: «Что мы будем делать, когда все это кончится?.. Перечитывать старые журналы», — эта шутка, пожалуй, отменяется.

Вот я и восприняла Закон о кооперации как повод для социального оптимизма, убедившись, что вырабатываются серьезные гарантии против повторения прошлых ошибок. Гласность должна быть защищена экономически, по моему, это ясно всем.

Тогда и шутки у нас изменятся.

Как и многие, мысленно я сейчас часто возвращаюсь в хрущевское десятилетие, сопоставляю нынешние и прошлые дни, прежние и нынешние реформы. Прочли ли вы в «Литературной газете» от 24 февраля очерк Федора Бурлацкого «Хрущев»? На мой взгляд, этот очерк — событие. Если вы были в сознательном возрасте в то время и были охвачены вдохновением, радостными надеждами, а в последующие десятилетия вспоминали прежнего себя с некоторой будто досадой, тянуло вспоминать, но отчего-то было и неловко... Да и как было при воспоминаниях не испытывать смущения, если почти все отдали, почти все рухнуло, а торжествующие сторонники сильной руки, порядка и стабильности со всех сторон, со всех портретов насмешливо и осуждающе смотрели на сторонников последовательного продвижения по пути XX съезда, а «само слово «реформа», как и упоминание XX съезда, — пишет Ф. Бурлацкий, — стало опасным и стоило многим сторонникам этого курса политической карьеры».

Так вот, если вы были среди сторонников, найдете в очерке оправдание своим прежним надеждам, своему тогдашнему вдохновению, узнаете о том времени многое, чего не знали, любя его, поймете причины многих крушений. Если для вас те годы только история, тоже прочтите — будущим учебникам без этого десятилетия не обойтись. Хотя навряд ли их составители включат в учебники очерк «Хрущев» как главу. А если бы включили, полагаю,

продемонстрировали бы новое мышление...

Ну, а если вы были среди тех, кто в 1964 году торжествовал, а на приверженцев XX съезда смотрел как на «нашкодивших», идейно нестойких и вообще не вполне «наших», очерк, конечно, вызовет у вас раздражение. На недавнем писательском пленуме, о котором мы еще не раз с вами вспомним, об этом очерке, занимающем сейчас миллионы умов, было сказано, по моему, всего однажды и в крайне недоброжелательном тоне. «В статье «Литературной газеты» о Хрущеве вскользь было сказано с сожалением, что Хрущев сам был причастен к репрессиям на Украине и в Москве...»

Юрий Прокушев почему-то хочет, чтобы об этом было сказано подробно и без сожаления. В то же время он очень озабочен тем, что у нас под флагом демократии намечается «перебор «антигероя», он считает, «что не должно быть этого перебора, этого желания видеть всю нашу историю в одном черном свете».

Но откуда у литературоведа, спросим себя, такое ощущение опасности? Кто из пишущих и печатающихся видит всю нашу историю в черном свете? Какие антигерои заполнили печатные страницы? Может быть, Федор Дежкин? Саша Панкратов? Кузьменыши? Может, у Василия Гроссмана в романе сплошь антигерои? У Пастернака? Или интеллигент из повести Н. Шмелева «Пашков дом» кажется литературоведу антигероем? Может быть, нашу действительность видят в одном черном свете Булгаков с Платоновым? Твардовский с Ахматовой? Наши замечательные публицисты Ю. Черныченко, А. Стреляный, Г. Лисичкин? Может, критики Ю. Буртин и Ю. Карякин, чьи статьи люди от руки переписывают? Или Ю. Прокушев читает какие-то произведения сплошь в черном свете и с антигероями, которых мы и в руках не держали, какие-то проходящие мимо нашего внимания повести и романы? Интересно, где берет...

«Мы иногда говорим: тяжело, тяжело было в прошлом. А что было бы, если бы не было кузнецкого комбината, Магнитки? — спрашивал с трибуны литературовед. — Мы бы все оказались в фашистском рабстве, в Майданеке: и узбеки, и евреи, и русские. Так что не должно быть... этого желания видеть всю нашу историю в одном черном свете».

Обманывать можно только маленьких, больших — трудно. Из этого пассажа о Хрущеве, из этого абзаца о Майданеке следует только одно: Сталин, сталинизм, сталинцы преследовали высшие цели, значит, средства оправданы, и нечего очернять, иначе под угрозой идеалы.

Что может быть упоительнее логики некоторых литературоведов! По ней критика репрессий мгновенно подкашивает идеалы. Но если следовать за ней, для укрепления идеалов нужно перейти к репрессиям, не так ли? Глаголемые литературоведы, видимо, не задаются вопросом, нужны ли нам идеалы, которые держатся на репрессиях. Репрессии во имя идеалов, репрессии во имя высших целей, репрессии во имя социализма... Дико слышать такое, и имя этому одно — дичь. Но и слышать — приходится, и читать — приходится.

И, наконец, самое главное: нет, Великая Отечественная война не могла быть проиграна — никогда. И «мы все» никогда не могли «оказаться в Майданеке». Потому что война была Отечественной, народной, священная. Не благодаря Сталину, сталинизму и сталинистам она стала (и неизбежно должна была стать) победной для нас, а вопреки им.

В октябре 1941 года, слыша страшные известия, видя панику в Москве, почти ощущая дыхание страшного врага под ее стенами (несмотря на Кузбасс и Магнитку), В. Вернадский записал в дневнике, что вот именно сейчас ему особенно ясно, что фашизм обречен, что победа будет за нами. Такова была его вера в свой великий народ.

А теперь, в марте 1988 года, литературовед, могущий располагать огромным запасом информации, обязанный знать, что Магнитку осваивать можно было, не загоняя тысячи невинных людей по тюрьмам, что к началу войны нас было бы больше, мы были бы сильнее, если бы не преступления Сталина, — литературовед заявляет нам, что «мы все могли оказаться в Майданеке». Да не могли, не страшайте задним числом. Мы поверим своему собственному патристическому чувству, своим философам и своим поэтам. А не этим страстям, имеющим одну цель: ограждать генералиссимуса.

О причастности Хрущева к репрессиям сказано кратко потому, что не это было определяющим для его деятельности. О вине Сталина в репрессиях сказано немало, но еще далеко не все, а должно быть сказано все, потому что это было многолетнее, величайшее преступление перед народом, перед страной и перед миром. Многолетняя преступная деятельность, естественно, становится определяющей для личности. Иные действия такой личности отходят на задний план, а с течением времени и вовсе перестают браться в расчет при оценке исторического периода, переставая интересовать потомков.

В истории Сталин останется «чер-

ным героем», как бы это ни раздражало его почитателей. Но, осознавая это, говоря об этом, никто — слышите ли? — никто не очерняет историю своего народа, никто не очерняет свой народ. Очерняют же народ и его историю как раз те, кто народные подвиги приписывает «отцу родному», «хозяину», те, кто унижает народ подозрением, что без сильной руки он глуп и про- падает.

...Все-таки как хотите, а некоторые литераторы странно читают и странно воспринимают прочитанное. В прошлом обзоре я писала, как несправедливо оценила, например, роман «Белые одежды» критик А. Марченко. В «Огонек» пришло письмо от руководителей журнала «Литературное обозрение», где статья была опубликована. Дело в том, пишут они, что это была обзорная статья, о «Белых одеждах» — совсем малая часть. Прошу прощения у А. Марченко и журнала за то, что назвала обзор статьей. Это, конечно, ошибка. Не в оправдание себе, а в объяснение скажу все-таки следующее. Впечатление у меня такое, что жесткий отрывок о «Белых одеждах» — самое существенное, что было в том обзоре, может быть, весь обзор только ради него и писался. Скажите мне, вправе ли критик, реагирующий на обзор, говорить только о том, что кажется ему самым существенным? Думаю, что вправе.

В том письме руководители журнала профессиональных критиков считают нужным довести до сведения читателей «Огонька», что в упомянутой обзорной статье содержится критика и в мой, Татьяны Ивановой, адрес. Они торжественно намекают, что, если бы не это, я, конечно, никогда не стала бы заступаться за роман В. Дудинцева...

Руководители журнала критиков напрасно не верят, что критик может спорить с другим критиком не только из мести. Если им другие мотивы несогласия неизвестны или непонятны, я что-то не очень хорошо представляю себе, что же они вообще думают о собратях по цеху?

В самом деле, в том обзоре о моей статье «Откуда берется серая литература» сказано весьма презрительно. Но я отношусь к этому спокойно: сама пишу много, резко, а обо мне что же, слова не скажи?

Предложение же принять за этическую норму, что спорить с человеком, который тебя критиковал, нельзя, кажется мне просто абсурдным. Если мы, конечно, не примем за аксиому, что критиком движут не интересы литературы, а иные интересы.

Отклики, ответы, отповеди, протесты, несогласия, споры — все это норма. Нормальный ход.

А вот доносы... Их еще называют «сигналы в инстанции»...

Спасибо руководителям «Литературного обозрения»: они свое несогласие высказали в письме в редакцию. Спасибо и Сергею Боровикову: он оспаривал мнение обозревателя «Огонька» (не оспаривая, кстати, самой его сути — утверждения, что в большинстве журналов и не пахнет перестройкой) в своем собственном журнале и в «Литературной газете». Кстати, статью его в «Волге» №2 от души рекомендую прочесть (хотя он там меня и критикует): часто ли вы читали искренние, умные исповеди главных редакторов, часто ли они делились с вами своими проблемами — большими, бесчисленными, требующими неотложного решения и неразрешимыми.

Это не только потому, что главный редактор молод и горяч. Это — время. Живя в нем, мы иногда перестаем замечать, как быстро оно меняется, многое воспринимаем как должное, как само собой разумеющееся. А представьте себе степень нашей свободы, скажем, три года назад, уровень критики в самом начале позапрошлого года.

Кажется, за два года с небольшим мы весьма преуспели в уважении к достоинству личности: не «дежурные», а настоящие читательские письма — с разными мнениями по разнообразным поводам — самое интересное, как оказалось, во многих печатных органах. Стали слушать людей — и убедились, что людям есть что сказать. Да как свободно, как умно и резко они говорят! И нас призывают к тому же. Множество писем, приходящих в «Огонек» на мое имя, требует, чтобы, критикуя, я была прямее, откровеннее, чтобы называла, называла имена, ничем не смущаясь...

И вот уже на последних страницах февральского номера «Дон» считает нужным объяснить с читателями: собираемся, мол, публиковать такой-то роман, о котором раньше не сообщали, не возражаете ли, товарищи подписчики; опубликовали все до одного письма, в которых авторы высказывали недовольство, неприятие романа «Мужики и бабы». Ничего не таим.

И февральский номер «Даугавы» объясняется с читателем: так, мол, и так, направление журнала меняем, перестраиваемся. Обещали вам печатать фантастику, а теперь думаем, что «серьезно и честно заглянуть в недавнее прошлое и настоящее не менее важно, чем в далекое будущее». Если кого-то наши намерения не устраивают, он может прекратить подписку с любого месяца и деньги получить обратно.

Только так мы и должны научиться говорить друг с другом: прямо, откровенно и уважительно. Учимся. Нелегко, конечно, с непривычки.

Представьте себе, товарищи читатели, что многие инженеры человеческих душ сейчас пишут вовсе не романы и не стихи. Они сейчас пишут «в инстанции». Работают литераторы в пределах классического жанра: жестко формулируют политические обвинения, прогнозируют тяжкие для общества последствия действий того своего собрата по перу, того коллеги, того сотоварища по общему делу и даже товарища по партии, на которого доносят. Сообщают особо эффектные факты из его биографии, под донос собирают побольше подписей. Потому что называют это между собой не донос, а «сигнал в инстанции». Ну, чтобы инстанции объяснили, наконец, что является, а кто не является лучшим, талантливейшим поэтом нашей эпохи, кто гений, а кто не гений, кто известный, кто видный, а кто выдающийся. А то полная неразбериха и путаница. Народ введен в заблуждение. (Авторы «сигналов» уверены, что народ — это неразумное дитя, которому все нужно жевать и в рот класть и, упаси бог, не ставить его перед необходимостью вырабатывать собственную точку зрения. Пафос любого «сигнала» — забота о неразумном народе.)

На том пленуме, о котором я уже упоминала, как вы знаете из газет, речь шла и о проекте нового устава Союза писателей. Я бы первым пунктом записала: «Писателю писать книги. Доносов не писать под страхом огласки».

Я абсолютно уверена, что читатели снесут в макулатуру книги писателя, который строчит доносы. Или «сигналы», как хотите называть. Потому что читатели с розового детства знают: ябедничать нехорошо, их мамы познакомили с этой доктриной на самых ранних этапах становления; товарищи по младшей группе детского сада окончательно вколотили ее в сознание. А потом они и в разных книжках прочли, что ничего нет подлее...

Да и другая ведь есть сторона: у «инстанции» дел-то немало. Ну, например, сохранение мира, государственная безопасность... Заботы все не безразличные для литераторов разных направлений, правда? Так что же, их, «инстанции», дергать-то? И сколько же можно страдать и их, и друг друга?..

На том же пленуме Юрий Бондарев спрашивал с трибуны: «Хотим ли мы, чтобы были разрушены храмы Пушкина, Толстого, Достоевского, Шолохова, Тараса Шевченко, Янки Купалы, Шота Руставели, Ованеса Туманяна, Яна Райниса, Саломеи Нерис, Садриддина Айни, — разрушены — и на месте их были бы построены словесные тюрьмы из лжи и пластмассы чувств бесталанных гениев». Писатели из разных республик, собравшиеся, чтобы обсудить состояние национальных отношений в стране и роль литературы в совершенствовании этих отношений, люди в основном весьма и весьма пожилые, повидавшие на своем веку, как говорится, всякое, в том числе и тюрьмы, видимо, пытались расшифровать ошеломительные метафоры. Естественно желание понять, кого же и за что автор крестит разрушителями храмов и строителями тюрем. Словесные, они, конечно, не так страшны, как настоящие, наверно (если попытаться вообразить невообразимое), не так страшны, но все же, согласитесь... Неужели кто-нибудь строит? Да, продолжал оратор, «эта опасность существует как предупреждение — ведь групповая борьба постепенно перерастает в идеологическую, в сферу открытой политики».

Не знаю, что тут сказать... Не пропуская ни одного номера, читаю чуть не все литературно-художественные журналы, выходящие в нашей стране на русском языке. Нигде не встречала ни разрушителей храмов, ни строителей тюрем. Халтуру, бесталанность, глупость, непрофессионализм, злобную агрессивность — это да, это вижу довольно часто. К величайшему сожалению, многие поражены еще застоём, старым мышлением, в основном и не приступали к перестройке. Об этом, кстати, говорилось на пленуме — и в основном докладе, и в ряде выступлений. Потому что это видно на любой трезвый взгляд.

Но рушащиеся храмы и строящиеся тюрьмы...

Все-таки особенное восприятие прочитанного существует, что ни говори.

Недавно в «Литературной России» опубликована заметка о рассказе Л. Петрушевской «Свой круг», опубликованном в «Новом мире». Вы читали рассказ? Он о том, как мать хочет уберечь маленького сына от полного сиротства, от детского дома (она знает, что сама скоро умрет). У этой женщины безнравственные друзья, ее бывший муж безжалостен — но ни другого мужа, ни иного круга уже не будет. И она идет на жестокий по отношению к сыну поступок в призрачной, скорее всего несбыточной надежде, что, повзрослев, он поймет ее и простит — чтобы все-таки пробудить в отце жалость и сострадание к сыну, чтобы он взял его, захотел защищать, беречь, сберечь...

Критик «Литературной России», видимо, совсем молод. Клеймит несчастную мать, клеймит ее безнравственный круг, а заодно и писательницу, которая,

похоже, забыла, что человек — это звучит гордо... Но неужели обязательно нужно быть больной, брошенной мужем, чувствующей приближение смерти, чтобы понять рассказ Л. Петрушевской? Тогда, чтобы пожалеть кошку, нужно непременно быть кошкой, чтобы заплакать над судьбой узника, побыть узником. У критика Л. Петрушевской, видимо, иной круг общения, не похожий на тот, что так жестко, правдиво описала писательница. Благородный дружеский круг, возвышенные мысли, высокие цели, красивые чувства. Порадуемся. Тем более что таких «кругов» у нас немало. Но если бы мало было «кругов», описанных Петрушевской, разве мы были бы озабочены снижением уровня благородства и нравственности в нашей интеллигентной среде — а ведь мы озабочены. За что же мы пеняем писательнице? За правду? За то, что она не «делает нам красиво»? За то, что нам горько и тошно после ее рассказа и трудно уснуть, а хочется спать крепко и сладко?

Но вот и «Литературная Россия» публикует рассказ, после которого не уснуть. И я все-таки настойчиво рекомендую его прочесть всем, кто любит литературу.

Кат — главный герой этого рассказа. Кат, палач. Его фамилия Коноплев, он проводит свое рабочее время в глубоком подвале, куда ведет чужунная лестница, закрученная тугой спиралью. Вот она зазвенела, и вслед за конвойным, с руками, заведенными назад, за спину, вошел седой человек. «Сколько уже входило вот так в подвал, каких только людей не переведал Коноплев!». Может быть, кат приводил в исполнение приговоры не только по пятьдесят восьмой статье. Но в рассказе Юрия Гончарова «Хлеб наш насущный», опубликованном в шестом номере этого года (непременно разыщите газету), он казнит человека, упавшего к нему в подвал с больших высот, лобастого, как электричеством, заряженного угрюмым, несокрушимым упорством, непокорной, несдающейся силой.

Вы тоскуете о положительном герое? О нестигаемом борце, о коммунисте? Прочтите, как он отказался повернуться лицом к стене, как за минуту до выстрела говорил со своим палачом. Восхититесь Человеком, его волей, бесстрашием, гордостью...

Палач... Хватит, хватит нам быть наивными, хватит не понимать, что сталинизм куда страшнее Сталина, хватит искать причины страшных бед в особенностях психологии одной личности. Надо искать причины в социальной психологии, доискиваться до корней сталинизма, чтобы корни вырвать, чтобы причины ликвидировать — только в этом гарантия от неповторения былых трагедий.

Для этого прошлое надо понимать. И все явления называть не приблизительно, а точными словами. Если бы мы не доносили друг на друга, брат на брата, если бы наша среда не рождала катов, — сталинизм был бы невозможен, немислим. Я говорю «мы», «нас», ощущая себя малой частицей великого многомиллионного русского народа. Да, русские пострадали больше всех от репрессий. Но ни грузины, ни узбеки, ни чукчи не могли нас от них уберечь. Мы могли уберечь и их, и себя, но не смогли и не уберегли. Великое наследство, принимая, надо принимать целиком — не одну память о святых подвигах, самоотречениях, самопожертвовании, щедрости, не одну гордость бесценной литературой и культурой, не одно преклонение перед великим деянием Октябрьской революции, имеющим всечеловеческую ценность, но и долги, и тяжкие вины... Долги надо признавать, вины осознавать — иначе никакие гарантии ни от чего не гарантируют.

Осознанию себя очень поможет публикация (вместе с комментариями Ю. Томашевского) в третьем номере «Дружбы народов». Даже если вы не найдете журнал, если не прочтаете ее, то вижу пользу и в том, чтобы вы задумались хоть над заголовком: «...Пи-

сатель с перепуганной душой — это уже потеря квалификации». Впрочем, вы все равно будете искать этот журнал из-за романа Андрея Платонова «Чевенгур», который, конечно, в моих рекомендациях не нуждается. Так не расстаньтесь с журналом, не прочитав еще «Письмо «исторического оптимиста». Это Эрнст Генри пишет Илье Эренбургу. Гарантирую вам солидный запас новой информации о сталинском периоде нашей истории, светлые и очень глубокие мысли.

Но одно из самых основательных размышлений на тему «что с нами происходило, происходит и произойдет» опубликовал журнал, выходящий далеко от столицы. Разыщите первый номер «Урала».

Вот статья Сергея Андреева «Причины и следствия» с подзаголовком «Что происходило с нами за последние тридцать пять лет, что происходит сейчас и чего следует ожидать в будущем». Кто такой Сергей Андреев? Не ведаю. Первый раз встречаю такое имя. Видимо, экономист, может быть, философ, и, уж во всяком случае, прекрасный публицист, вы в этом убедитесь.

Я могла бы пропустить статью: она очень большая, со множеством цитат из разных постановлений, других официальных документов. Меня спасла привычка доверять новому имени — эта привычка все время мне приносит счастье: сколько прекрасных имен в прозе, в поэзии, в публицистике я для себя и для вас открываю! И мы с вами, значит, куда счастливее тех, кто думает, что в советской литературе есть только те писатели, которые все время везде выступают да без конца издаются...

Более серьезного и глубокого исследования нашей экономики не было, помоему, ни у одного из наших публицистов. Сергей Андреев — первый. «В этой статье нам предстоит разобраться, почему некогда крепкая вера сменилась равнодушием, а затем и цинизмом, почему мы научились закрывать глаза на правду, не видеть очевидного, говорить не то, что думаем, и делать не то, что говорим; почему нация, которая совершила революцию, вынесла голод, лишения, построила величайшую державу в сроки, которых не видывал мир, победила в самой страшной из всех войн, снова встала из разлуки и создала индустрию, более мощную, чем у развитых европейских держав, вместе взятых, — почему эта нация предпочла спиваться и раблепствовать».

Да, только молодой человек может поставить перед собой такую великолепно дерзкую задачу... И что вы думаете? Он с нею справляется! Почему самые серьезные правительственные распоряжения через достаточно короткий срок оказывались надежно забыты? Автор анализирует документы, относящиеся к различным народнохозяйственным сферам, включая науку, производство, строительство, соцкультбыт, показывает их достоинства и изъяны, объясняет, кто, по каким причинам, какими способами их «хоронил», — и почему правительство вынуждено было принимать следующие, аналогичные распоряжения и что случилось с ними... Тема «повторяемость правительственных решений» — одна из наиболее интересных, но не единственная интересная в этой замечательной статье.

Как особую общественную группу автор рассматривает служащих производственно-управленческого аппарата — и это исследование из области социологии и социальной психологии. Методика борьбы с правительственными постановлениями изучена автором так досконально и показана так ярко, что я исполнилась оптимизма: зная беду заранее, ведь можно ее предотвратить. Вот почему я так настойчиво советую вам прочесть статью: мы не вправе допустить, чтобы постановления и распоряжения, принятые нами с апреля 1985 года, все замечательные решения периода перестройки были так же погублены и похоронены. Мы обязаны хра-

нить их от любых посягательств и добиваться выполнения. Это можно только всем, только вместе, только усилиями каждого честного человека и гражданина, каждого патриота своего социалистического Отечества. За нас никто не сделает. Не посмеем больше жить, оживать и расцветать своим патерналистским склонностям: «вот придет барин — барин нас рассудит», давайте рассуживать сами, каждый на своем месте, своим умом. Давайте отвечать за свое дело собственной честью.

Автор анализирует ситуацию сегодняшнего дня. Он показывает способы, которыми реализуется сопротивление перестройке. Они те же, что применялись на протяжении последних тридцати лет, а созревали значительно раньше. Начался процесс затягивания нововведений, неисполнения правительственных указаний, разбалансировки экономики. Все это, пишет Сергей Андреев, «симптомы тяжелой болезни, признаки большой беды». «Ситуация обязывает нас быть бескомпромиссными», — заключает автор. Так будем!

В предисловии к первому номеру «Урала» его автор, В. Лукьянин, главный редактор, пишет, что эта книжка журнала составлена из таких произведений, «которые мы прежде к публикации не принимали. В принципе не принимали». Надо бы хвалить редакцию за то, что она пошла на эксперимент. А у меня на душе горькая горечь. Неужели «в принципе не принимали», даже к рассмотрению, такие статьи, как у С. Андреева? Такие рассказы, как «Мой самый лучший друг» Олега Хандуся (уверю, что о наших сыночках в Афганистане вы никогда и нигде не читали ничего подобного)? Такие стихи, как у Александра Калужского (они сделали бы честь любому столичному журналу)? В принципе — не принимали? Но это прямо страшно... Хотелось бы верить, что уж теперь-то будут принимать. Хотелось бы, несмотря на «успокаивающие» слова из предисловия главного редактора: просим, мол, постоянных подписчиков не беспокоиться, следующие номера выйдут в привычном об разе.

Не надо, не надо в привычном. Эксперимент — доверим молодым самим подготовить к печати целый номер — показал, что, оказывается, в регионе, где живут уральцы, множество по-настоящему талантливых людей, о которых мы прежде и не слыхивали, причем перья их отмечены знаком высокой филологической культуры... Да и как же можно, как же возможно, товарищи редакторы, «в принципе не принимать» хоть какое-то произведение к рассмотрению? Не в том ли и беда многих журналов, что они выстроили вокруг себя высокие ограды и диктуют из-за этих оград литературе, какой ей быть?..

Думаете, мы, прочитав ряд произведений, написанных, но не опубликованных в прежние годы, да еще ряд произведений, принадлежащих людям, чьи имена были под запретом, — думаете, мы теперь, наконец, знаем, какая у нас литература? Нет, нет и нет. Сколько талантливейших рукописей не могут пробиться к читателю, несмотря на самые добрые отзывы, на самые сердечные рекомендации. Литература у нас принадлежит редакторам, а вовсе не народу. Счастье, если в редакциях сидят талантливые, понимающие, доброжелательные люди. А если бездарные? А если с извращенным вкусом, с извращенными понятиями о добре и зле? Они ведь стеной стоят... «В принципе не принимают». А принимают только себе подобных да еще желательно, чтобы похуже себя.

Я ознакомлю вас с одним человеческим документом, прочитанным мною в многотиражной газете «Московский литератор». Там был опубликован отчет с заседания жилищной комиссии. Председатель жилищной комиссии сетовал, что многие писатели бывают неумеренны в своих требованиях. Например, приходит срочная телеграмма на имя первого секретаря правления. Цити-

рую в точности по газете: «Доведен отчаяния товарищеской заботой решением вопроса квартирой выполнением решений ЦК об улучшении творческих бытовых условий писателей или это работа МО писателях народной партийной позиции нахожусь на грани крайних решений Вячеслав Горбачев».

Вы когда-нибудь слышали, чтобы за свои народные, партийные позиции кто-нибудь требовал наличными?

А как вы думаете, о каких крайних решениях говорит заместитель главного редактора журнала «Молодая гвардия»? Я полагаю, речь идет о решении вступить в кооператив, раз уж Союз писателей не меняет трехкомнатную в 49 с лишним метров квартиру, причем тянет, заметьте себе, с 1984 года. Для писателя, «стоящего на народных, партийных позициях», такое решение — вступить в кооператив, — конечно, крайнее, правда?

А скажите, разве можно человеку говорить о себе «стою на народных, партийных позициях»? Может, надо бы походить, пока другие о тебе скажут?

Вот перед нами некоторые черты характера одного из тех, кто решает судьбы литературных произведений. Я морализировать не собираюсь, здесь все более чем ясно, в этой телеграмме каждое слово говорит слишком о многом...

Не устану повторять: каждый журнал имеет такую прозу, такую публицистику, такую критику и поэзию, какую хочет иметь. Разнообразно невежество журнальных работников — однообразно плохо журнальная проза, злая и безграмотная критика, неинтересна, беззуба, бездоказательна публицистика. Перестройка в журналах — смена людей, отягощенных старым мышлением, на других, способных к мышлению новому, исходящих из того, что литература принадлежит народу, а не редакции, способных слушать и слышать людей, потому что народ — это и есть люди, а не абстрактная категория, в любви и принадлежности к которой можно клясться, одновременно ненавидя почти всех, кого вокруг видит глаз, все живое.

Мне кажется, нужно очень сильно не любить своих сограждан, чтобы убеждать их отказаться от золотого наследства, бесценного — от нашей фронтовой поэзии. Но ведь именно это делает в статье, опубликованной в «Молодой гвардии», С. Куняев. О чем статья? О том, что не «чистокровно русские» истинными патриотами быть не могут. Об этом, об этом, не надо смягчать, вопрос ставится именно так: в основе патриотизма кровь и почва. Как же надо ненавидеть... И критик Вл. Гусев этой ненависти не слышит? Он в газетной статье недогнувшей рукой объединяет статьи Ю. Карякина, Ю. Буртина, С. Куняева по одному при знаку — уровень произведенного ими шума? Не страшно так поступать перед всей российской совестью, перед Пушкиным, Достоевским, Чеховым, Толстым, Короленко, Буниным, Горьким, Маяковским? Перед русским народом, которому никогда не был свойствен ни антисемитизм, ни какой-либо иной национализм, — не стыдно?.. Отчего это всякого рода националистические отклонения родятся всегда в интеллигентной (считающей себя интеллигентной) среде — и никогда не рождаются среди так называемых простых людей? Потому, видно, что простые-то люди будут поинтеллигентнее.

С. Куняеву во втором номере «Знамени» ответили Ю. Друнина и Л. Лазарев. Ответили убедительно. Но ясно и то, что С. Куняев своей цели достиг: печатный орган для высказывания своих злобных, разъединяющих, разобщающих мыслей нашел. Нет, никому не отдадим фронтовую поэзию.

Она принадлежит советской литературе, русской.

И простите нас, товарищи фронтовики, простите мертвые и живые, за статью С. Куняева. Знайте, что мне, русской, за нее стыдно.

...А помните? В прошлом обзоре

я высказала опасение, что кто-то начнет анализировать роман Василия Гроссмана холодной рукой? Что холодный анализ! Одна писательница уже подсчитала, сколько в романе среди политических заключенных евреев и сколько русских. Получилось, что политические в основном евреи, а уголовники — русские. Что же это значит? И каков был метод подсчета — по фамилиям? по манерам? по интонациям?

Нет, Василия Гроссмана, замечательного русского советского писателя, мы тоже никому не отдадим. Его книги — неотъемлемая и прекрасная часть русской советской литературы. Когда я читала роман «Жизнь и судьба», мне ни на секунду в голову не приходило считать, кто там русский, кто нерусский, — в романе живут и страдают мои соотечественники, мои сограждане, мои братья и сестры. Родина моя в нем живет и страдает.

Неужели у вас, товарищи читатели, было иное впечатление? Неужели и кто-нибудь из вас — считал?

В те далекие годы, о которых писал в своем очерке «Хрущев» Федор Бурлацкий, публиковалось у нас одно американское исследование, которое я помню довольно смутно (кто-то, может быть, вспомнит точнее). Изучалось наличие расизма в американской психике.

— Я не расист, потому что считаю негров такими же людьми, как мы сами, — отвечал один из опрошенных. — Они не лучше и не хуже.

— Я не расист, потому что у меня есть отличные друзья среди негров, — отвечал другой.

— Я не расист, потому что считаю возможным даже жениться на негритянке, — отвечал третий. — И в правительстве можно их выбирать: среди них есть очень толковые люди.

Это все расизм, самый настоящий расизм — к такому выводу приходили исследователи. Все эти интервью даны расистами. Только тогда можно говорить об отсутствии расизма в психике, когда люди перестают замечать, кто из них негр, а кто из них белый.

Университетские читали тогда исследование со снисходительной улыбкой. Как они отстали, американцы, какое неинтеллигентное, малокультурное общество. Вот у нас все люди — братья. И мы — не замечаем. А кто еще замечает, тот скоро перестанет. Ведь мы строим коммунизм — братское общество равных.

И вот за двадцать с небольшим лет куда-то все это делось. И начали мы по пальцам считать. И от стыда не умираем, произнося слова «кровь и почва». Пока еще для камуфляжа разводим их в текстах и речах друг от друга подальше. Неужели и это скоро перестанем делать?..

Ладно, наверное, мы все уже старые, и нечего от нас больше ждать. На днях по телевизору я видела телесом, американских и советских подростков. «Что вы узнали друг о друге?» — спросил их ведущий в конце. Ответ, самый главный ответ прямо вертелся у меня на языке. «Самое интересное, что мы одинаковые» — так должен был кто-то ответить. Потому что это было потрясающее сходство: замечательно разных ребятшек нельзя было отличить, когда не показывали ведущих, — где американцы? Где советские? Не в похожих принципах наряжаться, вернее, не наряжаться, выглядеть как можно демократичнее, не в простых причесах было дело. Сходство было в глазах, прекрасное сходство — свободные, бесстрашные, независимые были глаза.

Но никто из ребят не дал такого ответа — и это лучшее, что они могли сделать, это сказало о них всего выразительнее. Для них здесь нет вопроса: да, одинаковые, да, свободные, бесстрашные, независимые. О чем здесь говорить, это само собой разумеется, и иначе быть не может. Они — не заметили.

Вот на них, на детей Апреля, и вся надежда. Тем же, само собой разумеющимся, станет для них братство человеческое — интернационализм. Они не

будут думать, кто негр, а кто нет, не будут считать по пальцам.

Вот видите как?.. Надо же еще сказать вам, что читать, что нельзя пропустить в журналах. Во втором номере «Знамени» непременно роман Бориса Ямпольского (даже после Гроссмана можно читать, сильная книга), не пропустите там же рассказ Даниила Гранина (о том, как он брал интервью у А. Н. Косыгина), не расставайтесь с журналом, пока не прочтете статью Отто Лациса (это захватывающе интересное произведение на экономическую тему), большую пищу уму и душе удовольствия, обещаю, получите от статьи Игоря Дедкова... И если вы смотрите на критику как на литературу, а я думаю, что под рукою лучших мастеров она, конечно, литература, то найдите первый номер «Литературной учебы» и прочтите статью Игоря Виноградова «Перед лицом неба и земли».

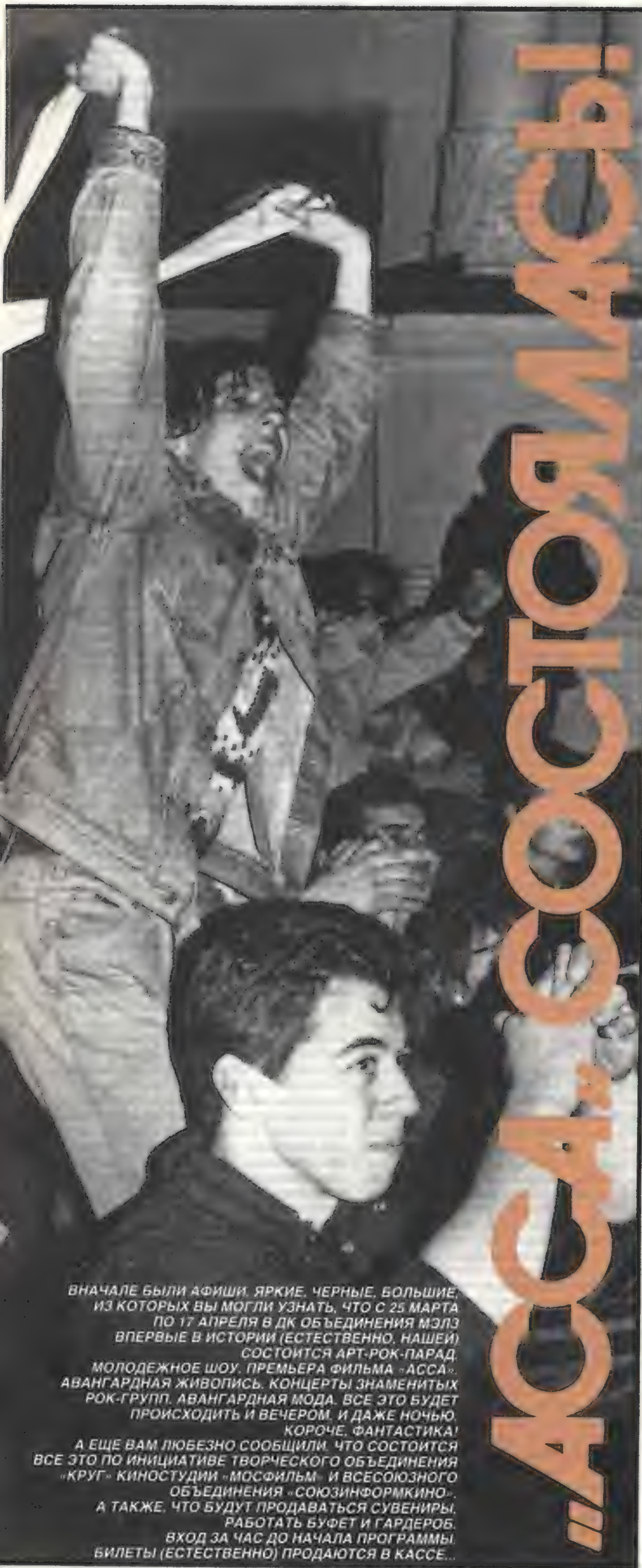
Не думайте, что в первом номере «Невы» стоит внимания только «Роман о девочках» Владимира Высоцкого (кстати, я думаю, он интересен не только тем, что написал Высоцкий; это добротная проза). Обратите внимание на публикацию «Первые уроки». Это Наталья Долинина. Давно я не встречалась с ее славным именем. Всего несколько страниц о том, как в 1951-году начинала преподавать. Ритм и воздух тех лет, голоса... Очень честные страницы.

В первом номере «Подъема» началась повесть-исследование Вадима Кожина «Жизнь Тютчева». «Естественно предположить», «можно допустить», «есть основания сказать» — подобные обороты так и мелькают на страницах. Автор воссоздает жизнь поэта бережно, осторожно, по крупицам собирая информацию. В том же номере Валентин Лавров публикует материал «Кончается мой сон туманный» — это о последних годах жизни Ивана Алексеевича Бунина. Советую, прочитав это, обратиться к «Звезде», где сейчас публикуются воспоминания Ирины Одоевцевой: материалы перекликаются. В том же номере «Подъема» Александр Чапыгин, строитель, кандидат наук и автор многих научно-технических публикаций, печатает первую в жизни литературоведческую работу. Она о творчестве В. Высоцкого. Автор работал над ней целых десять лет...

«Рассеялся «чад полуночных собраний», развеялся морок мнимонеперекрываемых истин, именем которых ломались судьбы, разъединялись семьи, коржились и плющились человеческие души. Наступило время, когда и на прошлое, и на свой сегодняшний день мы можем и во имя будущего обязаны посмотреть безо всяких шор, открыто и прямо». Это Юрий Буртин. Из послесловия к воспоминаниям Ивана Твардовского, мартовский номер «Юности». Февральский номер вы, видимо, не пропустите и без моих советов, возьмете из-за рассказов Фазиля Искандера (это необманное имя), из-за рассказа Николая Шмелева (как долго шел к нам этот писатель, как все не мог, наверное, пробиться... но теперь уж с читательским вниманием его ничто не разлучит; учтите, что в мартовском «Знамени» его большое произведение), из-за стихов Натальи Крандиевской-Толстой. А вот третий... Третий номер тоже отличный. Чтобы так оценить его, хватило бы и одних воспоминаний И. Твардовского. А здесь еще и рассказ Александра Куприна. Вам кажется, что у Куприна мы знаем все? Это — большое заблуждение. В послесловии к публикации Олег Михайлов расскажет нам на эту тему (и на некоторые другие темы) немало интересного. Осмыслению прошлого, пробуждению гражданского чувства поможет очерк Владимира Амлинского — отличная публицистическая работа!

Ох, Марфа, ты опять печешься о многом, не пора ли остановиться?

А ведь я не назвала и пятой доли всего, что стоит прочесть в журналах последних месяцев. Чем интереснее журналы, тем труднее обозревателю. Но легкая работа радости не приносит.

ВНАЧАЛЕ БЫЛИ АФИШИ. ЯРКИЕ. ЧЕРНЫЕ. БОЛЬШИЕ. ИЗ КОТОРЫХ ВЫ МОГЛИ УЗНАТЬ, ЧТО С 25 МАРТА ПО 17 АПРЕЛЯ В ДК ОБЪЕДИНЕНИЯ МЭЛЗ ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ (ЕСТЕСТВЕННО, НАШЕЙ) СОСТОИТСЯ АРТ-РОК-ПАРАД. МОЛОДЕЖНОЕ ШОУ. ПРЕМЬЕРА ФИЛЬМА «АССА». АВАНГАРДНАЯ ЖИВОПИСЬ. КОНЦЕРТЫ ЗНАМЕНИТЫХ РОК-ГРУПП. АВАНГАРДНАЯ МОДА. ВСЕ ЭТО БУДЕТ ПРОИСХОДИТЬ И ВЕЧЕРОМ, И ДАЖЕ НОЧЬЮ. КОРОЧЕ, ФАНТАСТИКА! А ЕЩЕ ВАМ ЛЮБЕЗНО СООБЩИЛИ, ЧТО СОСТОИТСЯ ВСЕ ЭТО ПО ИНИЦИАТИВЕ ТВОРЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «КРУГ» КИНОСТУДИИ «МОСФИЛЬМ» И ВСЕСОЮЗНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «СОЮЗИНФОРМКИНО». А ТАКЖЕ, ЧТО БУДУТ ПРОДАВАТЬСЯ СУВЕНИРЫ. РАБОТАТЬ БУФЕТ И ГАРДЕРОБ. ВХОД ЗА ЧАС ДО НАЧАЛА ПРОГРАММЫ. БИЛЕТЫ (ЕСТЕСТВЕННО) ПРОДАЮТСЯ В КАССЕ...

АССА

Ирина ВЕДЕНЕЕВА.
Фото Юрия КОЗЫРЕВА
и Юрия ФЕКЛИСТОВА

Вобщем, если вам случайно удалось найти эту кассу и даже купить в ней билет, то вы смело могли идти сквозь толпу молодых и не очень молодых людей с плакатами на груди типа: «Пожалуйста несчастного — продайте лишний билетик!..», которая начиналась от метро и тянулась не прерываясь до самого Дворца культуры МЭЛЗ.

Преодолев натиск толпы и последний кордон милиции, вы наконец попадаете вовнутрь.

И тут же понимаете, что попали куда-то не туда.

Вернее, именно туда, но все равно странно. Публика разнообразная до невероятности: от людей приличных и солидных в костюмах с галстуком и накрахмаленными воротничками до совершенно «неприличных», которых описать словами будет несколько затруднительно. От строгих руководящих работников, знаменитых писателей, режиссеров, актеров и т. д. до совершенно незначительных мальчиков и девочек, простых зрителей, рок-музыкантов, иностранных и неиностранных журналистов и т. п.

А кругом какие-то плакаты, картины, деревянные фигуры, летающие люди, музыканты с мрачными лицами, фокусники, умные разговоры об арт-культуре, колонны, исписанные стихами. Вы можете ходить по этажам, по закоулкам и каждый раз наткнетесь на что-то новое. И наконец, купив майку с надписью «Асса», нацепив ее на себя поверх свитера, закусив бутербродом из действительно работающего буфета, пройдя мимо картины, где на вас взглянет большой, чистый, мудрый Иосиф Виссарионович с тремя счастливыми

пионерками рядом, вы попадаете в зал, где будете пританцовывать под рок-группы «Аквариум», «Кино», «Наутилус», «Бригада С» и многие другие. И посмотрите фильм «Асса».

И среди этого забавного веселого эпатажа будет бродить счастливый, в расстегнутой рубашке, еще до конца не верящий, что это произошло, режиссер Сергей Соловьев — автор фильма «Асса» и при этом секретарь Союза кинематографистов, по чьей инициативе все это и состоялось.

А еще совсем недавно он уже верить отчаялся. Простая, хорошая, демократичная идея — сделать молодежный праздник — превратилась в неразрешимую проблему. Бесконечные бумаги, справки, переговоры с дирекцией кинотеатра «Ударник», где все это предполагалось провести, глупые предлоги для очередного отказа, бессонные ночи и снова справки... Одним из последних было заявление директора кинотеатра: а что если эта ваша молодежь проломит нам балкон? На что Соловьев тут же согласился, что ладно, на балконе мы ходить не будем, будем внизу, на полу... «А что если они проломают нам пол?» — бесстрастно возразил директор кинотеатра...

Я не знаю, что было последней каплей терпения измученного неравной борьбой кинорежиссера и снились ли ему ночами кошмарные сны с продавленными полами и рушащимися балконами, но имя и фамилию директора кинотеатра «Ударник» при нем произносить сейчас уже нельзя. Соловьев тут же забывает про «Ассу», про творческие дискуссии, музыку, поэзию и про все остальное и гневно произносит, что мир погубят не злодеи, а обычные, не желающие хорошо работать люди...

На премьере фильма «Асса» в Доме кино Соловьев и его группа даже отказались выйти на сцену, сказав, что это не настоящая премьера. Настоящая должна была быть в другом месте. Но, увы...

И вот именно тогда к Соловьеву подошел один человек — директор

Дворца культуры МЭЛЗ. И «Асса» состоялась.

Что на сегодняшний момент представляют собой наши так называемые клубы и дворцы культуры, говорить много не надо. И так все знают. Во многих дворцах культуры говорить о культуре как-то неловко.

О существовании ДК МЭЛЗ какое-то время тоже подозревали только те, кто жил поблизости от величественного здания. А здание действительно было знаменитым. Когда-то здесь располагался театр имени Моссовета, потом актеры переехали поближе к центру, а помещение передали телевидению. Именно здесь, в телетеатре, происходили незабываемые КВНы шестидесятых, прямые трансляции концертов и так далее. А потом построили телецентр в Останкине, и о бывшем телетеатре, кажется, все должны были навсегда забыть. Наверное, так бы и произошло, если бы в ДК МЭЛЗ не пришел новый директор.

До этого момента Александр Вайнштейн работал инженером на объединении МЭЛЗ, был на хорошем счету, как говорят в таких случаях, успел стать лауреатом премии Совета Министров СССР в области науки и техники, в общем, дела и карьера продвигались неплохо. Но как он сам говорит, инженерная работа была не для души. Если бы не Дворец культуры, Александр все равно бы ушел, наверное, в спортивную журналистику, к тому времени он много и интересно писал о футболе и хоккее в центральной прессе. Но как раз именно в этот момент ДК МЭЛЗ остался без директора. И, зная о разнообразных творческих наклонностях молодого талантливого инженера, руководство МЭЛЗа предложило возглавить ему Дворец культуры объединения. Нельзя сказать, что эта странная идея обрадовала его. Сам он за все годы работы на заводе в ДК ни разу не был. Но тем не менее отлично знал, какую ношу на себя взваливает. Потому что если все делать по-настоящему, то...

Режиссер Сергей Соловьев и актриса Татьяна Друбич. У них сегодня праздник...

В общем, он решил попытаться превратить обычный, традиционный ДК в заведение современное, модное, посещаемое, если хотите, престижное и даже не менее престижное, чем Дом кино, ЦДРИ или ВТО.

Новый директор ДК сразу поставил для себя и своих единомышленников цель — поднять планку. Никакой халтуры. Никаких никому не нужных писателей, артистов, никаких фальшивых кружков. Все должно быть как на лучших сценах страны. А еще лучше — можно ведь и об этом помечтать, — если любая звезда сама будет мечтать выступить во Дворце культуры МЭЛЗ.

Многие считали все это полным безумием, ДК находится в рабочем районе, кругом фабрики, заводы. Кто в этот клуб пойдет? Кому это все будет нужно? Но он знал: на настоящее обязательно пойдут, пусть не все, не сразу, но в конце концов обязательно придут.

Хотя, и правда было сложно, трудно, иногда невыносимо тоскливо. И даже не оттого, что устроить вечер Майи Плисецкой или Олега Ефремова в тысячу раз сложнее, чем встречу с третьеразрядным артистом. Это они брали на себя. Убивало другое. Вывешивали они объявление о вечере прекрасного, замечательного писателя, и вдруг люди вполне серьезно начинали спрашивать, в каком фильме он играет... Отсутствие культуры — вот что поражаало больше всего. И потому отсутствие всякого желания потреблять ее. Работа — дом, работа — дом, и больше ничего. Иногда в этот привычный распорядок вклинивается телевизор. На этом наши культурные потребности ограничиваются. Мы незаметно сами для себя превратились в роботов, вот что самое страшное...

И все-таки прошло немного времени, и вечера, концерты, встречи, дискуссии, на которых раньше сидели только засыпающие пенсионеры, превратились в аншлаговые события. «Нет ли лишнего билетика?» — этот клич для ДК МЭЛЗ постепенно стал привычным явлением. Имена приглашенных говорят сами за себя: Фазиль Искандер, Александр Калыгин, Юрий Нагибин, опера Большого

рого никто никогда не читал и знать не знает. Если сенсационными оказались группы «Аквариум», «Наутилус», «Браво», а не артисты Москонцерта, на которых, даже если каждому зрителю доплатить по рублю, все равно никто не придет.

Я помню, было это два года назад, Александр решил устроить один из первых в стране конкурсов брейк-данса. Это теперь брейк стал почти что классическим, канонизированным танцем, почти что вальс, его показывают даже на официальных концертах во Дворце съездов. А тогда... Тогда это было более чем смелым поступком. Брейкеров гоняли, забирали в милицию, считали этот танец безнравственным, ну, и все такое прочее...

В ДК МЭЛЗ, а также в вышестоящие организации стали звонить: какой брейк, кто позволил, мы не позволим... Я помню Александра в тот момент. Он попевал всюду, давал точные, короткие распоряжения — на сцене, за кулисами, в зале, улыбался гостям, а сам был бледным, с трудом понимая, чем это все может кончиться. Он знал, что многие ждут ЧП и даже будут рады этому ЧП, поскольку это как раз докажет безыдейную и разлагающую сущность брейка, а также политическую недалекость директора. Но все прошло прекрасно. Танцоры танцевали, зрители аплодировали, а Дворец культуры МЭЛЗ приобрел новых поклонников, молодых зрителей. Еще одна маленькая победа.

Его упрекают в коммерции. Но директор ДК, кажется, даже рад этому упреку. Более того, он ввел в штатном расписании новый отдел — рекламный. Директор прав, без рекламы сейчас серьезное дело двигать бессмысленно. Он убедил всех, что сейчас бесплатные билеты даже для своих заводских рабочих на концерты, встречи, вечера не нужны, даже вредны. Тут действует психология привыкшего к долгой халтуре человека. Раз бесплатно — значит, плохо, значит, непрестижно. Хорошее бесплатно предлагать не будут.

В ДК МЭЛЗ сейчас нередко устраивают благотворительные вечера. Иногда зрителями на этих концертах становятся и дети. Его тоже за это ругают. Как можно такое, фу, дети и деньги... А он считает, что это прекрасно, когда ребята знают, что деньги, которые они заплатили за концерт, пойдут, например, в Фонд помощи животным. По-иному относиться будут к кошкам и собакам...

— Проблем хватает. И все-таки главная, — говорит Александр, — это даже не перестраховщики. Главная боль, работа, главные переживания — все те же зрители... Пугает всеобщий инфантилизм. Люди отвыкли и больше уже не хотят общаться, спорить, отдыхать, веселиться. Маленькие бумажки с продуктовыми заказами все замечают сразу, а огромные афиши с прекрасными именами не видят. Все в своей скорлупе. И то, что молодежь сейчас стремится к общению, то, что она другая — веселая, раскованная, легкая, — это замечательно.

Александр рассказывает о многочисленных мероприятиях, назовем их так, которые были организованы специально для молодежи, начиная от первого московского брейк-фестиваля и заканчивая последней премьерой «Ассы», и чем дальше он говорит, тем яснее я понимаю, как много ДК МЭЛЗ сделал для молодых. Здесь возник своеобразный экспериментальный центр молодежной культуры, возник благодаря самоотверженности, таланту работников Дворца.

Все это было бы невозможно без поддержки и помощи тех, кому во многом обязан коллектив ДК сегодняшними успехами. Руководство Куйбышевского райкома партии Мо-

театра, «Виртуозы Москвы», театр «Лицедеи», Александр Градский, Михаил Жванецкий... Этот список можно продолжать и дальше, и каждое имя — это событие. Такие события сегодня в ДК МЭЛЗ случаются почти каждый день.

По мере роста популярности ДК нового директора стали упрекать в сенсационности: мол, занимается тем, что поскандальнее... Но что он мог поделать, если сенсационным к тому времени стало все то, что и можно было назвать настоящей культурой. Если сенсационными стали Битлов, Искандер, Ахмадулина, не какой-нибудь писатель Пупкин, кото-

ный смысл, а в планах будущего превратить ДК МЭЛЗ в своеобразный Дворец общения.

Но вернемся все-таки к «Ассе». К тому самому моменту, когда Соловьев, находясь в отчаянии, отказывался даже выйти на сцену Дома кино. Так вот как раз в тот самый момент к нему и подошел директор Дворца культуры МЭЛЗ... Через некоторое время Соловьев приехал в Куйбышевский райком партии столицы. Его разговор с первым секретарем Е. А. Пантелеевым был недолгим, но очень деловым. «Асса» получила полную поддержку, и все было решено. В один день.

Для измученного режиссера это все было похоже на сказку, в которую он никак не мог поверить.

На пресс-конференции Соловьев вспоминал, что, напуганный предыдущими переговорами, он уже сам спрашивал у Александра: а балкон не рухнет? На что тот ему непонимающе отвечал: а зачем ему рушиться? А может пол продавится? — не сдавался режиссер. Не продавится, успокаивал его директор ДК, он крепкий...

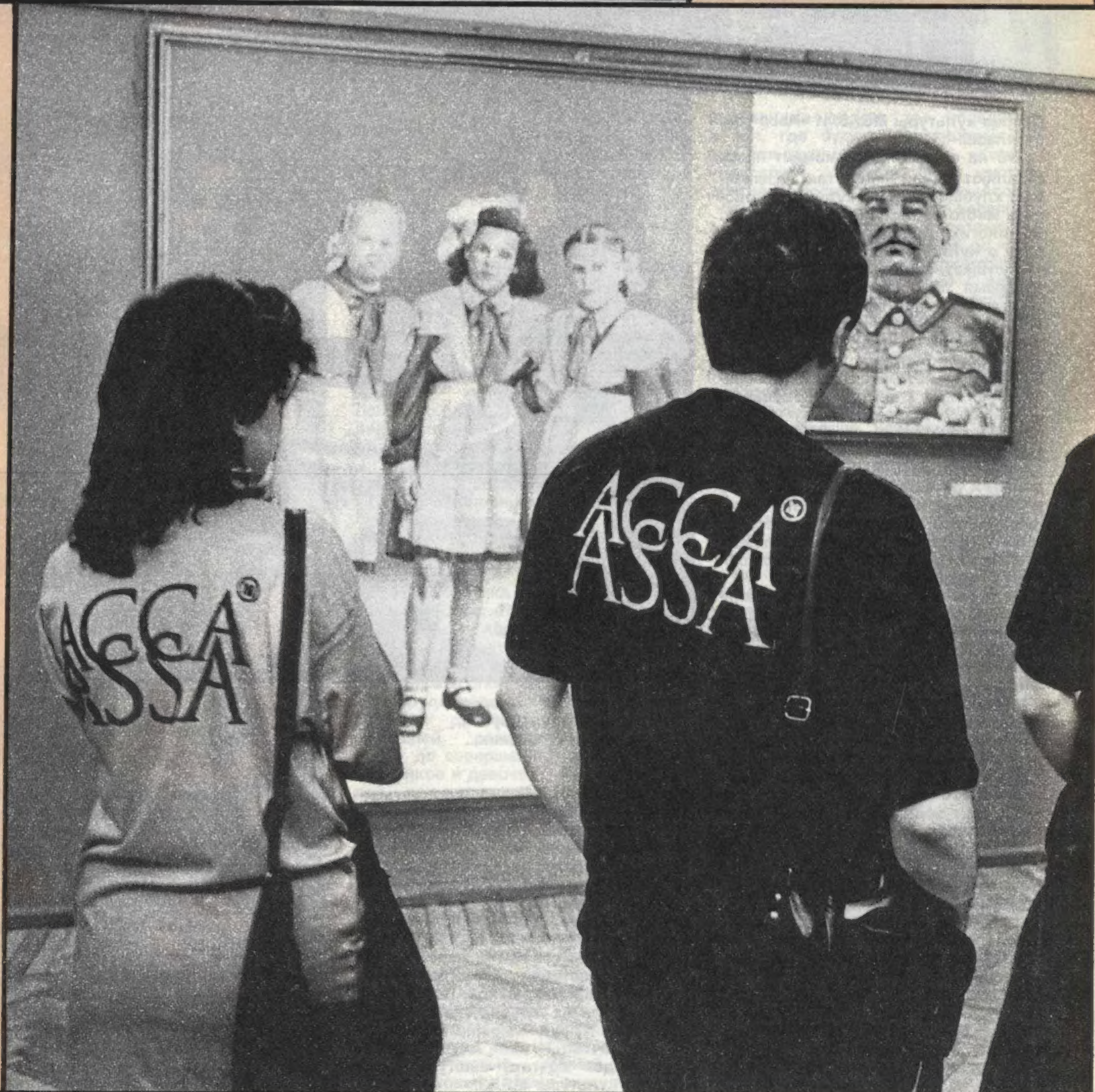
В общем, вопреки всем недоброжелателям «Асса» состоялась. И в четвертом, пятом, шестом часу — под утро, после ночного просмотра, когда мы выходили из Дворца культуры МЭЛЗ и пробирались сквозь немного поредевшую, но все-таки еще большую толпу молодежи, ребята уже ничего не просили, они просто

сквы, генеральный директор объединения МЭЛЗ В. Г. Лапшин и секретарь парткома А. М. Мареев считают, что поддержка и выполнение планов ДК не менее важно и необходимо, чем выполнение производственных заданий.

Кстати, сложно бывает не только в крупном, сложно бывает в мелочах. Если, правда, это можно назвать мелочами. Например, решили они у себя повесить красивые, модные занавески, поставить мягкую, уютную мебель. Повесили, поставили. Через несколько дней занавески срезали, подушки от мягкой мебели стащили. А они опять повесили новые, красивые занавески, их снова срезали. Александру говорили: повесь что подешевле и попрочнее, поставь старые стулья, пусть отдыхают. А он снова вешает красивое и модное. Они в конце концов поймут, что это для них, говорит Александр, что Дворец культуры — это их дом, а в собственном доме занавески не срезают.

— Я понял, люди тоскуют по нормальной творческой работе, — говорит он, — а если им ее дать, то они готовы чудеса свершать!.. Сейчас на премьере «Ассы» десятки замечательных людей отдают себя полностью, свое время, силы без остатка. Ночная премьера «Ассы» начинается в 23.00, а заканчивается рано утром. И все — работники сцены, гардеробщицы, администраторы, творческие, технические сотрудники — всю ночь до утра работают. Когда я в пять утра проходил по этажам Дворца, вдруг понял, что лица у всех одинаково хорошие, почти счастливые — и у Сергея Соловьева, и у молодых, ярких, внешне кого-то пугающих зрителей, и у милиционеров, и у буфетчиц, и у художников, и у гардеробщиц. Мы все делаем одно дело — это прекрасно.

Про планы директора ДК МЭЛЗ я даже и не буду говорить. Во-первых, потому что и так понятно, что они грандиозны, а во-вторых, чтобы их не сглазить. Скажу только, что наконец-то словосочетание «Дворец культуры» обрело свой первоначаль-

Девочки написали слово «Асса» на щеке чернилами. Зачем? А просто так. Потому что — весело, потому что — молодые. Они завтра умоются, и чернила исчезнут. Но останется то, что смыть водой не удастся. Это ощущение праздника. Когда мы все вместе и «ждем перемен», как поется в песне Виктора Цоя. Их ждут и эти мальчишки на лестнице, не попавшие в зал, в надежде, что в следующий раз им билеты достанутся и они будут пить кефир внутри Дворца, а не снаружи. Мы все — ждем перемен!

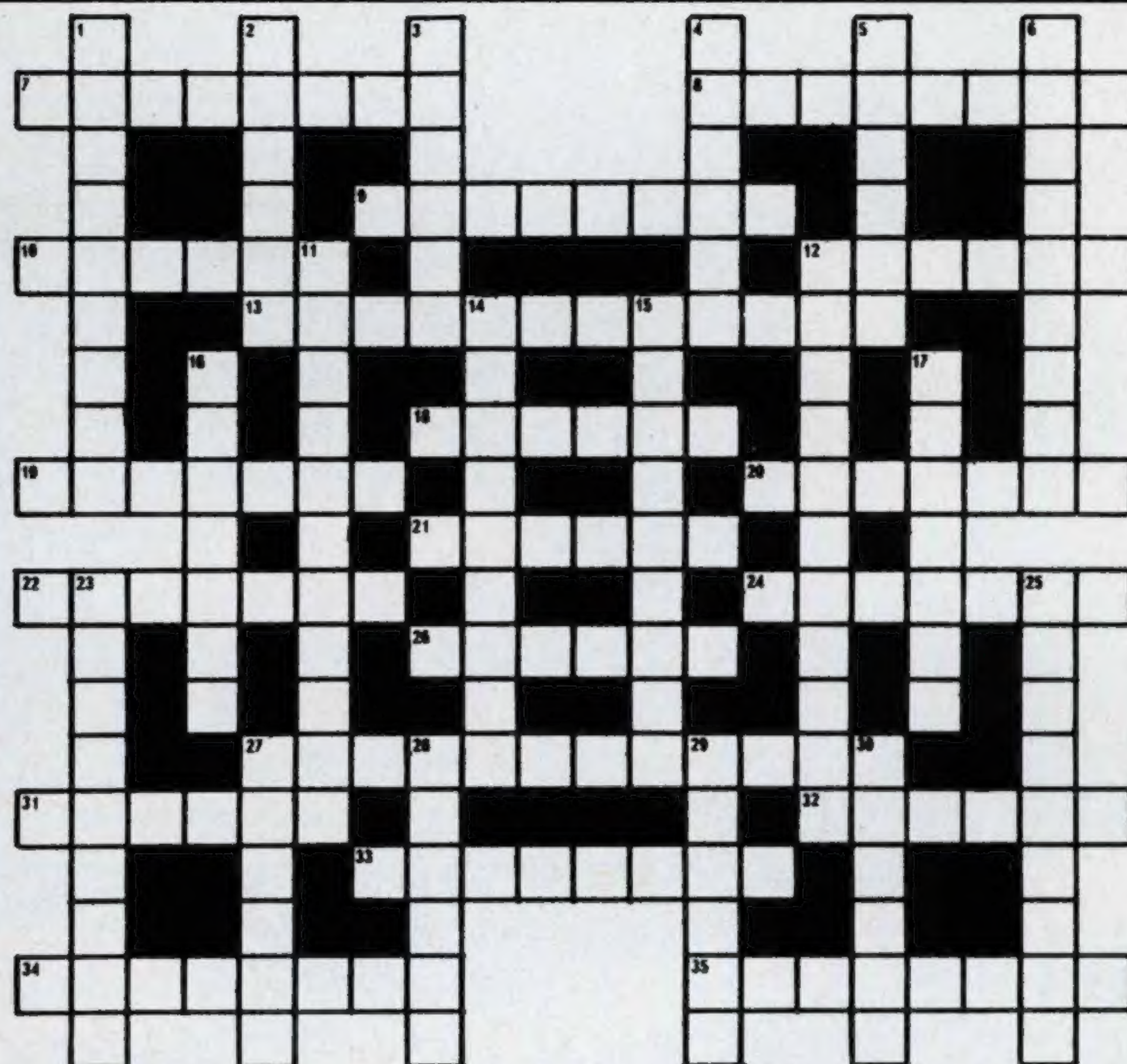
сидели на тротуаре или стояли рядом с усталой, добродушной милицией, пили горячий чай из принесенных термосов, с некоторой обидой смотрели на нас, выходящих. Будто это мы были виноваты, что МЭЛЗ один, а всех так много. Будто это мы виноваты, что столько лет почти ничего не было и даже теперь так редко и с таким трудом что-то появляется. Будто это мы виноваты, что они должны вот так стоять всю ночь и чего-то ждать...

А еще они пели песни. О том, что «Под небом голубым есть город золотой, с прозрачными воротами и яркою звездой...».

В шестом часу утра это звучало особенно красиво. И грустно...

Кроссворда

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Научное предположение. 8. Название научных учреждений и учебных заведений. 9. Автор романов «Не хлебом единым», «Белые одежды». 10. Партизан в пьесе В. В. Иванова «Бронепоезд 14-69». 12. Сопровождение, охрана. 13. Теория и практика полетов во Вселенную. 18. Источник новых средств, сил. 19. Публицистическое обличительное произведение. 20. Вид учебных занятий. 21. Русский ученый, основоположник металловедения и теории термической обработки стали. 22. Литературный герой романа М. Горького. 24. Область медицины. 26. Спортсмен, бегун на длинные дистанции. 27. Лопаточный двигатель, преобразующий механическую энергию потока воды. 31. Островное государство в Восточной Азии. 32. Осадочная горная порода, стройматериал. 33. Вещество, не проводящее электрического тока. 34. Бактериальное удобрение для бобовых культур. 35. Прибор для обеззараживания воды, очистки воздуха.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Раздел педагогики. 2. Машина для обработки металла, дерева. 3. Разреженное состояние газа, воздуха. 4. Документ, удостоверяющий право на изобретение. 5. Город-герой. 6. Плоская кривая линия. 11. Знания и опыт в определенной области. 12. Научный опыт. 14. Родина. 15. Пилотажный прибор в авиации. 16. Объединение научно-преподавательского состава в вузе. 17. Анализ, обсуждение с целью дать оценку. 23. Раздел клинической медицины. 25. Химик-органик, академик, дважды Герой Социалистического Труда. 27. Смычковый музыкальный инструмент, распространенный в Средней Азии. 28. Областной центр в РСФСР. 29. Специалист, изучающий живую природу. 30. Река, правая составляющая Амура.

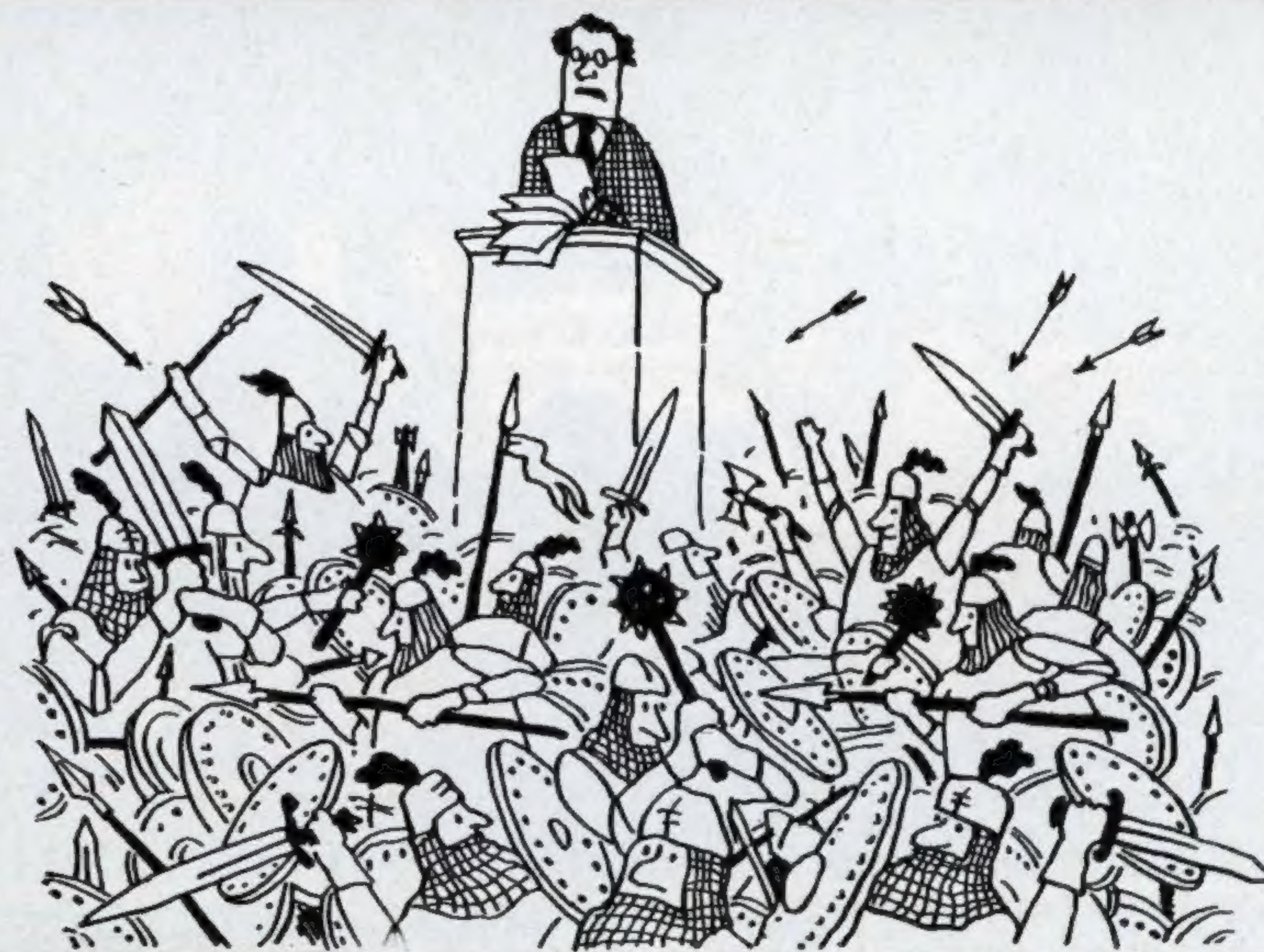
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Курортология. 6. Спаржа. 8. Атбасар. 10. Рагозин. 12. Евфрат. 13. Вазов. 15. Нарты. 17. Камчатка. 21. Нигрол. 22. «Союз». 23. Калибр. 24. Атабаска. 27. Шишак. 29. Багет. 30. Плутон. 31. Зарядка. 32. Геральд. 33. «Золото». 36. Альтернатива.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Кубасов. 2. Креп. 3. Пляж. 4. Пилюгин. 6. Среда. 7. Артек. 9. «Трактирщица». 11. Истребитель. 14. Окарина. 16. Афалина. 17. Колба. 18. Масса. 19. Тезис. 20. Аккра. 25. Топаз. 26. Конго. 28. Кадриль. 29. Барсова. 34. Овен. 35. Трал.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

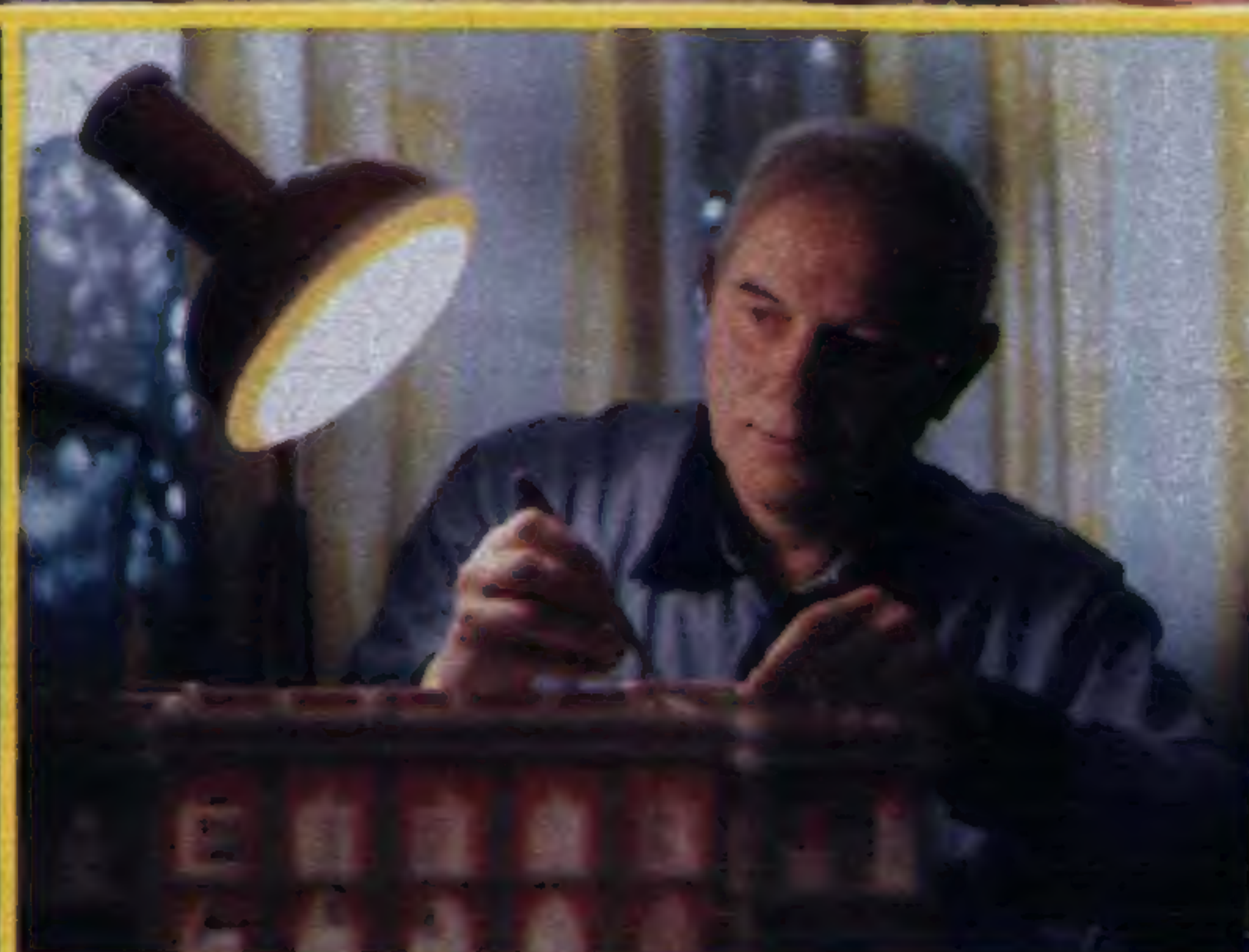
Рисунок
Олега ЭСТИСА

ОГОНЁК

ISSN 0131-0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

ПРИЗВАНИЕ

Началось с того, что однажды ко дню рождения сына Николай Николаевич Гундоров приобрел модель стандартной железной дороги. Увлёкся ее сбором, да настолько, что принялся мастерить архитектурное строение Московской окружной железной дороги — станцию Братцево. Работал в материале, который был под рукой, — оргалит, пластик, стекло. Макет этот в 1972 году, в Берлине, получил первую премию: качество изготовления деталей, точность соблюдения масштаба и, наконец, яркая художественность исполнения поразили международное жюри. В то время автору исполнилось сорок лет. По проекту архитектора Федора Шехтеля, творившего в конце прошлого — начале этого века, Гундоров воспроизводит миниатюрные постройки дворца в Кирицах (Рязанская область); изготавливает макеты Царицынского ансамбля, который был построен в XVIII веке великим русским зодчим Василием Баженовым.

Николай Николаевич — участник всесоюзных, городских и международных выставок. На одной из экспозиций получил золотую медаль ВДНХ.

— Сейчас продолжаю тему Царицына, — рассказывает мастер. — Закончил девятое строение, а их в свое время было не меньше двадцати. К сожалению, на сегодняшний день сохранилось лишь восемь. Горько видеть, как исчезают гениальные творения русских зодчих.

Олег ТУРКОВ

Фото
Анатолия БОЧИНИНА

